

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. И. Шерemet

ПОСЛЕДНИЙ ОСМАН

Избранные труды

Том 1

Москва
ИВ РАН
2021

ББК 63.3(5)
Ш 49

Ответственный редактор и составитель
Л. В. Зеленина

Рецензенты
д. и. н. В. В. Беляков
д. и. н. В. М. Запорожец

Утверждено к печати
Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН

Шеремет В. И.

Ш49 Последний осман. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. / Отв. ред. и составитель
Л. В. Зеленина; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 216 с.

ISBN 978-5-907384-62-0 (общ.)
ISBN 978-5-907384-63-7 (Т. 1)

В книгу вошли избранные труды по истории Османской империи и русско-турецких отношений выдающегося российского востоковеда Виталия Ивановича Шеремета (1940–2012), а также его статьи, в которых рассматриваются некоторые теоретические проблемы востоковедения.

ББК 63.3(5)

© В. И. Шеремет, наследники, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

На обложке: Женщина, глядящая из окна. © And M. Osmanlı Tasvir Sanatları 1: Minyatür. C. 535. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, Pencereden bakan kadın Albüm. İÜK T9364

Виталий Иванович Шерemet
(1940–2012)

Содержание

<i>От составителя</i>	7
Васильев Д. Д. Восток — дело тонкое	9
Раздел 1. Россия и Турция	19
Россия и Турция: развитие взаимных представлений народов	21
Ункяр-Искелесийский договор 1833 года	39
Русско-турецкие экономические связи в середине XIX века	43
Малоизвестные материалы по истории русско-турецких отношений после Берлинского конгресса 1878 года	65
Царьград — Константинополь — Стамбул в русской поэзии	73
Раздел 2. Век Екатерины и Александра	93
Второй брак императрицы	95
«Потемкинская деревня». Архивное востоковедение против рефлексивного мифа	104
«Осведомительные службы» М. И. Кутузова	107
Гласный согладатай турецкого султана при дворе русской царицы, или Как русские красавицы отвлекли турецкого офицера от выполнения его долга	123
«Россиянка» — тайный эмиссар императрицы	128
Русское присутствие в Средиземном море. Геополитические маневры и военные действия периода русско-турецкой войны 1768–1774 гг.	138
Генерал-аншеф А. Г. Орлов: «На кону стоял весь европейский политик России»	150
Россия и Мальта	167
Ошибка императрицы	181
Отчего так тянуло русских правителей к «шемаханским царицам»	192
Повесть о том, как два императора делили Восток и Запад	199

English Resume

Vitaliy I. Sheremet. Vol. 1 The Last Osman

The book includes selected works on the history of the Ottoman Empire and Russian-Turkish relations by the outstanding Russian orientalist Vitaly Ivanovich Sheremet (1940–2012), as well as his articles, dealing with some theoretical problems of Oriental studies.

От составителя

«Последний осман» — так часто друзья называли Виталия Ивановича Шеремета (1940–2012). Он был действительно влюблен в Османскую империю, даже не в ее историю, но в ее жизнь. Много работал в архивах, читал исследования на разных языках — это естественно для каждого серьезного историка. Но Виталий Иванович всегда пытался узнать как можно больше и об обычных людях, которые тогда жили, работали, действовали, — творили историю.

Биографические очерки, посвященные ярким деятелям той или иной исторической эпохи, всегда были любимым жанром В. И. Шеремета. Такие эссе присутствуют в четырех из пяти разделов книги, в которую вошли работы по направлениям, всегда представлявшим для него наибольший интерес как для исследователя.

В сборнике собраны статьи и заметки выдающегося российского востоковеда, рассыпанные по различным изданиям, которые не всегда легко найти. Теперь у читателя есть возможность взять в руки том, содержащий значительную часть научного наследия В. И. Шеремета.

Первый раздел книги охватывает проблемы русско-турецких отношений. Во втором собраны работы, посвященные восточной (и не только) политике Российской империи в середине XVIII – начале XIX в. и людям, которые эту политику творили.

Третий описывает канун Крымской войны и саму Крымскую эпопею. Здесь читателям представлена авторская точка зрения на ход и особенно на исход Крымской войны. В свое время эта работа стала предметом бурной дискуссии.

Четвертый раздел включает в основном русско-турецкие отношения кануна Первой мировой войны — тогда будущее двух империй буквально висело на волоске. Если бы российская государственная машина не

оказалась столь неповоротливой, не умевшей правильно распорядиться разведданными, приходившими из Стамбула, — может быть, не вошли бы в Босфор германские крейсера под турецким флагом, не пришлось бы Российской империи воевать, помимо прочих, и на Кавказском фронте... Кто знает, каким был бы тогда итог Великой войны!

В пятый раздел включены статьи, освещающие теоретические проблемы собственно исторических изысканий, а также исторической конфликтологии, имагологии, архивного востоковедения.

Сборник предваряет биографический очерк, написанный тогдашним руководителем Отдела истории Востока Дмитрием Дмитриевичем Васильевым (1946–2021) в 2010 г. к 70-летию Виталия Ивановича Шеремета.

Надеюсь, что книга «Последний осман» будет интересна всем, кто интересуется историей.

Л. В. Зеленина

ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ

*К 70-летию доктора исторических наук, академика РАН,
профессора В. И. Шеремета, главного научного сотрудника
Института востоковедения РАН*

Виталий Иванович Шеремет родился в Ленинграде в 1940 г., в день Сталинской конституции, 5 декабря. В его семье юриста-отца и матери-врача, участников Великой Отечественной войны на фронте и в тыловых госпиталях, традиционные для русской интеллигенции интерес и уважение к культуре стран Востока имели семейные генетические корни. Предки по отцовской линии в XVIII в. были выходцами из турецких земель, а предки с материнской стороны гордились принадлежностью к роду Самборских. Один из них, Андрей Афанасьевич Самборский, был духовником Александра I и видным русским просветителем, женатым, кстати, на англичанке. Уже в начале XX в. другой Самборский, Афанасий Никитич, входил в руководство КВЖД.

Межэтническое и межконфессиональное взаимопонимание, воспитанное, в частности, в эвакуации в среде немецких переселенцев из Поволжья и еврейских беженцев в 1941–1945 гг., обогатили общую культуру любознательного и живого мальчика, детство которого проходило в годы войны и послевоенного восстановления Ленинграда.

После окончания с отличием в 1963 г. Восточного факультета Ленгосуниверситета по кафедре истории стран Ближнего Востока, где и возник его интерес к русско-турецким отношениям, В. И. Шеремет вел научно-преподавательскую работу. Сначала на Восточном и Историческом факультетах родного университета, а затем продолжил ее в Педагогическом институте (университете) имени А. И. Герцена, в других гражданских и военных вузах Ленинграда и Новгорода Великого, а с 1989 года — Москвы.

Научные интересы юбиляра неизменно связаны с историей русско-турецких отношений в XV – начале XX в., с социокультурной, экономической и политической историей Османской империи, военной историей России и сопредельных им стран в Новое время. Одновременно он много лет ведет кропотливые исследования по экономической политике Российской и Османской империй на Балканах и в Западной Европе. Свои научные изыскания В. И. Шеремет реализовал в публикациях и лекционных курсах, и это сочетание академической науки и преподавания истории Востока, подготовка новых поколений учителей и научных работников было и остается отличительной чертой его творческой личности.

Ученую степень кандидата исторических наук В. И. Шеремет получил еще в 1968 г. за работу, посвященную Адрианопольскому миру 1829 г. В 1975 г. на основе диссертации, существенно расширенной за счет источников на старотурецком языке, была опубликована его первая монография¹. В ней была применена методика, ставшая характерной для всех последующих трудов В. И. Шеремета: тщательное сопоставление и анализ сочинений турецкой (османской) историографии с русскими, чаще всего впервые привлеченными, и западноевропейскими документами из архивов, а также всесторонний анализ источников на ряде европейских языков.

По оценке зарубежных коллег, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В. И. Шеремет стал первым в России и за ее пределами исследователем, сформулировавшим общие тенденции и динамику русско-турецких экономических связей конца XVIII–XIX в. Он одним из первых тогда же начал изучение того, как складывались менталитеты двух соседних народов, формировались их взаимные представления друг о друге. Эти исследования вошли в его лекционные курсы для студентов и курсантов.

Напомним, что в те годы изучались только русско-турецкие войны. Позднее, уже в 1990–1991 гг. в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова В. И. Шеремет впервые прочел курс истории международных отношений в Юго-Восточной Европе и на Балканах, обнажив корни геополитической катастрофы, которая обрушилась на Югославию, прокатилась по Восточному Средиземноморью и Кавказу. В середине 1990-х – начале 2000-х гг. эти исследования и обобщения легли в основу имагологического цикла работ профессора В. И. Шеремета по истории русско-турецких, балкано-турецких, российско-войнахских отно-

¹ Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. М.: Наука, 1975.

шений. Серия статей под общим девизом «Образ соседа» (около 12 п. л.) была опубликована в 1993–2002 гг. Часть из них вошла в документальную публикацию издательства РОСПЭН «Мятежный этнос и имперская власть» (М., 2010).

Примечательно, что эти, казалось бы, сугубо академические исследования привлекли внимание СМИ. Последовала серия передач «Россия и Северный Кавказ» на Радио «Свобода», затем передачи о влиянии Востока на Россию на радиостанции «Говорит Москва», выступления на радио и телевидении Турецкой Республики, в прессе и на телевидении Ирана. С 2006 г. на «Народном радио» (Москва) каждую среду в прямом эфире В. И. Шеремет ведет авторскую программу «Россия и Восток».

Многочисленные публикации В. И. Шеремета на страницах «Родины», «Военно-исторического журнала», «Науки и религии», журналов РАН и РАЕН по проблемам культурно-исторического межцивилизационного обмена христианского мира и мира ислама в VIII–XX вв., об исламе в России и Западной Европе и т. п. снискали ему высокий авторитет в профессиональном востоковедном сообществе России, Турции, Ирана, Египта, Греции, а также в руководстве конфессиональных сообществ (ислам, православие) нашей страны.

И все же «чистая», академическая наука занимает ведущее место в творчестве юбиляра. Концепция глубокой взаимосвязи и взаимозависимости южно-российских и османских земель (особенно Европейской Турции и восточно-черноморского побережья Турции) вошла позже в серию статей автора по истории торговли и развивалась им в дальнейшем в коллективных и индивидуальных работах². Оригинальными, первопроеходческими стали его дальнейшие разработки по соотношению военно-политических и экономических интересов России, Турции, западных держав в зоне Черноморских проливов и в Восточном Средиземноморье в эпоху промышленного капитализма. Этим проблемам была посвящена его докторская диссертация (1986 г.) и предшествовавшая ей монография «Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в.» (М., 1986).

² См.: Мейер М. С., Иванов С. М., Шеремет В. И., Киреев Н. Г. *Внеэкономические связи Османской империи XVIII – начала XX в.* М.: Наука, 1989; *Война и бизнес. Власть, деньги и оружие в Европе и на Ближнем Востоке. XVIII–XIX вв.* М.: Изд-во «Технологическая Школа Бизнеса–TBS», 1996; *Ислам, Балкан и Великие силы (XIV–XX век)*. Београд, 1997 (на серб. яз.); *Сусрет или сукоб цивилизација на Балкану*. Београд, 1998 (на серб. яз.). *Osmanlı reformları ve Avrasya dialoğu. Dialog Avrasya*. № 5, 2001 (на тур. яз.) и другие публикации 2002–2008 гг. (Москва, СПб, Стамбул, Анкара).

На основе турецких, европейских и русских документов В. И. Шеремет сумел по-новому показать специфику принятия решений в османском центре власти, раскрыл многие стороны османского общества в переломный момент перехода Турции к эпохе Танзимата и утраты ряда подвластных Высокой Порте европейских территорий, продемонстрировал особую иницирующую роль балканских территорий в османском реформаторстве. Проблемы «реформа – революция», «османский центр власти — балканская, наиболее продвинутая в экономике периферия Османской империи», выдвинутые и обоснованные им, на ряд лет опередили всех зарубежных коллег, утверждали передовые рубежи российской османистики. Большая часть этих положений вошла в многотомную коллективную монографию Института славяноведения и балканистики РАН (ныне Институт славяноведения РАН) «Международные отношения на Балканах», охватывающую период с середины XVIII в. до конца Первой мировой войны (М., 1981–2003).

Примерно за четверть века напряженной работы, сочетая академические востоковедные штудии, весьма далекую от науки административную работу и то, что принято называть «полевыми исследованиями в горячих точках», к середине 1990-х гг. В. И. Шеремет разработал и ввел в научный оборот необычные для традиционного востоковедения, каким он, казалось бы, занимался, представления. Это были графическая интерпретация и обобщенная математическая модель дихотомии «война — мир» в условиях социально-экономических и военно-политических кризисов, которая применима для изучения как доиндустриальных, так и постиндустриальных обществ. Идеи были апробированы в монографиях, статьях и докладах 1986–2009 гг.

По существу, была представлена достаточно полная картина, чтобы получить объемность изображения «зависимого типа развития» восточного социума в процессе вовлечения его в военные, политические и экономические подсистемы мирового разделения труда. Эта концепция получила поддержку научной общественности на международных конгрессах по изучению Юго-Восточной Европы. Проблемы рассматривались на многочисленных примерах Османской Турции, ее балканских территорий, постепенно выходивших из-под власти Высокой Порты. Результаты получили высокую оценку российских, а также зарубежных исследователей аналогичных проблем³.

³ Шеремет В. И. *Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX века*. М.: Наука, 1986; *Коллективные труды: Реформы и революции на Балканах*. М. Наука, 1994;

В. И. Шеремет впервые разработал представление о взаимосвязи военных и социокультурных вопросов в Новое время, дал аргументированную оценку соотношения внутренних (социально-экономических) и внешних экономических аспектов Восточного вопроса, геополитических и военных факторов в период перехода бывших османских владений на Балканском полуострове от феодализма к капитализму.

Серьезным вкладом В. И. Шеремета в историческую науку стала разработка в 1970-х – начале 1990-х гг. проблемы балканской контактной социально-политической и экономической зоны в дихотомии «Восток — Запад». Сформулировано и введено в понятийный аппарат обоснование специфической османской цивилизации, ее становления и развития (работы 1998–2006 гг.).

Юбиляр предложил также оригинальную концепцию Восточного вопроса с учетом истории постепенного включения Османской империи и ее регионов в мировое разделение труда. Концепция была впервые доложена на II Всесоюзной конференции Ассоциации востоковедения (1991 г.), затем на других национальных и международных конференциях востоковедов и вошла в научный оборот (см. статью «Восточный вопрос» в энциклопедии «Отечественная история», т. I, М., 1994)⁴.

Вскоре после создания Российской Академии естественных наук В. И. Шеремет по конкурсу стал ее членом-корреспондентом по Отделению военной истории (1992 г.). В 1996 г. он был избран действительным членом РАЕН и академиком-секретарем (руководителем) созданной им Секции (ныне — Отделения) социокультурных и цивилизационных проблем и региональных конфликтов. Признанием общественной значимости его работ явилось избрание членом ряда международных научных сообществ.

В. И. Шеремет продолжает уделять немало внимания и общим проблемам истории Нового и новейшего времени в их интеграционном смысле. Со времени создания (1990 г.) он ряд лет был членом правления Ассоциации европейских исследований (Совет Европы – Институт Европы РАН). За сравнительно недолгий период работы ведущим научным сотрудником Института военной истории МО РФ (1993–1997 гг.) он принял самое пло-

Александр I, Наполеон и Балканы. М.: Наука, 1997; Век Екатерины II. Дела балканские. М.: Наука, 2000.

⁴ Там же, в энциклопедии, были опубликованы основанные на новых документах базовые статьи, касающиеся Балкан и Турции в Новое время как «контактной зоны Запад — Восток». См. также комментарии В. И. Шеремета к публикации документов, осуществленной МИД РФ: «Внешняя политика России XIX – начала XX века. Документы и материалы». Т. XVI. М., 1994.

дотворное участие в разработке проблем восточных войн и шире — всей восточной политики Руси — России в VIII–XIX вв. Частично опубликованные, эти исследования вошли в такие фундаментальные коллективные труды, как «Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней» (т. 1–3, М., 1994); «Военная история Государства Российского» в 30 томах — Т. 1 «Скажите всем, что Русь *всегда* жива...» (М., 2004) и др.

С начала 1990-х гг., после перехода по предложению Отделения истории РАН на работу ведущим научным сотрудником в Институт славяноведения РАН, а с 1998 г. — главным научным сотрудником Института Востоковедения РАН, в исследованиях В. И. Шеремета возобладали новые аспекты. Это, прежде всего, стремление обобщить международное влияние мировых экономических циклов на Османскую империю. Во-вторых, оценить цивилизационное значение османского «мира-экономики». В-третьих, в контактах с востоковедами, военными историками и архивистами Москвы в полной мере стало развиваться как направление в творчестве создание серии политических портретов «устроителей государств» в странах Востока (Чингисхан, Тамерлан, Александр Невский, Иван III Великий и Зоя (Софья) Палеолог, Бабур, Акбар, Сулейман Кануни, Ататюрк, Чан Кайши и др.). Они были опубликованы в 1994–2006 гг. в журнале «Наука и религия» и в энциклопедических изданиях «Всеобщая история», «Великие правители», «Великие полководцы» (М.: АВАНТА+, 2005–2006), а также в изданной правительством Москвы книге «Духовные светочи Москвы. Храмы, люди, судьбы» (М.: «Белый город», б/г).

Оригинальные методики раскрытия роли исторических личностей в развитии социокультурной среды, предложенные В.И. Шереметом, привлекли внимание современных российских политиков. Итогом стало его участие в «Библиотеке Единой России» (М., 2006), в книге «В. В. Путин: Не время подводить итоги» (М., 2008) и опубликование ряда статей общественного звучания о роли востоковедов в инновационной политике РФ (2008–2009 гг.).

В обстановке активного творческого поиска, характерного для востоковедов ИВ РАН и ученых-междисциплинарников, работающих под эгидой РАН, В. И. Шеремет получил стимул и возможность приступить к полномасштабным исследованиям в новой для российской науки области — исторической конфликтологии. И шире — к глобальным проблемам взаимосвязи цивилизационных и ноосферных (по В. И. Вернадскому) процессов. Принципы исторической конфликтологии на основе истории Османской империи были впервые изложены В. И. Шереметом на рос-

сийско-американском семинаре в 1992 г. (см.: «Проблемы региональной и глобальной безопасности в конце XIX – начале XXI в. Вооруженные силы и высшее военное образование». М.: АВИАР, 1993).

Как результат этих исследований опубликована книга (первая в России, посвященная этим проблемам, достаточно редко, впрочем, анализируемым и в других странах) — «Империя в огне. Войны и реформы на Балканах и Ближнем Востоке» (М.: АВИАР, 1994). В этой книге, изданной, к сожалению, минимальным тиражом, автор использовал не только методы исторической конфликтологии, но также и оригинальную социокультурную методику исследования исторического процесса, показал перспективность приложения методов нелинейной причинности к исследованию естественно-социальных процессов.

Применение нестандартных методов в изучении глубоких социальных проблем было характерно для старой петербургской школы востоковедения. В этом смысле В. И. Шерemet продолжает традиции своих учителей на Восточном факультете Ленгосуниверситета — выдающихся востоковедов, специалистов по ментальной истории и культуре Востока В. В. Струве, И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровского, А. Н. Кононова, В. С. Гарбузовой, И. П. Петрушевского. В его лекционной манере, в общении с аспирантами и докторантами неизменно отмечаются та требовательная теплота общения и то стремление подставить свое плечо талантливому ученику, которые отличали «великих стариков» — востоковедов Петербургской школы ориентализма. Под его руководством защищено 11 кандидатских и 3 докторские диссертации. Количество выступлений в качестве официального оппонента по кандидатским и докторским диссертациям, внешних отзывов учту не поддается...

Последнее десятилетие стало для В. И. Шеремета особенно плодотворным. Продолжается его активная работа (личная и в руководимом им Секторе документальных публикаций ИВ РАН) по поиску в российских архивах документов по истории Османской империи и русско-турецких отношений и подготовке их к изданию. С 1998 г. В. И. Шерemet возглавляет журнал «Восточный архив» (издание ИВ РАН и Общества востоковедов РАН), вносит большой личный вклад как автор и руководитель научного и издательского коллектива в развитие архивного востоковедения в России, в поиск и открытие жемчужин архивных глубин нашей страны.

Вторым изданием вышла давно ставшая библиографической редкостью монография «Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки» (М., 2007). На жур-

нальных и книжных страницах обрел вторую жизнь незаслуженно позабытый военный разведчик и публицист, один из организаторов Морского Генерального штаба России А. Н. Щеглов (1875–1953). Массу интересного узнали читатели «Военно-исторического журнала», «Воинского братства», «Родины», изданий Центра общественных связей ФСБ об особой склонности к политической разведке княгини Е. Р. Дашковой и ее патронессы Екатерины II, о разведывательной деятельности М. И. Кутузова — выдающегося организатора спецопераций на Ближнем Востоке...

Серия удачных, построенных на архивах работ о героическом облике представителей российских спецслужб на Востоке в XVIII — начале XX в. и применение принципов исторической конфликтологии к объяснению современных кризисов были оценены и в военных кругах. В 2000–2001 гг. В. И. Шеремет успешно трудился (параллельно с работой над архивным востоковедением в ИВ РАН) в качестве руководителя экспертно-аналитической группы при Генеральном штабе ВС РФ. Труды не публиковались.

И все же венцом работы В. И. Шеремета в истекшем десятилетии явилась подготовленная по его программе международная конференция (2006 г.), посвященная 150-летию выхода России из Крымской войны 1853–1856 гг. Его эссе в 2-х частях «Непобежденные» (М., 2006 г.) послужило основой для серьезных подвижек во взглядах ученых и общественности на якобы полностью проигранную Российской империей войну с западными державами и их восточными союзниками.

Следующая международная конференция (2008 г.), также инициированная и в научном плане подготовленная В. И. Шереметом, «Архивное востоковедение», закрепила его приоритет в разработке базовых принципов этого научного направления. Серия статей в специальных и общенаучных изданиях (2004–2009 гг.), четыре кандидатских и две докторских диссертации, в которых использовались наработки В. И. Шеремета по архивному востоковедению, содействуют укреплению научного интереса к этой отрасли ориенталистики.

Естественным развитием долгой работы В. И. Шеремета над методикой архивных исследований и его активной общественной позиции явились два новых направления в его работе. В 2009 г. он был приглашен в состав Экспертной группы специалистов высшей квалификации Главной редакционной комиссии по подготовке 12-томной «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 2009 г. под его редакцией как знатока архивной работы с документами и при его углубленном, детальном и обстоятельном

рецензировании вышли энциклопедические издания «Книга памяти. Герои Социалистического Труда Ленинграда и области» в 2 томах (СПб., 2009) и «Герои Родины в названиях улиц Москвы» (М., 2009).

Продолжается и другая, весьма важная грань деятельности В. И. Шеремета — учебная работа. Ей отдано более сорока лет. Число разработанных и прочитанных курсов вряд ли можно сейчас перечислить. Он имеет ученые звания профессора по кафедре политической истории (1988 г.) и профессора военной истории (1995 г.), почетного профессора Московской юридической академии МВД РФ (1998 г.). В. И. Шеремет активно участвовал в становлении нового для России типа — негосударственного высшего учебного заведения. Был первым проректором по науке и одним из создателей ныне хорошо известного Московского гуманитарного института им. княгини Е. Р. Дашковой (1992–1997). С 1997 г. он сосредоточился на профессорской работе в Московском государственном гуманитарном университете им. М. А. Шолохова по кафедре всеобщей истории и теологии, где ведет курсы новой и новейшей истории Востока и геополитики, публикует научно-педагогические пособия.

В конце 1990-х гг. совместно с преподавателями Вологодского педуниверситета и учебно-издательского центра «Истоки» (Москва) В. И. Шеремет создал на основе социокультурного подхода к образованию комплекты учебников и учебных пособий по программе «Истоки». Подготовлен ряд пособий для учителей и школьников младших классов. При этом в учебных пособиях «Древний мир» и «Родная история» был использован богатый преподавательский опыт В. И. Шеремета и новейшие социокультурные методики. Совместная с Л. В. Зелениной программа для средней школы «История мировых цивилизаций» продолжает использоваться в школах России.

Романтик архивных изысканий и мастер пера, В. И. Шеремет к своему 70-летию подарил читателям, совместно с супругой и многолетним соавтором Л. В. Зелениной, первый на русском языке историко-документальный по жанру и гаремно-приключенческий по захватывающему сюжету трехтомный роман, который вышел уже несколькими изданиями под названиями «Прекраснейшая» (журнальный вариант), «Императрица в парандже», «Тень за троном» (М., 2002, 2006–2009). Здесь, в свободном полете таланта, знатоки Востока показывают эпоху реформаторства Селима III в Турции, раскрывают судьбы русских разведчиков «времен Очаковских и покоренья Крыма», быт и нравы благонаправленного и таинственного султанского сераля...

За защиту интересов Родины В. И. Шеремет удостоен ряда ведомственных (КГБ–ФСБ) и государственных наград.

За разработку методики исторической конфликтологии В. И. Шеремет получил почетную академическую награду РАЕН — медаль имени Петра Капицы «Автору научного открытия». За многолетний безвозмездный труд по руководству социокультурными исследованиями для школы — Серебряную медаль имени Павла Третьякова. За работы по истории Османской империи, истории Балкан и международных отношений он награжден Почетным орденом РАЕН «За заслуги в развитии экономики и культуры» I степени. За цикл трудов по истории мировых цивилизаций и диалогу культур «Восток — Запад» он удостоен звания «Рыцарь науки и искусства» с вручением Знака РАЕН «Разум. Доблесть. Честь», а также Диплома и Почетной медали Е. Р. Дашковой «За выдающийся вклад в развитие отечественной словесности». За крупный вклад в развитие отечественной школы В. И. Шеремет награжден Серебряной медалью Национального комитета кавалеров русских императорских орденов «За служение Свободе и Просвещению».

В. И. Шеремет находится в звездном периоде своего творчества. Он полон новых исследовательских идей и проектов.

Д. Д. Васильев

Раздел 1

Россия и Турция

Россия и Турция: развитие взаимных представлений народов

«Состояние народа турецкого, — писал в 1703 г. чрезвычайный русский посол в Стамбуле П. А. Толстой, — суть гордое, величавое и славолюбное, а паче возносятся от того, что во время кровавых войн союзу ни с кем для помощи себе не имеют и не требуют». Посла поражала одна особенность этого народа — склонность, как он писал, к «междоусобному государственному смятению и то, что турки глаголют о себе, яко суть народ свободный, чего ради и высочайшие их особы имеют к подлому народу ласкательство и склонность не так от любления, как боятся от них бунту»¹.

Видимо, такое достаточно одностороннее и отвлеченное восприятие южного соседа доминировало в России по крайней мере до середины XIX в., и отголоски его можно проследить и в более позднее время.

Следуя принципам нелинейной причинности в развитии столь сложного объекта исследования, как русско-турецкие отношения в контексте темы «Россия и Балканы», полагаю необходимым предпослать общий обзор развития взаимного узнавания друг друга соседними народами с периода более раннего, чем тот, которому посвящен публикуемый материал. Это важно прежде всего потому, что взаимные представления народов складываются веками. Вычленишь, например, только XVIII век — означало бы лишить смысла саму идею формирования взаимных представлений как научного феномена на пересечении истории и этно-социальной психологии. Балканский же фактор неизменно присутствовал в этих связях, он требует дополнительного изучения, которое и ведет автор.

¹ *Русский посол в Стамбуле. Документы.* М., 1989. С. 37.

Обоюдное знакомство и установление культурных и научных связей постоянного характера, которые только и могли дать сравнительно верную зарисовку образа соседнего народа, было на протяжении веков спонтанным вплоть до установления регулярных, дружественных связей между Москвой и Анкарой в начале 1920-х гг. Различия не столько этно-религиозного, хотя и это весьма важно, сколько военно-политического характера между Османской и Российской империями, противостояние геополитического характера в бассейнах сразу трех морей — Азовского, Черного и Средиземного, включая, естественно, Черноморские проливы, а также в Балканском регионе, долго определяли характер русско-турецких отношений.

Искажающим фактором в их развитии было влияние дипломатии западноевропейских держав, игравших на противоречиях «Московии и Туркомании», России и Османской Турции; сказывались также годы воздействия фанариотского драгоманатства и греческого клира на выработку «русского курса» Высокой Порты. О таких людях, негативно влиявших на взаимные представления и в России, и в Турции, упоминал П. А. Толстой. Они, «сшивая ложь, много писали к Москве неправды, являясь якобы доброхотствуют (так в тексте. — В. Ш.) христианскому государю, а самой вещью делали добра туркам...». Писаниям их верили и в Москве, и в Стамбуле, а все было ложно и фальшиво².

Объективные потребности двух соседних государств в общении создавали предпосылки к взаимному познанию отличий государственного устройства, особенностей жизни и культурно-психологических. Процесс этот был длительным, противоречивым, но неуклонно последовательным и имел форму преимущественно культурных связей.

Первые известия на Руси о тюркском населении Малой Азии восходят к XII в. и содержатся в «Повести временных лет» и в «Житии и хождении Даниила, русской земли игумена». Ордынское правление в русских землях принесло на столетие обобщенное представление обо всех тюрках и монголах как о «демонах зла», включая не имевших с Ордой ничего общего сельджуков и турок-османов Малой Азии. Турки-османы в качестве соседей и объекта внимания московских великих князей появились в конце XIV – начале XV в. в контексте борьбы Византии с тюркскими бейликами (княжествами). Немногочисленные паломники духовного звания, проходившие через османские территории при посещении Святых

² Русский посол в Стамбуле. Документы. М., 1989. С. 38.

земель в Палестине, оставили крайне скудную информацию о турках, причем отношение к ним формировалось под влиянием местных христиан-греков и было примитивно отрицательным³.

Достоверных сведений о том, что знали о русских землях в Сельджукском государстве, в Конийском султанате и при первых Османах, турецкие хроники не содержат⁴.

Перелом наступил после падения Византии и захвата Константинополя турками в 1453 г.⁵ Присоединение Крыма к Османской империи вскоре за этим, в 1475 г., вывело русских и турок на прямые контакты, причем достаточно массового уровня. Имели место перманентное вооруженное противоборство в контактных зонах Балканского региона и нерегулярные торговые связи прямого и транзитного характера, чаще всего через земли Дунайских княжеств. Носителями информации о турках, об их нравах и обычаях стали уже не отдельные пилигримы с их «туннельным видением» ситуации, а реалистичные и предприимчивые торговцы, посещавшие весь Балкано-Малоазийский регион, и воины русских пограничных засек, постоянно сталкивавшиеся с турками и «навещавшие» их земли не менее регулярно и с теми же целями, что и турецко-крымское воинство — русские.

Сохраняют значение как источник представлений о турках-османах записки русских священнослужителей, регулярно посещавших после 1453 г. патриарха в Константинополе.

В нравах и обычаях ставшей после вхождения на вассальной основе Крыма в империю Османов уже не столь отдаленной «Туретчины» русских купцов и воинов поражала прежде всего склонность турок к «возмущениям государственным и бунтам, творимым не иначе, как по совету и попушению своих духовных», т. е. мулл, имамов, дервишей — исламского клира. Сильно удивляло русских людей полное воздержание турок от пьянства, которое «честные особи из турок почитают за грех и за стыд».

³ См.: «Хождение инок Зосимы» (1419–1420). *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1889. Т. VIII. Вып. 3; Данциг Б. М. *Ближний Восток в русской науке и литературе*. М., 1973. С. 15–18.

⁴ Запорожец В. М. *Сельджуки*. М., 2011; Kurat A. N. IV–XVIII. *Yüzyıllarda Karadeniz kıyısındaki Türk kovimleri ve Devletleri*. Ankara, 2002. О культурно-исторических параллелях см.: Шеремет В. И. *Божественная Флейта Мира*. В кн.: Джан Ш. *Мевляна Джалаледдин Руми*. М., 2008. С. 15–27.

⁵ Падение Византии и Царьграда вызвало к жизни целый ряд произведений — повестей и сказаний, в том числе мистического содержания, выходящих за рамки данной статьи. См.: Кононов А. Н. *История изучения тюркского языка в России*. Л., 1982. С. 31.

Отмечались скромность и упорядоченность быта простых турок, верность взятым на себя долговым обязательствам; настораживало неискоренимое чувство превосходства над любым иноземцем.

Лица «посольского и церковного дела» отмечали в Турции прежде всего великое утеснение греков и «вкоренение превеликого перед собой страха в сербах, волохах, греках и прочих народах». Примечательно, что «страхолюбие турок» по отношению к подданным-балканцам в записках мирян осознается как следствие «безмерного стяжательства придворных верхов, янычарских начальников и самих султанов», порождение и неизбежность бесчисленных войн, смут и мятежей в турецкой земле. В записках конца XVII и начала XVIII в., принадлежавших перу духовных особ, все историко-этнографические сведения об османских турках сводились к «бессерменству», понимавшемуся как угнетение православного христианства на Балканах и проявление кары Всевышнего.

Исключением можно назвать «Проскинтарий» строителя Богоявленского монастыря Арсения Суханова. Один из образованнейших людей XVII века, ведавший одно время Московским печатным двором, А. Суханов настолько увлекся богатой культурной жизнью турецкой столицы и нескольких крупных городов в Анатолии и на Балканах, что, будучи там в 1651–1654 гг., собрал около пятисот ценнейших османских хроник и оставил исполненное уважения и симпатии к жителям — туркам и нетуркам — описание селений, городов, нравов и обычаев простолюдинов. Людей, как он писал, прямых, честных и «гостеприимству приверженных до крайности»⁶. Повторюсь, что оценка эта носила этнически безадресный характер.

Благожелательность Арсения Суханова в описании Турции, его откровенно отрицательное отношение к раболепствовавшему перед Портой греческому высшему духовенству, обманывавшему, по его словам, православных подданных как в пользу турецких властей, так и в своих корыстных целях, поистине удивительны для записок тех лет. А. Суханов, кроме «дел духовного чина и обряда», имел ряд поручений, связанных с польско-турецко-казацкими и русско-турецко-украинскими делами. Заметим, что иерархи восточной православной церкви не раз обращались к русскому царю, призывая его заключить союз с казацкими гетманами и, возможно, с Молдавией и Валахией для войны против Османской им-

⁶ Проскинтарий Арсения Суханова / Под ред. Н. Ивановского. *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1888. Т. VII. Вып. 3.

перии. Использовались в этом плане путешествия на Балканы и в Малую Азию русских светских людей⁷.

Выполнить деликатные поручения и притом оставить объективное и доброжелательное описание потенциального военного и постоянного религиозного противника — и сейчас достойное упоминания деяние Арсения Суханова. Тем более что его записки переиздавались и изучались в годы русско-турецких войн конца XVIII в.

На формирование представлений о турке-противнике эпохи «екатеринских войн» определенное влияние оказал русский аноним — некий боярский сын, по воинской службе «рейтарь», взятый в плен крымскими татарами и проданный в рабство туркам. В османской армии опыт воинов-иноземцев ценился высоко, и «сын боярский» не составил исключения. Гребцом на галерах, а затем в армейских отрядах этот аноним за 62 месяца в Османской империи побывал, в сущности, везде — от Белграда до Багдада. Он вернулся домой в 1674 г. Его «Описание турецкой империи», естественно, носит соответствующую эмоциональную окраску — автор воспринимал турок как врагов и в конце концов бежал на родину, что делает ему честь — ренегатов османы всячески ублажали, но поймав беглеца, казнили бы люто⁸.

Географические и этнографические сведения «рейтаря» использовались его современниками и военными в XVIII в., содействовали формированию образа опасного противника, особенно в «делах осадных и оборонительных». Этот безымянный военный человек одним из первых в России развенчал образ непобедимого и страшного янычара. Он отмечал, что многие из янычар «плохо обучены и больше думают о семье и о пропитании», чем о ратном деле. Зато он предупреждал современников, что очень опасны в сражениях хорошо подготовленные части из «балканцев» — босняков, определенно причисляя к последним и албанских мусульман. Военные столкновения с османскими войсками уже в первой половине XVIII в. полностью подтвердили эту оценку.

В целом в первой половине XVIII в., т. е. накануне серии ожесточенных войн, которые во многом изменили обстановку в России, отношение к соседнему народу сложилось как бы в двух измерениях. Религиозное сознание русского общества и мощное давление монголо-тюркского со-

⁷ См.: Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. 1634–1637. *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1891. Т. XI. Вып. 3.

⁸ Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок, во второй половине XVII века. *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1891. Т. XII. Вып. 3.

циума, затем крымского (татарского) — турецкая экспансия в отношении юга и отчасти центра Московского государства — в XV–XVII вв. определили преимущественное восприятие турка как чужака, злонамеренного и безбожного. Сказывалось, безусловно, влияние исторического опыта славян Балканского полуострова, попавших под османское иго, остро воспринимавшееся русскими по аналогии с татаро-монгольским игом, от которого они избавились всего лишь при жизни прадедов.

Вместе с тем, как уже отмечалось, существовала позитивная заинтересованность в достоверном осмыслении образа соседа. Известна оценка моего ныне покойного учителя академика А. Н. Кононова русско-тюркского двуязычия Киевской Руси как следствия широко распространенных смешанных браков⁹.

Общепринято понятие «Великая Степь». Это своеобразная контактная зона тюркских и восточнославянских этносов. Ее языки, нравы и обычаи не были чужды славянам. В свою очередь славянский мир не был чем-то совершенно закрытым для тюркских военно-политических объединений.

Однако социально-психологическая закрытость османского и исламского общества и деление населения мира на мусульман и покорившихся миру ислама — «дар уль-ислам» и на неверных (а значит, они объект завоевания, покорения) — «дар уль-харб» создавали особые препятствия для овладения турками-османами языком северного соседа, знаниями о нем.

В торговом обмене османы лично не участвовали практически до XIX в.; они избегали прямого участия, но сохраняли за собой контроль и финансирование сделок.

Ходоки из России на Восток (в Иерусалим, в Афон), а также русские купцы и дипломаты несравнимо чаще посещали османские земли, чем турки «Московию». Знание турецкого языка русскими людьми не шло ни в какое сравнение со знанием русского языка турками. Известно, однако, распространение языка сербских подданных в качестве языка делопроизводства в Высокой Порте в конце XV – начале XVII в.

Всем известный Афанасий Никитин вставлял в «Хождение» десятки турецких и сотни тюркских слов. Андрей Лызлов, автор «Скифской истории» — популярной в русском обществе XVIII в. книги о турках — знал разговорную турецкую речь и читал турецкие тексты, написанные арабским шрифтом. Специфические турецкие термины, требующие для историка разъяснения сегодня, тогда включались в русские повествова-

⁹ Кононов А. Н. *История изучения тюркского языка в России*. С. 24.

ния без объяснений и оговорок. Среди донских и запорожских казаков, особенно в семьях от смешанных браков, турецкий язык был бытовым разговорным. Русские лучше знали и намного лучше понимали своих соседей, чем те – русских.

Османы почерпнули первые сведения о «Московии» из трудов арабских и персидских авторов (первые из них побывали на Руси в IX–X вв.), из произведений византийских авторов, достаточно популярных в образованных кругах Высокой Порты вплоть до середины XVIII в. Наконец, через Константинопольскую патриархию, с которой Порта поддерживала оживленные контакты через ведомство реис-эфенди, ведавшего, кроме внешних сношений, делами подданных-немусульман.

Было одно обстоятельство, дававшее туркам превратное представление о соседе. О нем следует сказать особо. Дело в том, что после вхождения Крыма в Османскую империю рынки Стамбула несколько столетий подряд пополнялись десятками и сотнями тысяч русских невольников, захваченных крымскими ханами. Османский галерный флот еще в начале XVIII в. был укомплектован почти исключительно русскими гребцами-рабами. На рынках Стамбула русские рабы, по свидетельству европейских путешественников XVII – начала XVIII в., составляли большинство. Много полонянок и рабов-мужчин попадало в Малую Азию на домашнее услужение и на земледельческие, в первую очередь, безумно тяжелые ирригационные работы. Всех их ждала скорая гибель либо ассимиляция с потерей веры и языка. Видимо, нет среди сопредельных русскому народу нации, в которую влилось бы больше восточнославянской крови, чем в турок-османов...

До сих пор в турецкой народной традиции девушка-турчанка мечтает о голубоглазом белокуром женихе. Идеал красоты для стамбульского турка конца XIX – начала XX в. — светлые глаза и русые волнистые волосы, — отдаленное проявление этих процессов в историческом сознании турок.

Судьба русских пленников, и в немалой степени пленниц, была печальна. Очевидно, что знакомство с собственным рабом (рабыней) с севера не стимулировало развитие таких разнообразных и достаточно полных представлений о русских, какие имелись в России о своих южных соседях.

Только на рубеже XVII–XVIII вв. в Османской империи появилось подробное и сравнительно достоверное описание областей, населенных русскими и украинцами. Оно было составлено самым известным турецким путешественником Эвлией Челеби, который из пятидесяти лет странствий около пяти лет провел в «землях славян». Он прошел путь от

Крыма и Азова до Львова и Киева, был в Черкассах и Чигирине, хорошо знал ситуацию в Поволжье и Подонье.

В отношении страны «Мужикистан», расположенной, по его словам, в Подмосквии, он давал, возможно, из соображений самоцензуры правоверного мусульманина, нелепые сведения, искажавшие быт и верования христианского населения. Примечательно, что Эвлия Челеби первым из восточных путешественников отмечал, что русские («московиты») и украинцы («русы»), хоть и очень близкие, но разные народы по языку и обычаям. Здесь он был вполне точен и наблюдателен.

Участник крымско-турецких набегов в XVII в., скованный шариатскими представлениями о злодеях-казаках, о «бритоголовом народе», как он их называл, Эвлиея Челеби отдавал дань воинскому мужеству «русов и московитов», называл их «стойким, упорным и сердитым народом»¹⁰. Его путевые записки о восточнославянских землях были широко популярны в образованном турецком обществе и в XVIII, и в XIX в. Последнее их издание относится к 1991 г.

Переход в Османской империи от поверхностных (полученных чаще всего через вторые руки — от европейцев на службе у Высокой Порты) сведений и впечатлений о России к более систематическому осмыслению процессов, имевших место в стране северного соседа, связан с общей модернизаторской тенденцией в политической и культурной жизни, отмеченной в правление султана Ахмеда III (1703–1730).

Русь, Россия до этого времени не воспринималась как Запад. Высокая Порта была информирована о реформах Петра I, о росте влияния России на европейские события через европейские посольства в Стамбуле, через свои редкие чрезвычайные миссии ко дворам западных держав. Однако в Высокой Порте периода первых двух десятилетий XVIII в. сложилось ошибочное мнение, что Россия лишь подражает Западу в военном деле и в государственном управлении. Поэтому полностью игнорировалось то поворотное и самобытное движение, которое происходило в петровской России. Заимствования в военной сфере осознавались в Турции делом достойным и богоугодным, освященном улемами, но лишь в отношении Западной Европы, от которой турки понесли ряд тяжелых поражений, а

¹⁰ Эвлия Челеби. *Книга путешествия* / Под ред. А. Д. Желтякова. Вып. 1. *Земли Молдавии и Украины*. М., 1961; Вып. 2. *Земли Северного Кавказа, Поволжья, Подонья*. М., 1979. Примечательно, что в основных чертах заметки Челеби относительно украинских земель совпадают с впечатлениями жителя Дубровника Мата Гундулича, посетившего те же земли через 30 лет после турецкого путешественника. См.: Kraslić S. Dnevnik s puta u Urajinu i Tursku dubrovačkog poklisara harača Mata Gundulića. *Anali Zavoda*. Dubrovnik, 1983. Sv. 21. S. 1–23.

не из России Петра I, продвижение которого к Черному морю удачно, по мнению Порты, было остановлено на Пруте в 1711 г.¹¹.

Если в Турции абстрактный образ русского, упорного воина и крепкого раба, не дополнялся никакими существенными чертами, а власти не поощряли развитие культурных взаимообогащающих контактов, то в России дело обстояло совершенно иначе.

Петр I принял ряд мер, дополнивших широкое использование на государственной службе лиц, практически знавших язык, нравы и обычаи турок. Бывший господарь Молдавии Дмитрий Кантемир стал советником царя по восточным делам и специально по его распоряжению подготовил два труда (1716, 1720 гг.) по османской истории, основанных на источниках балканского и турецкого происхождения¹². Были изданы в переводе с французского Коран (1716 г.), карты и атласы Османской империи (1722–1724 гг.), началась подготовка переводчиков («толмачей») с турецкого на профессиональной основе.

Следует отметить, что зарождение при Петре I практического востоковедения, в первую очередь османистики, было нацелено на перспективу, на длительное и всестороннее изучение истории, языка, культуры, особенно «живых черт» турецкого народа.

Все же формирование образа соседа-турка в русском обществе XVIII в. проходило не под влиянием ученых изданий, а через записки пилигримов и торговцев, т. е. тем же путем, что и в прошлые годы. Например, шесть изданий в 1778–1819 гг. выдержали и побили все рекорды тиража «Записки монаха Антиохийского В. Григоровича-Барского (Плаки-Альбова)», который странствовал на Балканах и на Ближнем Востоке в 1723–1727 гг.¹³. Религиозная нетерпимость православного монаха к исламу проходила красной нитью через всю его работу, широко распространявшуюся в списках (помимо печатных изданий), и добавляла негативизма в отношении к басурманам. Вместе с тем национальной предубежденности у В. Барского нет вообще. Образные описания деятельного и жизнерадостного турецкого народа читались в русском обществе как увлекательная беллетристика и в XVIII, и в XIX в.

¹¹ Kunt M., Aksin S. *Türkiye tarihi. Osmanlı devleti. 1600–1908*. Cilt III. İstanbul, 1990. S. 55.

¹² Dimitrie Cantemir. *Historian of South East European and Oriental Civilizations. Extracts from the History of the Ottoman Empire* / Ed. by A. Duğu and P. Cernovodeanu. Bucharest, 1973. 395 p.; Кононов А. Н. *История изучения тюркского языка в России*. С. 39–40.

¹³ *Первое полное издание «Пешеходца Василия Григоровича-Барского Плаки Альбова уроженца киевского, монаха антиохийского путешествие»*. СПб., 1778. Последнее переиздание 1885–1889 гг.

Достоверная и обширная информация о турках поступала от чрезвычайных послов (резидентов) России в Османской империи А. Вешнякова, И. И. и А. И. Неплюевых, П. А. Толстого. Однако она мертвым грузом оседала в архивах и лишь в кратких фрагментах появлялась на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей», которые мало были доступны широкому читателю России в XVIII в.

Исследованиями Б. М. Данцига (1973) и А. Д. Желтякова (1980) установлено, что русско-турецкие войны 1768–1774 и 1787–1791 гг. породили обширную литературу военного характера о Турции. В ней все большее место занимали сведения о немусульманских подданных Высокой Порты. Образ турка как военного противника дополнялся чертами турка как торгового конкурента в Черноморье и Средиземноморье, жесткого правителя и угнетателя братских балканских народов. Традиционные формы поношения мусульман, ритуально повторявшиеся в списках и сочинениях XVI – начала XVIII в., отступали и заменялись достаточно пренебрежительными, но нередко вполне реалистичными в применении к правящим кругам эпитетами типа «неискусен в правлении, больше имеет склонение покоитися, нежели пребывать в трудах», и т. д.

Появилась масса работ краеведческого характера в переводах с европейских языков, причем далеко не всегда тех авторов, которые глубоко знали жизнь турок-османов по личным наблюдениям. Тогда-то и разошлись по России фальшивые образы ленивого турка, восседающего с кальяном в окружении волнующих воображение многоамного российского обывателя одалисок в прозрачных покрывалах...

В последней трети XVIII – начале XIX в. чрезвычайными послами и посланниками в Турции служили высокообразованные дипломаты и военные — Н. В. Репнин, Я. И. Булгаков, М. И. Кутузов, В. П. Кочубей, В. С. Томара, А. Я. Италинский. После 1794 г. развернулась деятельность Военно-топографического депо, выполнявшего, среди прочих, функции военной разведки России. Из посольств и от военных топографов потекли отличные по качеству и по точности зарисовки костюмов, лиц, жанровые сцены, не говоря уж о многочисленных атласах, картах, статистических и этнографических описаниях. Читатель России не без удивления увидел до деталей схожие костюмы и оружие запорожцев и османов, привычную для малоросса арбу и другие предметы обихода (сундуки, рундуки, утварь и пр.), необычайно похожие на те, что были обычными для юга России.

В Османской империи дипломаты-турки, естественно, также представляли свои отчеты и донесения, служившие важным источником знаний.

Впервые приведем полный перечень чрезвычайных турецких посольств в Россию в XVIII в. Это посольства Мехмеда Али (1740–1742), Дервиша Мехмеда Эмин-паши (1740–1742), Дервиша Мехмеда-эфенди (1755), Шехиди Османа-эфенди (1757–1758), Белиргяха Мустафы Расыха-эфенди (1793–1794). В современной Турции их отчеты опубликованы и доступны как турецким, так и зарубежным ученым. Современники о них за пределами владений Высокой Порты не ведали. И очень жаль.

Все до одного турецкие послы были людьми живыми и общительными. Порой настолько, что, например, штат посольства Расыха-эфенди, возвращавшегося из России в исходе 1794 г., увеличился «на три младенца мужского пола, к которым он выказывал отеческие знаки внимания». Дело в том, что молодой посол, понравившийся статью и обхождением самой царице Екатерине Алексеевне, приглянулся также и некоторым «особам женского полу при Е. И. В.»¹⁴...

Впрочем, не только балы и маскарады при дворах царей и вельмож в Петербурге поражали турецких послов в России. Они подробно описывали Новоладожский канал и его шлюзы (Мехмед Эмин), петербургскую верфь и кронштадские доки (Дервиш Мехмед). Расых-эфенди не только был потрясен женскими прелестями северянок, но и оставил лучшее на Ближнем Востоке описание дороги Москва – Петербург (1793 г.) и отчет о работе тульских оружейных мастерских, где он приобрел ряд образцов ружей и, кажется (хотя здесь отчет невнятен), кое-какую технологическую документацию.

Подобные описания Мустафой Расыхом жилых домов, облика, образа жизни и культурных интересов российских горожан пронизаны симпатией и неподдельным интересом. Без (или почти без) традиционного поношения неверных. Примечательно, что, став позднее во главе оттоманского флота, он сохранил симпатии к России (быть может, благодаря сыновьям).

Все отчеты о России давали сведения о ней как о державе, существенно обогнавшей Османскую империю на пути военного и технического прогресса, и были далеки от снисходительности отчетов XVI–XVII вв. Это в полной мере относится и к оценкам русских, с которыми общались османские дипломатические представители в XVIII в.

¹⁴ О деятельности турецкой миссии в России во главе с Расыхом-эфенди и русской в Стамбуле во главе с М. И. Кутузовым см.: Шерemet В. И. *Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке*. М., 1994. С. 66–70; Шерemet В. И. «Мужикистан» и «Туретчина». *Родина*. 1998. № 5–6.

Перемены отражали существенные сдвиги, наметившиеся в османском обществе в сторону европеизации и общего прогресса. Кроме того, османская правящая верхушка в XVIII в. как бы переплавила в себе значительную часть балканской феодальной аристократии, стала более терпима и к ним, и к воззрениям на соотношение светской и религиозной власти. Россия с ее мощным влиянием царя на церковь в XVIII в. воспринималась более благосклонно, чем, например, Франция после 1789 г. с ее, как говорил Селим III, «ужасающим безбожием».

Высокой Порте и султанам стали очевидны грандиозные сдвиги в послепетровском российском государстве. В то же время (конец XVIII в.) нарастающая на Западе промышленная революция пугала и казалась недостижимой. Реформы Петра I стали изучать, к опыту России начали тянуться. В 1731 г. первопечатник Ибрагим Мутаферрика в «Основах мудрости и устройства народов» приводил реформы Петра I как образец для подражания.

Следует заметить, что турки, оказавшиеся в России в плену, тоже писали свои воспоминания. Некоторые из них стали достоянием русской читающей публики уже в XIX в.

Большой интерес представляет сочинение Ресми-эфенди «Сок достопримечательного. О сущности, начале и важнейших событиях войны между Высокою Портой и Россией от 1182 до 1190 гг. гиджры» (1768–1774). Рукопись была переведена с турецкого языка и опубликована знаменитым бароном Брамбеусом — О. И. Сенковским. Сочинение написано очень живо, остроумно, автор настроен по отношению к победителям-русским весьма дружелюбно. Победа России в войне 1768–1774 гг. побудила его внимательнее приглядеться к стране, ее истории и народу, дать свое истолкование событий. Многое ему, человеку другой культуры, совершенно непонятно в русских, как и в других европейских народах.

Вот, например, одно из его рассуждений: «С некоторого времени по дивному распоряжению Аллаха все их короли (речь идет о российских императорах. — В. Ш.) бывают женского рода, и нынешний их повелитель (т. е. Екатерина II. — В. Ш.) принадлежит, как известно, к тому же полу... Племя франков, или, как у них говорится, европейцев чрезвычайно подобострастно к своему женскому полу. Оттого-то они так удивительно покорны, послушны и преданы этой чарыче¹⁵...»¹⁶.

¹⁵ Так в тексте.

¹⁶ Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. С. 72.

Автор старается понять, что же принесло России победу в 1774 г. Он отмечает, что русские издавна утвердили «за собой славу народа храброго и воинственного», анализирует разнообразные военные хитрости, применяемые ими, а также взаимодействие войск. Ресми-эфенди специально указывает на обычай москвитян «с пленными мусульманами не употреблять ни жестокостей, ни побоев; гяур позволяет им жить по своему обычаю и не говорит ничего обидного для их веры; многим же дает свободу, для того чтобы они бесполезно его не обременяли. У него нет в заводе выдавать по червонцу награды за всякого взятого пленного, за всякую голову, отрезанную Аллах вест где и у кого...». Особое внимание автор обращает на дисциплину в русской армии: «Надобно еще прибавить, что они душой и телом привязаны к своим государям и удивительно послушны офицерам старше себя чинами: там, где их поставят... они стоят, как камни»¹⁷.

Очень ценную и разнообразную информацию о культурной жизни России и о том, как ее воспринимали образованные турки в XVIII в., давали своим читателям записки Махмеда Неджати-эфенди, находившегося в русском плену в 1771–1775 гг. По разысканиям В. Д. Смирнова, Мехмед Неджати был финансовым доверенным и личным секретарем Ибрагим-паши, командующего турецким войском (сераскера) в Крыму во время войны 1768–1774 гг. Из четырех лет плена три года он вместе со своим бывшим сераскером находился в Петербурге; во второй части своей записки (часть первая посвящена положению турецкой армии в Крыму) он подробно описал многие стороны культурной жизни Петербурга тех лет. Его изложение дает вместе с тем представление о том, как традиционно образованный турок конца XVIII в. воспринимал культурные развлечения столичного света, свидетелем которых ему довелось быть.

Вот как он описывает, например, представление в дворцовом театре Екатерины II в главе «О комедии»: «Комедия значит собрание песен и стихов... Зал представления сорок аршин длины и пятнадцать аршин ширины. По обеим сторонам его устроены в три яруса ложи и друг против друга два киоска: один для кралицы, другой для ее сына. А в середине этой комнаты представляют комедии и другие игры, называемые опера... Показываются солнце, и луна, и звезды; идет снег и дождь, являются сады, разные города, крепости и разные подобные этим штуки; играют музыканты. По четырем сторонам зала свечи во всех вкусах; перед каждым музыкантом горит по

¹⁷ Там же. С. 77, 75.

одному светильнику, чтобы они могли смотреть на ноты и исполнять написанную в них музыку. Такого рода вечера бывают по три, по пяти раз каждый месяц. На них тоже рассылают приглашения на особых штемпе-леванных билетах, по одному для трех или пяти персон... Этот порядок установлен для всех, кто бы они ни были... Здесь обычай таков, что если кралице нравится чья-нибудь игра, то от полноты своей щедрости вместо бакшиша она бьет рукой об руку, мужчины и дамы делают то же, как будто они давали этим золото. Актеры, тоже довольные, радуются и изъясляют удовольствие, говоря: «Мы понравились кралице, она нам хлопала руками». Это оттого, что они не знают, что такое подарки и щедрость, и бывают даже огорчены, когда им не рукоплещут. Какая неистощимая казна эти «браво»! Таков же обычай у них, когда нужно было бы давать деньги... Назначенный к нам драгоман, когда его спросили, объяснил нам значение рукоплесканий, делать нечего — и мы били в ладоши»¹⁸.

В таком же духе Мехмед Неджати писал и о балах-маскарадах. «Это — бабья воркотня, но она у них считается большим искусством... Маскарад есть тоже род увеселения, для которого собираются во дворце кралицы, в трех больших залах, идущих один за другим; в хрустальных люстрах горят свечи, и различного рода увеселения продолжают до утра. Мужчины и женщины, взявшись за руки, гуляют из одной комнаты в другую, надев на лица маски: мужчины замаскировываются женщинами; на всех разноцветные платья, и таким образом любуются друг на друга. Однажды и сераскер-паша был приглашен туда».

А вот как он описывал званые обеды в богатых семьях: «Кушанья приготавливаются из рыбы, говядины и дичи, медвежатины и раков. Сварив говядину с капустой, сколько нужно, приносят в металлической кастрюле и ставят на стол... а в нее кладут большую ложку; каждый берет стул и садятся по обе стороны стола. Наложив большой ложкой капустного рассолу, кислых щей с куском вареной говядины к себе на тарелку, едят; потом еще берут по большой ложке и опять едят. Точно так же едят и другие кушанья, находящиеся на столе, и пьют. Тарелки и ложки переменяют. Таким образом, обед кончается часа через четыре, потому что они за столом разговаривают о делах своих. Так поступают все, будь он хозяин дома или нет, все равно. Всякий, поевши немного, встает, прохаживается, ведет беседу, потом опять приходит и ест, все равно, в своем ли это доме или друг у друга...»¹⁹.

¹⁸ *Русская старина*. СПб., 1894. Кн. 31. С. 102.

¹⁹ *Там же*. С. 206.

Мехмед Неджати подробно описывал архитектурные достопримечательности Петербурга, в частности, Кунсткамеру, отмечая, что посетителей, кто бы они ни были, «охрана пропускает только по специальным билетам». Неву он сравнивал с Босфором и Золотым Рогом, подмечал разные черты хозяйственной жизни и быта города: заготовку льда на Неве для мясных и рыбных лавок, устройство домов, вывески на лавках с изображением продаваемых в них товаров, деревянные тротуары для пешеходов, свайные фундаменты домов, осветительные лампы на столбах и особые столбы на перекрестках с надписями, обозначающими «название мест, рынков и площадей; всякий видит, в какую сторону ему нужно идти; если же он неграмотный, то спрашивает у караульного». Среди достопримечательностей Царского Села он особо отмечал знаменитую на весь мир янтарную комнату в Екатерининском дворце и искусственный грот, оформленный в восточной стили.

Четырехлетнее пребывание в России и, по-видимому, достаточная свобода общения, в том числе и при возвращении из плена в Стамбул через всю Россию (Ижора, Вышний Волочек, Торжок, Тверь, Москва, Орел, Киев, Измаил), дали Мехмеду Неджати возможность весьма подробно ознакомиться с внутренним состоянием государства. Он приводит весьма точные сведения о повинностях и налогах, о крепостнических порядках, организации почтовой службы и почтовых станциях, состоянии дорог, о пожарах и эпидемиях и т. д. Особое внимание наблюдательный турок уделял российской армии и флоту, отмечая более высокую выучку и дисциплину русских солдат и матросов, более четкую организацию гарнизонной и интендантской службы, чем это было в турецкой армии, которую Неджати оценивал весьма критически.

Таким образом, Мехмед Неджати дал разностороннюю, в целом нелицеприятную оценку многим сторонам внутренней жизни России, и его записи можно рассматривать как ценный вклад в ознакомление турок с русскими.

К сожалению, такая информация о жизни русского общества в сочинениях турецких авторов была скорее исключением, чем правилом. В целом, даже образованные турки в XVIII в. имели весьма смутные представления о России, о жизни русского общества. В Османской империи не было написано или издано ни одной специальной книги о России, не существовало традиции изучения русского языка, не имелось ни одного перевода на турецкий с русского. Такое положение сохранялось длительное время еще и в XIX столетии.

Россия по сравнению с Турцией в познании своего южного соседа ушла гораздо дальше. В противоположность турецкому образованному слою, по существу не видевшему в России ничего, кроме военного соперника, в русской науке и культуре XVIII в. появилось отчетливое понимание необходимости изучения Востока, прежде всего Османской Турции.

В заключение кратко рассмотрим, как на основе представлений XVIII в. развивались «образы соседа» в России и в Турции XIX в.

Большой вклад в формирование вполне конкретного и реального образа южного соседа вложили многие тысячи паломников к Святым местам, сотни ученых, журналистов, писателей, дипломатов и военных России, в период после Адрианопольского мира 1829 г. посещавшие Турцию практически без ограничений. Одновременно изучение османских турок в этнографическом и социально-политическом аспектах широко велось при Азиатском департаменте МИД Российской империи, в Петербургском университете, в Одессе (Ришельевский лицей), в Казани, Москве, Харькове, во многих военных учебных заведениях России. Большой вклад в ознакомление широкой общественности с нравами и бытом турок внесли Историческое, Географическое и Археологическое общества. В том числе изданием и переизданием описаний Турции XVII и XVIII вв.

Постепенно многие крупные журналы и газеты открыли свои представительства в Османской империи. С 1897 г. ежеквартально публиковались Сборники консульских донесений с самыми последними сведениями из жизни Турции. Национальный характер турок стал излюбленной и благодатной темой этих донесений. Причем часто давались экскурсии в описания и оценки XVIII – начала XIX в.

Русских художников XIX в. неизменно влекло на Босфор. Несколько картин И. К. Айвазовского из его стамбульского цикла и сейчас составляют гордость национальных музеев Стамбула и Анкары. К. Брюллов, В. Верещагин, К. Петров-Водкин и многие другие художники оставили изумительные по точности зарисовки быта и нравов Турции, причем практически всех слоев общества. С 1869 г. стала выходить легендарная «Нива», где только за первые тридцать лет было помещено более двух тысяч рисунков, видов и типажей населения Турции, а также гравюр с картин художников и путевых зарисовок путешественников²⁰. Учитывая исключительную популярность в народе «Нивы» в дооктябрьской России, можно согласиться с П. Н. Милюковым, который, призывая к походу на Босфор в

²⁰ Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала «Нива» за 30 лет. 1870–1899. СПб., 1902.

годы Первой мировой войны, заметил, что всякий русский знает Стамбул с его проливами по нивским картинкам лучше своего губернского города.

В конце XIX – начале XX в. с образом турка русское общество больше, чем в конце XVIII – начале XIX в., стало связывать слепой религиозный фанатизм толпы по отношению к армянам, грекам, болгарам, другим христианам.

Довольно четко разделились в русском общественном сознании правящие круги Османской империи и простые «турки с улицы». Например, композиции К. Брюллова, посвященные простому люду Турции, характеризуются жизненностью эпизодов, меткостью типажа, тонким пониманием национального характера, окрашены особым жизнерадостным юмором, что резко отличается от того сарказма, с каким Брюллов описывал турецких вельмож и привилегированных чиновников²¹. В середине XIX в. О. И. Сенковский писал, что «отчаянная безнравственность той части турецкого общества, в которой сосредоточивается правительство или которая состоит с ним в непосредственной связи, совершенно не подлежит сомнению. Эта часть общества в самих же турках возбуждает ужас и отвращение... В частной жизни турки обнаруживают много хороших качеств, которые приятно принять в счет даже в неприятеле. Они вообще смиренны, внимательны к удовольствию других, вежливы с чужими и ... в примечательной степени честны и прямодушны»²².

Практически то же самое повторила журналистка Ариадна Тыркова, много лет прожившая в Турции: «Многое в них (турках. — В. III.) вызывало во мне симпатию и уважение, — честность простонародья еще резче подчеркивала развращенность правящих классов, чиновников, больших и малых, равно невежественных, презирающих труд физический и умственный»²³.

Весьма показательно, что читающая русская публика живо интересовалась турецким фольклором. Об издании в то время в Турции, например, русских сказок или пословиц сведений у меня нет.

Первые переводы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого на турецкий язык появились в 90-х гг. XIX в. Их распространение было крайне ограниченным, за исключением севастопольского и казачьего циклов Л. Н. Толстого.

²¹ Ацаркина Э. *Карл Брюллов*. М., 1963. С. 50–151.

²² Сенковский О. И. *Обозрение Оттоманской империи, Валахии и Молдавии...* Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. С. 50.

²³ Тыркова А. *Старая Турция и младотурки*. Пг., 1916. С. VIII.

Террор в политической жизни конца XIX – начала XX в., характерный для Османской империи времен Абдул Хамида II, сказывался на формировании образа русского — «злого, мрачного, грубого, невежественного». Влияние политических установок снижало уже достигнутый в Турции уровень интереса к России, к русским людям, к другим населявшим ее народам. Даже вольная антихамидовская печать и младотурецкая пресса высказывались, как правило, отрицательно о северном соседе.

Источником иной, менее предвзятой информации о русских стали для османов на рубеже XX в. их соотечественники, возвращавшиеся из русского плена²⁴. Это отмечали русские путешественники, посетившие Турцию после войны 1877–1878 гг.²⁵. Объяснение этому внешне противоречивому факту следует искать в быстрой передаче турецких пленным на родину²⁶. И в немалой степени отсутствию предвзятости к поверженному противнику, что было характерно для российского общества²⁷.

Империя Романовых и империя Османов приближались к своему последнему, для обеих династий роковому, столкновению в 1914 г. Впереди были мировая война и революция...

Осенью 1914 г. османский поверенный в делах в России Ниязи Фахретдин-бей писал: «Война с Россией, зачем? Для кого? Мы только-только начали понимать друг друга». Он был прав, этот единственный из послов, имевший личный пропуск в Императорскую Публичную Библиотеку, любимец модных салонов и победитель шутивого конкурса, объявленного петербургскими дамами в 1913 г., на лучшие мужские усы²⁸.

...Весной 1918 г. в Стокгольме бывший военно-морской атташе России в Стамбуле А. Н. Щеглов вспоминал: «Лучшие мои годы я отдал Стамбулу. Его я люблю, знаю его добрых людей. Что мне теперь...»²⁹.

Теперь нам доводится собирать все доброе и светлое, что было между нашими народами. Знать и уважать обычаи и нравы соседа, изучать становление и развитие их взглядов друг на друга.

²⁴ На это обстоятельство обратила мое внимание В. С. Соломко, которой я приношу глубокую благодарность, равно как и за предоставленные материалы.

²⁵ *Православный Палестинский сборник*. СПб., 1885. Т. IV. Вып. 4. С. 180.

²⁶ Елисеев А. В. *По белу свету*. СПб., 1896. Т. 3. С. 335.

²⁷ Карцев Ю. А. *Семь лет на Востоке*. 1879–1886. СПб., 1906. С. 38–39.

²⁸ Шеремет В. И. Прощальная депеша турецкого посла. *Северный Вестник*. 1991. № 3; Шеремет В. И. Забытый резидент. *Там же*. № 4–5.

²⁹ Шеремет В. И. Босфор. *Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки*. М., 2007. С. 57; Шеремет В. И. «Образ соседа»: конфликтологический анализ. *Постигая военную историю*. Вып. 4. М., 1994. С. 46–47.

Ункяр-Искелесский договор 1833 года

175 лет назад, в апреле 1833 г. на азиатском берегу Босфора, в местности, называемой Ункяр-Искелесси, высадился русский десантный отряд. Ему предстояла невиданная в истории русско-турецких отношений задача – защищать... турецкого султана. Под Махмудом II качался трон, причем не просто из-за деятельности какой-то группы заговорщиков или недовольных военных — угроза нависла над существованием самой династии Османов, которая к тому времени просуществовала уже около 600 лет.

Махмуд II правил Османской империей с 1809 г. На его правление пришлось две войны с Россией (1806–1812 и 1828–1809) и три крупных восстания в европейских провинциях: в Сербии, Дунайских княжествах Молдавия и Валахия (это территория современной Румынии) и в Греции. Сербия добилась того, что получила права внутреннего самоуправления, восстание в Дунайских княжествах было довольно быстро подавлено, а в Греции...

Греческие повстанцы сумели привлечь к себе внимание всей Европы. В разных странах возникали так называемые филэллинские общества (по-гречески это означало «любящие греков»), в Грецию, сражаться вместе с повстанцами против турок-угнетателей, отправлялись добровольцы из Италии, Германии, Польши, Венгрии, из других стран. Самый известный из них — это поэт-романтик лорд Байрон, который отправился в Грецию после вынужденного отъезда из Англии: за свое поведение, нарушавшее все нормы цивилизованного общества, он был подвергнут остракизму.

Восстание в Греции началось в 1821 г. Присланная Стамбулом армия, формировавшаяся еще по средневековым принципам, самостоятельно справиться с восставшим народом не могла. Тогда в январе 1824 г. Махмуд II призвал на помощь войска своего вассала — правителя Египта Мухаммеда Али.

Этого вассала по его мощи вполне можно было сопоставить с его сюзереном. Придя к власти в Египте в 1806 г., Мухаммед Али пятнадцать лет выстраивал свою армию по европейским образцам, пользуясь помощью европейских инструкторов-офицеров, которым он щедро платил. С февраля 1825 по июнь 1827 г. регулярные египетские части при поддержке турецких войск, преодолевая сопротивление героически сражавшихся, но плохо вооруженных и раздираемых внутренними противоречиями греческих отрядов, овладели большей частью Мореи.

Воспользовавшись тем, что в его распоряжении оказалось большое, обученное и вооруженное по-европейски войско, Махмуд II исполнил свою давнюю мечту: уничтожил корпус янычар. 29 мая 1826 г. он подписал указ о создании новой регулярной армии.

Однако результатом этой реформы стало то, что в распоряжении султана оказалось всего несколько сотен верных ему войск. Все остальные слепо подчинялись своему главнокомандующему, сыну Мухаммеда Али Ибрахим-паше.

Победа Ибрахим-паши над греками означала бы переход Мореи под управление Мухаммеда Али (кстати, родом албанца), мощная держава которого получила бы опорные базы и на европейском, и на азиатском, и на африканском берегах Средиземного моря. Это было бы угрозой влиянию России в Средиземноморье и британским связям с Индией одновременно. Поэтому не стоит удивляться тому, что правительства великих держав не остались в стороне от событий на Балканском полуострове. После долгих и сложных переговоров 6 июля 1827 г. в Лондоне был подписан договор между Англией, Францией и Россией о решении греческого вопроса. Греция должна была оставаться под сюзеренитетом султана, но при этом получить определенную автономию.

Стамбул категорически отверг идею о посредничестве великих держав в решении конфликта. Султан надеялся в течение года покончить с бунтовщиками. Даже разгром при Наварине (20 октября 1827 г.) турецко-египетского флота (66 вымпелов, 222 орудия) союзной эскадрой (27 вымпелов, 1298 орудий) не заставил Махмуда II отступить. Наоборот, он резко ограничил русскую торговлю, которая велась через Черноморские проливы. В декабре того же года он призвал всех мусульман Османской империи быть готовыми к джихаду – священной войне с неверными. В Петербурге это воззвание расценили как прямой вызов. 26 апреля 1828 г. Россия обнародовала манифест о войне с Османской империей, хотя фактически военные действия начались тремя неделями ранее.

Стамбул был вынужден воевать на трех фронтах: на Дунае, на Кавказе и в Греции. К середине лета 1829 г. военное поражение турок было очевид-

но. 20 августа пал Адрианополь — старинная столица османских султанов. К концу месяца русские разъезды были видны со стен Константинополя.

Переговоры о мире длились менее двух недель: со 2 по 14 сентября 1829 г. Именно тогда впервые проявились блестящие дипломатические способности графа Алексея Федоровича Орлова, сумевшего добиться принятия практически всех выдвинутых Россией условий. После этого Николай I назначил А. Ф. Орлова послом в Константинополь. По сложившейся к тому времени за сто с лишним лет традиции, выполнение условий договоров с Османской империей занимало, как правило, от двух до пяти лет. Орлов добился, казалось, невозможного: ему удалось завершить этот процесс в течение десяти месяцев.

Греция была провозглашена республикой, ее первым президентом стал Иоаннис Каподистрия, бывший статс-секретарь Александра I. Вскоре он погибнет от рук заговорщиков, и тогда великие державы добьются того, что Греция станет королевством с Оттоном Баварским во главе: в 1830 г. по Европе катилась волна революций и восстаний, слово «республика» и так пугало до дрожи все правительства.

В 1830 г. рухнула династия Бурбонов во Франции, ее сменила Орлеанская династия. В стране была установлена конституционная монархия. В том же году в Европе появилось новое королевство: Голландское королевство раскололось на две части — Нидерланды и Бельгию. Кстати, этот процесс непосредственно затрагивал интересы Российской империи, ведь голландской королевой была младшая сестра Николая I, Анна Павловна. Вспыхнуло восстание в Варшаве и других городах Царства Польского, на подавление бунта пришлось бросить армию... Неудивительно, что и Османская империя не осталась в стороне от этих событий. Там они вначале приняли привычный облик очередного восстания сепаратистски настроенного паши, но масштаб восстания оказался беспрецедентным.

Мухаммед Али, правитель Египта, которого тайно поддерживала Франция, несколькими годами ранее убедился, насколько слаба и не способна к серьезным боевым действиям армия султана. Теперь, когда бушевала вся Европа, что могло быть проще, чем попытаться увеличить собственные владения и добиться независимости, а если повезет, то и... Военные действия начались в 1831 г. и длились два года.

Египетские войска подходили все ближе и ближе к османской столице. И тогда Махмуд II сделал то, чем в эпоху наполеоновских войн удивил всю Европу его двоюродный брат Селим III: в момент неминуемой катастрофы обратился за помощью к России. Потому-то и высадился на азиатском берегу Босфора русский десант. Одновременно в Константинополь для

ведения переговоров о заключении союзного договора приехал чрезвычайный посол граф Алексей Федорович Орлов.

Европа всполошилась. Такое усиление русского влияния на Константинополь! Неслыханно! Немыслимо! И Англия, и Франция потребовали от Мухаммеда Али немедленно вывести его войска и примириться с Махмудом II, чтобы уничтожить самый предлог для пребывания русских войск на территории Османской империи.

Послы великих держав зачастили в султанский дворец. Под их давлением султан пошел на серьезные уступки своему мятежному вассалу: Мухаммед Али получил в свое наследственное правление не только Египет, но также Сирию и Палестину и территорию вокруг Аданы. За это он обязывался и далее признавать сюзеренитет султана и удалить свои войска из Анатолии. В мае 1833 г. было подписано соответствующее соглашение.

После этого русский десант начали выводить из Ункяр-Искелесси, но еще до того, как последний русский солдат взшел на борт корабля, 8 июля 1833 г. был подписан союзный русско-турецкий договор.

Договор устанавливал, что между Россией и Турцией «мир, дружба и союз будут навеки существовать». Обе державы обязывались друг другу «подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление». Кроме того, Россия обязывалась в случае необходимости по просьбе султана предоставлять Османской империи «воинскую и морскую помощь». Срок действия договора определялся в восемь лет.

Но важной дипломатической победой Орлова были не шесть гласных статей договора, а дополнительная — «отдельная и секретная». Высокая Порта обязывалась в обмен на отказ России требовать помощь, предусмотренную I статьей договора, по требованию Петербурга закрывать Дарданелльский пролив, «то есть не допускать никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом».

Англия и Франция протестовали против заключения этого договора, но сделать ничего не могли. К сожалению, Николай I сам предпочел пойти на некоторые уступки и вскоре заключил с Австрией так называемую Мюнхенгрецкую конвенцию, которая связала свободу действий российской дипломатии на Ближнем Востоке. А в 1841 г., после истечения срока Ункяр-Искелессийского договора, была заключена Лондонская конвенция, которая отныне устанавливала международную регламентацию режима Проливов. Однако все это не умаляет успехов российской дипломатии, которая сумела в 1833 г. одержать впечатляющую победу в Ункяр-Искелесси без единого выстрела.

Русско-турецкие экономические связи в середине XIX века

Взаимоотношения России с Османской империей середины XIX в. во многом определяли международное положение на Ближнем Востоке. Дипломатические отношения между Россией и Турцией в этот период, достаточно изученные, должны быть объяснены также с точки зрения динамики торговли до и после Крымской войны, изменений таможенной политики, переговоров о торговом договоре 1846 г.

Рассматриваемый в статье период с начала 30-х до начала 60-х гг. XIX в. представляет особый интерес при изучении русско-турецкой торговли. Установившийся в конце 1820-х гг. курс царского правительства на укрепление отношений с Османской империей сочетался с выработкой новых представлений в правительственных кругах о значении турецкого рынка, как и азиатского в целом, для сбыта русской промышленной продукции. Транзит русских сельскохозяйственных продуктов через Черноморские проливы приобретал все большее значение в ущерб двусторонней торговле через европейскую границу.

Изучение торговых связей между Россией и Турцией в начале 1830-х гг. было предпринято по инициативе А. П. Ермолова. Данные по торговле включались в статистико-географические описания как приложения³⁰. Работы Ю. А. Гагемейстера обобщали данные таможни, материалы прессы и носили характер конъюнктурных обзоров³¹. В эти годы по

³⁰ Евецкий О. *Статистическое описание Закавказского края*. СПб., 1835. Ч. 1–2; *Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях*. СПб., 1836 и др.

³¹ Гагемейстер Ю. А. О европейской торговле в Турции и Персии. *Журнал мануфактур и торговли*. Ч. 1, № 1–3, 1838; его же. *Закавказские очерки*. СПб., 1845; его же. Взгляд на промышленность и торговлю России. *Русский вестник*. 1857. № 1.

Малой Азии путешествовали известные русские исследователи Востока: М. П. Вронченко, И. Н. Березин, П. А. Чихачев. М. П. Вронченко был, вероятно, первым русским исследователем, который обратил внимание правительственных и деловых кругов на столкновение во второй половине 1830-х гг. торговых интересов России и Англии в глубинных районах Анатолии и дал подробный анализ экспортно-импортных возможностей азиатского рынка³².

Работавшие в Турции в 40–50-х гг. XIX в. И. Н. Березин и П. А. Чихачев в своих очерках отмечали сохранение традиционных торговых связей России и Турции в самых сложных условиях торговой и политической экспансии западных держав, поддерживали идею об использовании торговли для защиты и восстановления политических позиций России на Ближнем Востоке³³. Работы русских экономистов середины XIX в. содержали данные по торговле России и Турции в общих разделах статистики и специальных подсчетов, но оценки места и значения турецкой торговли, особенно в азиатской торговле, разрознены и относятся обычно к ограниченному периоду – в 2–5 лет³⁴.

В статьях и обзорах по внешней торговле России второй половины XIX – начала XX в. авторы неправомерно придерживались точки зрения о полной зависимости Турции от западных держав в течение всего XIX в.³⁵.

Как показал в обстоятельном историографическом обзоре Л. С. Семенов³⁶, советские историки изучали экономические предпосылки войны 1853–1856 гг., развитие внешней торговли России в середине века, в том числе и с Турцией, соперничество России и Англии на Среднем

³² [Вронченко М. П.]. *Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М. В. Ч. I–II*. СПб., 1839–1840.

³³ Березин И. Н. *Современная Турция. Отечественные записки*. 1856. № 1, 2 и др.; Чихачев П. А. *Великие державы и восточный вопрос* / Сост. В. В. Цыбульский. М., 1870.

³⁴ Например, Брун Ф. К. *О внешней торговле Новороссийского края и Бессарабии с 1839 по 1843 г.* Одесса, 1846; Неболсин Г. П. *Статистическое обозрение внешней торговли России*. Ч. 1–2. СПб., 1850; Семенов А. В. *Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г.* Ч. 1–3. СПб., 1859.

³⁵ Скальковский К. *Суэцкий канал и его значение для русской торговли*. СПб., 1870; Шавров Н. А. *О путях для торговли России с Англией*. СПб., 1873; Гулишамбаров С. Н. *Итоги торговли и промышленности России императора Николая I. 1825–1855*. СПб., 1896.

³⁶ Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века*. Л., 1975. С. 6–10. Закавказской русско-иранской торговле преимущественно в 60–80-х гг. посвящена интересная статья Т. Л. Морозовой «К истории отмены закавказского транзита» (*История СССР*. 1977. № 3. С. 128–140).

Востоке в середине века, влияние политических отношений России с европейскими державами на восточную политику царизма. Оценки положения на рынках Османской империи были даны в работах А. Ф. Миллера, А. Д. Новичева, В. Я. Гросула, Н. А. Дулиной, Е. Е. Чертана, Н. Михова, Н. Тодорова, Х. Глушкова, М. Тодоровой.

Зарубежная историография, включая и турецкую, касается русско-турецких торговых отношений лишь в связи с общим обзором международных отношений, торговой политики западных держав на Ближнем Востоке, процессом «европеизации» Турции. Собственно экономические отношения России либо опускаются, либо упоминаются в связи с борьбой за выход в Средиземное море³⁷.

С 80-х гг. XVIII в. и вплоть до 1846 г. торговые связи между Россией и Турцией регулировались на основе торгового трактата 1783 г., дополненного по Адрианопольскому миру 1829 г. положением о свободной коммерческой навигации в Проливах. В 1831 г. стороны заключили тариф на 12 лет об уплате трехпроцентной пошлины с объявленной стоимости товаров, ввозимых в Турцию или вывозимых оттуда российскими подданными.

Общий тариф в том же 1831 г. был дополнен Положением о торговле Закавказского края, по которому был запрещен беспошлинный транзит в Иран и привоз в Закавказье иностранных товаров с пятипроцентной пошлиной³⁸.

Все внимание царской администрации в Закавказье было направлено на борьбу с европейской конкуренцией на иранском рынке. В Закавказье для некоторых турецких товаров были сделаны изъятия. Параллельно осуществлялась рекомендация министра финансов Е. Ф. Канкрин об усилении сбыта русских мануфактурных товаров в Азию³⁹. В 1832 г. был разрешен «торг без свидетельства» на Черноморском побережье Кавказа для русских купцов и допускался свободный проезд «покупщиков из турок».

Казалось бы, в этих условиях турецкие торговцы должны были воспользоваться благоприятной ситуацией. Однако положение торговца-турка, не защищенного системой национального законодательства и

³⁷ Karkar Yakub N. *Economic Development in the Ottoman Empire, 1856–1914*. Economic Research Inst., American University of Beirut. 1968. Pp. 99–104; [Karpat K., ed.] *The Ottoman State and Its Place in the World History*. Leiden etc., 1974.

³⁸ См. Рожкова М. К. Из истории экономической политики российского царизма в Закавказье. *Исторические записки*. Т. XVIII. 1946. С. 181–183; Морозова Т. Л. *К истории отмены закавказского транзита*. С. 130.

³⁹ Семенов А. В. *Изучение исторических сведений...* Ч. II. С. 232.

облагаемого в пределах Османской империи более высокими налогами, чем иностранный купец, заставляло его искать выход в приобретении за несколько тысяч курушей *берата* – грамоты, разрешавшей вести внешнеторговые операции на правах иностранных купцов⁴⁰.

Незначительное увеличение ввоза русских товаров в Турцию за первую половину 1830-х гг. при быстром росте английской торговли и усиление политического влияния Англии на Ближнем и Среднем Востоке вынудили царское правительство в 1836–1837 гг. активизировать действия по реализации планов расширения восточной торговли, обеспечив участие казны в «составлении партий товаров» для Смирны, Константинополя и Трабзона⁴¹.

В правительственных кругах, в среде предпринимателей и купцов центра и юга России обсуждались проекты акционерных обществ для торговли с Востоком (Турция, Иран, Средняя Азия и Китай)⁴². Несмотря на поддержку Николая I, полагавшего «делом сим не медлить», российско-азиатская компания так и не была организована.

Менее всего хотели рисковать в торговых кругах южнорусских портовых городов, уже столкнувшихся с трудностями конкуренции на турецком рынке. В Одессе, Феодосии, Таганроге купцы уже знали о намерении Порты «изменить привычный ход торговли на европейский манер», в то время как в Петербурге еще строили необъятные планы покорения Азии русскими товарами, а на деле оказались неподготовленными к пересмотру сложившейся за полвека системы торговых отношений с Турцией. Все это, а также разразившаяся в Турции чума, плохая организация ярмарок русских товаров, нераспорядительность турецких властей, умелые контрмеры английских конкурентов помешали царским властям достичь ожидаемых результатов⁴³.

В 1835 г. в ходе переговоров с Турцией Англия требовала отмены системы монополий в Турции и одновременного повышения как английского,

⁴⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1839. Д. 45. Л. 124–125. А. П. Бутенев — К. В. Нессельроде, 20 март (1 февр.) 1839. См. также [Вронченко М. П.]. *Обозрение Малой Азии*. Ч. II. С. 285–286; *Обозрение российских владений за Кавказом*. Ч. 4. С. 238; Tengirşenk Y. K. *Tanzimat devrinde osmanlı devletinin harici ticaret siyaseti. Tanzimat*. İstanbul, 1940. S. 4–6.

⁴¹ См. Киняпина Н. С. *Политика русского самодержавия в области промышленности*. М., 1966. С. 103–105; Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения...* С. 128.

⁴² Рожкова М. К. *Русские фабриканты и рынки Среднего Востока*. С. 149–151; Киняпина Н. С. *Политика русского самодержавия...* С. 105–108.

⁴³ Е. Ф. Канкрин поспешил, уведомляя Николая I об успешном сбыте товаров в Трабзоне, тогда как основная партия товаров в Смирне и Константинополе осталась нереализованной.

так и русского тарифов⁴⁴. Учитывая требования Лондона и собственные интересы, в 1837 г. Порты обратилась к правительству России с просьбой досрочно изменить тариф 1831 г. в связи с ростом мировых цен на промышленную продукцию и пересмотром тарифов по торговле с Англией, Францией и Австрией. В конце 1838 г. турецкое правительство выразило пожелание, чтобы Россия, наравне с другими державами, приняла условия англо-турецкой торговой конвенции от 16 августа 1838 г. в качестве основы для нового торгового договора⁴⁵.

Обе стороны высказались в пользу нового торгового договора. Но, несмотря на давление английской дипломатии, его заключение было отложено на восемь лет. Причина этого, в дополнение к распространенному тезису о выгодности для России прежних условий 1783 г.⁴⁶, заключалась также в механическом перенесении на экономические отношения с Турцией принципа *status quo*, которому царская дипломатия следовала в отношениях политических. При этом недостаточно учитывалась постепенная переориентация Порты от союза с Россией 1833 г. на достижение союза с Англией⁴⁷. Первым шагом Порты в этом направлении явилось подтверждение капитуляционного режима в англо-турецкой конвенции 1838 г. Одновременно режим свободной торговли стал составной частью политики реформ, провозглашенной Гюльханейским хатт-и шерифом 1839 г.

Царские дипломаты в Константинополе и Лондоне усмотрели в англо-турецкой конвенции 1838 г. и обращении Порты к России с предложением о пересмотре договора 1783 г. еще одну «рискованную новацию». Движимые стремлением «не допустить демократической пропаганды»

⁴⁴ Tengirşen Y. K. *Tanzimat devrinde osmanlı devletinin harici ti-caret siyaseti*. S. 11–12.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1842. Л. 325–325 об. По конвенции 16 авг. 1838 г. на ввозимые в Турцию британскими подданными товары налагалась 5-процентная пошлина, на вывозимые — 12-процентная; внутренние пошлины отменялись, равно как и система государственных монополий, обеспечивавшая относительную стабильность в снабжении городского населения продовольствием и сырьем для производства. Сохранилось высокое обложение национального производства и внутренней торговли. Прогрессивная турецкая историография рассматривает это соглашение как кабальное, заложившее основу превращения Турции в полуколоннию западных держав. Cem Y. *Türkiyede ger: kalmisligin tarihi*. Istanbul, 1971; Kazgan G. *Ortak pazar ve Türkiye*. Istanbul, 1970. S. 109.

⁴⁶ Puryear V. J. *International Economics and the Diplomacy in the Near East. A Study of British Commercial Policy in the Levant. 1834–1853*. Stanford, 1935. P. 197–199; Новичев А. Д. *История Турции*. Т. III. Л., 1972. С. 102.

⁴⁷ Подробнее см. Шерemet В. И. Некоторые вопросы английской политики на Ближнем Востоке во второй четверти XIX в. *Актуальные вопросы истории США и Англии в новое и новейшее время*. Л., 1975.

вблизи российских портов, они всячески откладывали пересмотр старого и заключение нового договора⁴⁸. Медлили, полагая, что экспорт русского хлеба и других «сырых продуктов» в Англию и Турцию — вне соперничества с английскими промышленными товарами на турецком рынке или с сельскохозяйственной продукцией других стран на английском рынке⁴⁹. Выжидали, как завершится борьба Австрии за «изъятие» Дунайских княжеств, Боснии и Герцеговины из сферы действия конвенции о свободной торговле.

Сосредоточив все внимание на разработке новой (Лондонской) конвенции о Проливах, которая должна была, по мнению К. В. Нессельроде⁵⁰, защищать интересы России, и полагая, что торговые интересы страны обеспечены принципами наибольшего благоприятствования (1783) и свободы коммерческой навигации в Проливах (1829), царская дипломатия ограничилась введением с 13 октября 1842 г. нового тарифа⁵¹.

Определенный на 12 лет тариф учитывал изменения цен за 1821–1841 гг. и включал существенное дополнение — беспошлинный транзит через турецкую территорию хлеба из России без включения в документы, т. е. без оплаты при проходе Проливов⁵².

В течение последующих пяти лет российские торговцы в Османской империи оказались в выгодном положении. Получив сертификат на торговые операции в российском консульстве, они платили лишь 3–5 % пошлин вместо узаконенных в 1838 г. в Турции 9–12 %. Имея одновременно *тезкере* — разрешение Порты на оптовую и розничную торговлю внутри страны, они подпадали под отмену всех внутренних пошлин⁵³.

Однако благоприятное положение российских торговцев и выгодный для них тариф 1842 г. не привели к ожидаемому укреплению России на турецком рынке. Стимулировался преимущественно зерновой экспорт через Проливы в страны Европы при сокращении промышленного экспорта непосредственно в Турцию. Усиливались экономические противоречия царизма с Портой,

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1841. Д. 111. Л. 457–499. Переписка посла в Константинополе В. П. Титова и посла в Лондоне Ф. И. Бруннова.

⁴⁹ Там же. Ф. Канцелярия, 1839. Д. 45. Л. 103об. А. П. Бутенев — К. В. Несельроде, 20 января (10 февраля) 1839 г.; ф. Отчеты МИД, 1842 г. Л. 324–327об.

⁵⁰ Там же. Ф. Отчеты МИД, 1840 г. Л. 36об.

⁵¹ См. Тариф о сборе пошлин с привоза в турецкие области и вывозимых оттуда российскими подданными товаров. [Гельсингфорс, 1843].

⁵² АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1842. Л. 325–327.

⁵³ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. Д. 1471. Л. 58–59, А. Н. Иванов — В. П. Титову, 1 (13) апреля 1844 г.

расширявшей однотипный с русским сельскохозяйственный экспорт в Европу. Англия, Австрия, Франция увеличивали из года в год вывоз хлеба из османских владений на судах под своими флагами. Дипломатические и торговые представители этих держав в Константинополе требовали более жесткого контроля над торговыми операциями российских подданных, включая провоз зерна через Проливы и посредническую торговлю иностранными товарами во внутренних районах Малой Азии. Представления выслушивались и откладывались для обстоятельного изучения, как обычно говорил министр торговли Сарым-эфенди.

Новый договор был, наконец, заключен 30 апреля 1846 г. в Балта-Лимане, под Константинополем⁵⁴. Договор был подготовлен комиссией, в состав которой входили посол России, министр торговли Турции, видные коммерсанты обеих стран. Представители России подчеркивали в ходе переговоров, что они «сообразуются с интересами Порты», особенно с усилением притока иностранных товаров, разрушающих местное производство⁵⁵. Не лишне отметить, что этот тон, «столь же лояльный, сколь и благонадежный», был принят в переговорах с Турцией через пять лет после подписания Лондонской конвенции 1841 г., ограничивавшей для России использование Проливов, через два года после провала инициативы Николая I об установлении, совместно с Англией, контроля над Турцией. Провалы и просчеты в дипломатии царизм тщетно пытался подправить «на ниве коммерческой».

Эти обстоятельства должны также приниматься в расчет при рассмотрении столь долгих проволочек с заключением нового договора. Русско-турецкий торговый трактат 1846 г. формально входил в серию соглашений Порты о свободной торговле с европейскими державами, но при этом содержал и отличия. Подтверждение для российских торговцев принципа наибольшего благоприятствования (ст. I, V), которым они пользовались с 1783 г., дополнялось уравниванием в правах российских торговцев и лиц, торгующих под флагом России на османской территории, с подданными Порты (ст. V, XV). С российских товаров для Дунайских княжеств и Сербии пошлины взымались только на месте (ст. XVI).

Вводились ограничения, которых не было в аналогичных договорах с западными державами: полный запрет «мелочного торга», торговли ору-

⁵⁴ Торговый трактат между е. в. императором всероссийским и е. в. императором оттоманским. Гельсингфорс, 1847; Noradounghian G. *Recueil d'actes internationaux de L'Empire Ottomane*. Vol. II. Paris, 1900. P. 371–379.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1846 г. Л. 216.

жием (ст. X), занятия ремеслами и владения ремесленными мастерскими (ст. VI). Рыбой, табаком, вином, квасцами, солью могли торговать только подданные Порты. Правда, позднее Порта перенесла эти ограничения и на западноевропейских коммерсантов, действовавших в Турции.

Турецкие торговцы на территории России получили права наибольшего благоприятствования (ст. XVII). По этому договору Порта восстановила свое традиционное право временного эмбарго на экспорт зерновых (ст. IX), уничтоженного англо-турецкой конвенцией 1838 г. Ратифицированный в июне 1846 г. договор вступал в действие с 13 июля 1846 г. сроком на 10 лет. Сохранялся в основном тариф 1842 г.⁵⁶

В целом договор, действовавший до 1863 г., носил взаимовыгодный характер. Единственный из серии фритредерских договоров Порты, он учитывал исторически сложившиеся и необходимые для турецкой стороны ограничения во внешней торговле. Однако ни договор 1846 г., ни ряд постановлений русского правительства в защиту торговых операций в Закавказье и на восточном берегу Черного моря не могли сдержать растущего влияния промышленно развитых капиталистических держав Европы на торговые отношения России и Турции.

Рассмотрим динамику и содержание русско-турецкой торговли в середине века. За период 1830–1860-х гг. во внешнеторговых оборотах России Турция оказалась отодвинутой с третьего места, после Англии и Германского Таможенного Союза, на шестое-седьмое. Специфичность русско-турецкой торговли через европейскую границу, включая черноморские порты и закавказскую границу, заставляет проводить дифференцированное исследование «европейского» и «азиатского» направлений единого процесса.

После 1833 г. русская таможенная статистика отделила азиатскую торговлю от европейской. Появилась возможность выяснить медленный, но неуклонный рост доли торговли через азиатскую границу в общем объеме русско-турецкой торговли — от 3,41 % (302 тыс. руб. серебром) в 1833 г. до 22,12 % (3649 тыс. руб. серебром) в 1861 г.⁵⁷ Оборот по азиатской границе утроился с 1833 по 1838 г. и достиг 901 тыс. руб. серебром⁵⁸. До Крымской войны обороты азиатской торговли России с Турцией

⁵⁶ Срок действия тарифа продлевался до 1856 г. и предусматривал постоянную оценку товаров в ценах 1836 г. АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1845 г. Л. 217 об.

⁵⁷ *Государственная внешняя торговля России (далее ГВТ) за 1833 год*. СПб., 1834. С. 37; ГВТ за 1861 г. СПб., 1862. Табл. XIX.

⁵⁸ ГВТ за 1833 г. С. 37; ГВТ за 1838 г. СПб., 1839. С. 44.

вырастали примерно на 2 %, превысили в 1845 г. 1 млн руб. серебром, удвоились в 1852 г. (14,51 % общего оборота с Турцией)⁵⁹. После войны азиатская торговля быстро восстановилась⁶⁰ и приблизилась в начале 1860-х гг. к 4 млн руб. серебром, составив 25 % всего оборота с Турцией. В 1860-х гг. Порта заняла третье место в азиатской торговле России после Китая и Персии, отгнав последнюю в 1870-х гг.

Торговля по азиатской границе характеризовалась положительным сальдо для Турции, за исключением 1851-1852 и 1852-1858 гг., когда торговый баланс складывался в пользу России. Темпы роста импорта из Турции несколько уступали темпам расширения экспорта. Турецкий импорт в предвоенный период достигал максимума в 1849 г. — 907 тыс. руб. серебром и в 1852 г. — 929 тыс. руб. серебром⁶¹.

Война 1853–1856 гг. оказала меньшее воздействие на импорт, чем на экспорт. В годы войны через азиатскую границу в Россию было ввезено товара на 1874 тыс. руб. против 1539 тыс. руб. серебром вывоза⁶². Импорт из Турции после 1859 г. превысил 2 млн руб. (1859 г. — 1953 тыс. руб., 1860 г. — 2177, 1861 г. — 2053 тыс. руб.). С середины 1860-х гг. вплоть до 1876–1877 гг. наблюдалось почти двукратное преобладание импорта из Турции над экспортом⁶³.

Динамика торговли с Турцией по азиатской границе
в среднем за год в тыс. руб. серебром и в процентах
в среднем за каждое последующее пятилетие*

Годы	Экспорт	Величина экспорта в %	Импорт	Величина импорта в %
1833–1837	241	100	324	100
1838–1842	397	164,7	397	122,5
1843–1847	466	117,3	580	146,1
1848–1852	385	58,5	469	60
1857–1861	1260	327,2	1479	315

* Подсчитано по данным ГВТ за 1833–1861 гг. СПб., 1834–1862

⁵⁹ ГВТ за 1845 г. СПб., 1846. С. 70.

⁶⁰ К концу 1856 г. — 1 084 тыс. руб. серебром (7,41 % всего оборота). ГВТ за 1856 г. Табл. XIX.

⁶¹ ГВТ за 1849 г. СПб., 1850. С. 87.

⁶² ГВТ за 1853–1856 гг. СПб., 1854–1857. Табл. XIX.

⁶³ Журов Ф. *Влияние последней войны на внешнюю торговлю России*. СПб., 1880. С. 8–9.

На протяжении 1830-х – середины 1840-х гг. русский экспорт через азиатскую границу колебался в пределах 4–5 % от суммы русско-турецкого экспорта в Азию, превысив полмиллиона руб. лишь в 1846–1847 гг. Как известно, эти годы вообще отмечены высокими размерами торговых оборотов России⁶⁴.

Новое расширение экспорта приходится на конец 1840-х – начало 1850-х гг., когда экспорт в Турцию превысил 6 % от всего вывоза в Азию⁶⁵. Дальнейший рост русского экспорта в Азию (1082 тыс. руб. серебром в 1852 г.) приостановился из-за войны России с Турцией. Несмотря на почти полное прекращение экспорта в Турцию в 1854–1856 гг., его объем за годы войны в целом (1853–1856 гг.) составил 385 тыс. руб. серебром, т. е. стал выше, чем в мирные 1830-е гг. (см. табл. 2)⁶⁶.

В первые послевоенные годы экспорт в Азиатскую Турцию стабилизировался на уровне 1,2–1,5 млн. руб. серебром. Экспорт в Турцию возрос в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. более чем на 9 %, тогда как азиатская часть общерусского вывоза — только на 7,7 %⁶⁷. В середине 1860-х гг. доля экспорта в Турцию продолжала увеличиваться и в 1872–1876 гг. составляла в среднем 25,7 % (2,5 млн руб.) из 9,7 млн русского экспорта в Азию⁶⁸.

Таким образом, отчетливо проявляется тенденция роста русского экспорта в Малую Азию со второй половины 1840-х гг., сменившая застой в вывозе 30-х – начала 40-х гг. (см. табл. 2). В отличие от возрастания экспорта в Турцию по азиатской границе, объем экспорта по европейской границе с начала 1830-х гг. и вплоть до 1848 г. почти не менялся. Лишь в канун войны определилась тенденция к расширению русского экспорта в Турцию. За тридцатилетие экспорт увеличился лишь на 55 %, тогда как импорт — на 70 %. Торговля по европейской границе составляла от 96 % (в начале 1830-х гг.) до 90 % (в начале 1840-х гг.) общего оборота с Турцией. За исключением 1834, 1854 и 1855 гг., баланс торговли по европейской границе складывался в пользу России. Наиболее значительное положительное сальдо Россия имела в 1830 г. — 5,5 млн руб. ассигнаци-

⁶⁴ Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения...* Гл. II.

⁶⁵ Подробнее о тенденциях азиатской торговли России см. Рожкова М. К. *Экономические связи России со Средней Азией. 40–60-е годы XIX века.* М., 1963. С. 56.

⁶⁶ Действовала тенденция сохранения торговых связей, несмотря на военные действия, что отмечено мной для предшествующих периодов. См. Шеремет В. И. *К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII – начале XIX века. Историография и источниковедение стран Азии и Африки.* Вып. 2. Л., 1968.

⁶⁷ Подсчитано по таблицам вывоза в Азию в сборниках ГВТ за 1857–1865 гг.

⁶⁸ Виды внешней торговли России за 1872–1876 гг. СПб., 1873–1877.

ями, 1835 — 2,6 млн руб. ассигнациями, а также в 1850–1852 гг., когда экспорт в Турцию превышал импорт на 1,8–2,6 млн руб.⁶⁹.

В период Крымской войны объем торговли по европейской границе сократился с 10,4 млн руб. серебром в 1853 г. до 6,6 млн руб. серебром за 1854 и 1855 гг. вместе взятые. Импорт в Россию составил: в 1854 г. — 2,7 млн, в 1855 г. — 2,0 млн руб. серебром; экспорт: 1,5 млн и 0,3 млн руб. серебром соответственно⁷⁰. После войны обороты русско-турецкой торговли превысили довоенный уровень⁷¹, при этом экспорт в Турцию превышал импорт (см. табл. 3).

С середины 60-х гг. соотношение экспорта и импорта стадо меняться в сторону увеличения импорта. В 1872–1876 гг. вывозилось через европейскую границу в Турцию в среднем по 7,7 млн руб., из Турции ввозилось по 16,8 млн руб.

Обратимся к анализу товарной структуры, начав с европейской части русско-турецкой торговли. На протяжении всего рассматриваемого тридцатилетия сельскохозяйственная продукция Юга России (зерновые, икра, масло и сало, живой скот и др.) составляла подавляющую часть русского экспорта в Турцию по европейской границе, включая черноморские порты⁷². Среди зерновых (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза) более 90 % занимала пшеница (см. табл. 4).

Первые крупные партии муки (365 тыс. четвертей) были вывезены в Турцию в 1846 г.⁷³, и вскоре Турция стала вторым по значению потребителем русской муки. В 1850-х – начале 1860-х гг. для потребления преимущественно в Константинополе, Смирне и черноморских городах Турции вывозилось в среднем по 100 тыс. четвертей муки ежегодно⁷⁴.

⁶⁹ ГВТ за 1830 г. С. 30; ГВТ за 1835 г. С. 37; ГВТ за 1850–1852 гг. СПб., 1851–1853. Табл. IX.

⁷⁰ ГВТ за 1854–1855 гг. СПб., 1855–1856. Табл. IX.

⁷¹ В 1856 г. — 13,5 млн руб. серебром, в 1856 г. — 16,9 млн руб. серебром. *ГВТ за 1856–1857 гг.* Табл. IX.

⁷² В 1830 г. «жизненные припасы» составили 83 % экспорта, в 1840 г. — 89 %, в 1850 — 58 %, в 1860 — 71 %. ГВТ за 1830–1860 гг. СПб., 1831–1861. Общий анализ черноморской торговли дан в кн.: Золотой В. А. *Внешняя торговля южной России в первой половине XIX в.* Ростов н/Д, 1963; Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения...* Гл. II, IV.

⁷³ ГВТ за 1846 г. СПб., 1847. С. 49.

⁷⁴ ГВТ за 1850–1862 гг. СПб., 1851–1863. Одесская мукомольная компания «Бродский и К°» работала в 1860-х гг. преимущественно по заказам Константинополя, где коммерсант имел своих представителей. Крупными потребителями муки этой компании были также Бейрут, Порт-Сайд и Александрия в период строительства Суэцкого канала. См.: Янсон Ю. *Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе.* СПб., 1870. Приложения. С. 14; Скальковский К. *Суэцкий канал и его значение для русской торговли.* С. 98, 100.

Если в целом по зерновым Турция отодвигалась в числе потребителей быстро развивавшимися капиталистическими державами, то потребности европейского рынка и определенные успехи турецкой экономики эпохи Танзимата превращали Россию и Турцию в конкурентов на европейском хлебном рынке. В 1829–1831 гг. турецкое правительство отменило существовавшие несколько столетий регламентированные поставки зерна из Дунайских княжеств и сняло запрет на вывоз зерна из Османской империи⁷⁵.

Динамика экспорта России в Азиатскую Турцию*

Годы	Всего в Азию в среднем за год в тыс. руб. серебром	В Азиатскую Турцию в % от экспорта в Азию
1833-1837	5166	4,7
1838-1842	7457	5,3
1843-1847	9619	4,8
1848-1852	10490	6,3
1853-1856	9704	4,0
1857-1861	12735	10,0

*Подсчитано по данным ГВТ за 1833–1861 гг. СПб., 1834–1862.

Динамика торговли с Турцией по европейской границе в среднем за год в тыс. руб. серебром и в процентах в среднем за каждое последующее пятилетие*

Годы	Экспорт	Величина экспорта в %	Импорт	Величина импорта в %
1833-1837	3017	100	4030	100
1838-1842	4925	98,1	3806	94,4
1843-1847	4979	101	3507	92,1
1848-1852	6173	124	4348	123,9
1853-1856	3662	59,3	3993	91,8
1857-1861	7777	212,3	6853	171,6

*Подсчитано по данным ГВТ за 1833-1861 гг. СПб., 1834-1862.

⁷⁵ О регламентации зерновой торговли в Турции см.: Тодоров Н. *Балканский город XV–XIX веков*. М., 1976. С. 105.

Вывоз пшеницы в среднем по пятилетиям*

Годы	В тыс. руб. серебром	В тыс. четвертей	В % от вывоза из России
1833-1837	1666	366	37
1838-1842	3126	560	26
1843-1847	2822	552	17
1848-1852	3640	703	22
1856-1861	4492	543	45

* Подсчитано по данным ГВТ за 1833-1862 гг. СПб., 1834-1863.

В 1830-х гг. ускорилось экономическое развитие Молдовы и Валахии, болгарских земель. После 1838 г., когда были сняты ограничения на участие иностранцев в экспортной торговле Турции, хлеб из европейских провинций Порты через Галац, Браилов, Салоники и другие порты на английских и австрийских судах стал вывозиться в Европу в размерах, сравнимых с вывозом из России в Турцию⁷⁶. Складывался один из двух центров столкновения интересов Англии и России на Ближнем Востоке, отмеченных К. Марксом и Ф. Энгельсом⁷⁷.

Появление на рынках Южной Европы и Англии в 1840-х гг. крупных (до полутора-двух млн четвертей) партий хлеба из Турции⁷⁸ поддерживалось в известной мере за счет закупок хлеба в России (по полмиллиона четвертей в конце 1830–1840-х гг.). Прекращение поставок хлеба в Турцию в период войны 1853–1856 гг. и возобновление операций после войны соответственно отразилось на турецком зерновом экспорте. Более ранние, по сравнению с Россией, сроки созревания зерновых в Турции и ее балканских владениях, а также в Египте; более низкие вывозные тарифы и фрахт при сравнительной близости к Турции европейского потребителя, располагавшего мощным флотом, делали более выгодной для Турции

⁷⁶ Например, в 1839–1847 гг. вывоз пшеницы из Галаца и Браилова составил в среднем 927 тыс. четвертей в год; в 1847 г. вывоз превысил 2 млн четвертей. Подсчитано по данным: Неболсин Г. П. *Статистическое обозрение внешней торговли России*. Ч. 1. С. 151 и Farley J. L. *Modern Turkey*. L., 1872. P. 194, 231–233.

⁷⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 11–14; Т. 10. С. 605.

⁷⁸ В 1847 г. Турция ввезла в Англию 1,56 млн четвертей зерновых, в 1849 — 1,11 млн четвертей. В эти годы из России Турция получила только пшеницы 0,7 млн четвертей и 0,5 млн четвертей соответственно. См.: Неболсин Г. П. *Статистическое обозрение внешней торговли России*. Ч. 1. С. 80–81; Farley J. L. *Modern Turkey*. P. 191–195.

продажу в Европу своего хлеба и части закупленного в России, а также покупку русского хлеба для потребления в столице и Западной Анатолии. В середине XIX в. только Константинополю с населением свыше 800 тыс. человек нужно было около 130 тыс. четвертей русской пшеницы из тех 500–700 тыс., что поступали из южных портов России⁷⁹. 350 тыс. четвертей продавалось в Грецию, на Крит и на острова Ионического моря. Следовательно, в Западную Европу перепродавалось не более трети закупавшейся пшеницы.

В районе Проливов и на ближайших территориях Турции, очевидно, оставалось около двух третей закупавшегося в России хлеба. Два других вида экспортных товаров поглощались почти на 100 % турецким потребителем: сливочное масло и икра. В Турцию уходило от 38 % до 56 % экспорта масла в 1830-х – начале 1850-х гг. и до 85 % масла после 1856 г. (преимущественно через сухопутную границу в Европейскую Турцию и черноморские порты в Малую Азию). Стоимость экспорта масла колебалась между 320–570 тыс. руб. серебром и установилась на средней — около 1 млн руб. в 1860-х гг., что составляло 75 % вывоза в 1864 г., 90 % в 1867 г. Около 70 % вывоза икры также приходилось на Турцию⁸⁰.

В 1830-х – начале 1840-х гг. сохранялся сравнительно высокий спрос на русские промышленные изделия. По отзывам современников, «предпочтение отдавалось железу заводов Демидова и Пашкова»⁸¹. Как отмечал Ю. Гагемейстер, в середине 1830-х гг. в Северной Анатолии «даже неохотно покупают английское железо, между тем как на русское всегда бывает сильное требование»⁸². Повышенным спросом пользовались русские пилы и топоры, подковы и гвозди, латунная посуда, отличавшаяся дешевизной и хорошим качеством⁸³. В 1830 г. в Турцию было отправлено полуфабрикатов и изделий из железа 18,2%, из меди — 3,3 % от стоимости этих видов экспорта. Наиболее крупные партии железных изделий были проданы в Турцию в 1834 и 1835 гг.: на 1,2 млн руб. ассигнациями

⁷⁹ Часть хлеба шла на снабжение и оплату рабочих нескольких государственных фабрик, где денежная оплата не обеспечивала и трети прожиточного минимума. Тодоров Н. *Балканский город*. С. 274. Сборы зерновых в Анатолии, составлявшие 20–25 млн киле, не покрывали потребности населения.

⁸⁰ ГВТ за 1830–1867 гг. СПб., 1831–1868.

⁸¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 19. Департамент внешней торговли. Оп. 3. Д. 952. Л. 7.

⁸² Гагемейстер Ю. А. О торговле в Турции и Персии. *Журнал мануфактур и торговли*. Ч. 1. 1838. № 1–3. С. 307.

⁸³ Там же. С. 309; [Вронченко М. П.] *Обозрение Малой Азии...* Т. II. С. 277.

и 1,6 млн руб. ассигнациями, что составило 33,8 % и 27,8 % от стоимости соответствующих видов экспорта из России⁸⁴. На эти же годы приходится и максимум продажи меди в полуфабрикатах, изделий из меди и латуни: 0,5 млн и 0,2 млн руб. ассигнациями, что составляло 5,1 % и 3,6 % от сумм вывоза этих товаров по европейской границе.

В 1840–1850-х гг. Порта прибегала лишь к эпизодическим незначительным закупкам меди, медных и латунных изделий в России. Налаживалась собственная добыча и обработка меди. Продолжал расти ввоз из Англии и Франции предметов обихода из сплавов меди, олова, свинца⁸⁵. Закупки в России полуобработанного железа, изделий из железа, чугуна и стали составляли около 20 тыс. тонн в год — 17,4 % русского экспорта железа по объему и 10–12 % по стоимости (подсчитано по данным ГВТ за соответствующие годы). Во второй половине 1850-х гг. примерно уравниваются закупки в России готовых изделий и полуфабрикатов, «доводившихся» в национальных мастерских под Константинополем, в городах Европейской Турции, близ Анкары и в Восточной Анатолии. Вывоз металлов и металлоизделий в Турцию в 1850-х — начале 1860-х гг. составлял 9–10 % стоимости этого экспорта в Европу. К 1850-м гг. английские, французские ножевые, скобяные изделия, оловянная посуда заполнили, благодаря массовому дешевому фабричному производству и умелому подражанию национальным ремесленным образцам, рынок Западной Анатолии. В Восточной Анатолии устойчивый спрос на русские металлические изделия оставался стабильным.

Со второй половины 1840-х гг. ввоз железа «не в деле» нередко обгонял ввоз готовых изделий. В Малой Азии продолжали работать мастерские, применявшие русские заготовки.

В конце XVIII и в начале XIX в. видное место в экспорте в Турции занимали канаты и парусина, закупавшиеся казной для нужд османского флота. В начале 1830-х гг. Турция закупала этой продукции на 0,5–1 млн руб. ассигнациями, что составляло 28 % (1830), 38 % (1831) от стоимости данного вида экспорта⁸⁶. Создание национальных мануфактур снизило к началу 1840-х гг. потребности в русской парусине и канатах. Однако в периоды внешнеполитической напряженности или военных действий 1839–1841 гг., 1848 г. Порта прибегала к закупкам в России заготовок

⁸⁴ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1484. Подсчитано по данным российского консульства в Смирне за 1830-е гг.

⁸⁵ Bailey F. E. *British Policy and the Turkish Reform Movement*. Cambridge (Mass.), 1942, append.

⁸⁶ ГВТ за 1830–1831 гг. С. 30, 37.

такелаж на суммы в сотни тыс. руб. серебром; в 1848-1849 гг. в Турцию было продано 15% всего экспорта веревок и канатов⁸⁷.

Максимум продажи как металлоизделий, так и снаряжения для флота приходилось на предвоенные (1852 – начало 1853 г.) и послевоенные (конец 1856 – 1857 г.), когда Порты вела большие работы по восстановлению разгромленного флота.

Современники⁸⁸, а позднее исследователи⁸⁹ отмечали большое значение в русском экспорте в страны Востока текстильных изделий. Однако значительные партии текстильных товаров русским купцам удавалось продавать только в 1830 и 1834 гг. Со второй половины 1830-х гг. турецкий рынок в Европейской Турции был практически потерян для русских текстильных товаров.

Сокращение экспорта хлопчатобумажных тканей и изделий, производившихся в Закавказье, современники⁹⁰ объяснили ростом английского экспорта в Турцию, что не замедлило отозваться на традиционно взаимосвязанных хозяйствах Анатолии и сопредельных областей России. После Крымской войны текстильные товары почти полностью исчезают из списков экспорта как в Европейскую, так и в Азиатскую Турцию. Вместо них экспортируется сырье для производства шерстяных и шелковых тканей. Видное место в экспорте заняла овечья шерсть. Наиболее значительные поставки шерсти различных сортов были сделаны в 1834–1835 гг. и в 1852 г.⁹¹

После организации в Сливно, Пловдиве, Измите, Токате и некоторых других городах Турции в конце 1830-х – в 1840-х гг. суконных фабрик и в связи с ростом вывоза шерсти в Европу изменился характер экспорта. Начали закупаться для национального производства партии качественной шерсти, а продаваться в Англию и Францию грубые сорта шерсти, в том числе закупленные в России. К середине 1850-х гг. турецкое сукноделие не выдержало конкуренции с европейскими тонкими сукнами, но продолжало производить традиционные грубошерстные сукна, в связи с чем закупалось больше низкосортной черкасской шерсти. На экспорт в Европу отправляли мериносую и ангорскую шерсть⁹².

⁸⁷ ГВТ за 1848-1849 гг. С. 49.

⁸⁸ См. *Речи, говоренные на торжественном акте в Московской практической академии*. М., 1839. С. 31, 70.

⁸⁹ Рожкова М. К. *Экономические связи России со Средней Азией*. Гл. III, IV.

⁹⁰ Гегемейстер Ю. А. *Закавказские очерки*. Ч. 3. С. 5, 13–15; [Вронченко М. П.] *Обозрение Малой Азии...* Т. II. С. 279–280.

⁹¹ См. *Очерки экономической истории России в первой половине XIX века*. М., 1959. С. 190–191.

⁹² *Annual Statement...* L., 1855. P. 209, 211–212.

В пределах 0,5 млн руб. серебром закупки русской шерсти осуществлялись до начала 1870-х гг., при этом все большая часть операций с шерстью стала производиться через азиатскую границу. В составе промышленного сырья вывозилось сало, ворвань, рыбий жир. Крупные партии сала закупались для нужд национальных предприятий, особенно в конце 1840-х и в 1850-е гг.: на 343 тыс. руб. — в 1850 г., на 290 тыс. — в 1851 г. Широкое внедрение машинной смазки из дешевого кокосового масла, поступавшего из английских владений в устье Пальмовых рек (Западная Африка), вызывало сокращение со второй половины 1850-х гг. спроса на сало и ворвань из России⁹³.

С середины 1840-х гг. быстро рос экспорт шелка-сырца через азиатскую границу: с 11 тыс. руб. серебром в 1831 до 0,5 млн руб. в 1853 г. и более чем миллиона руб. в 1860 г., что составляло 89,2% всего вывоза шелка-сырца в Азию⁹⁴. Происходило своеобразное восстановление традиционных поставок шелка из Закавказья (особенно Шемахи) на обработку в Анатолию. В 40–50-х гг. XIX в. Франция увеличила закупки шелка-сырца в Сирии и Юго-Восточной Анатолии. Значительно сократившиеся, но действовавшие в ряде городов центральной и восточной части Малой Азии шелкоткацкие мастерские стали больше ориентироваться на дешевый экспортный шелк.

Среди постоянных статей экспорта в Турцию неизменно значился скот: крупный и мелкий рогатый, но преимущественно лошади⁹⁵.

При рассмотрении состава импорта из Турции прежде всего обращает внимание, что ввоз продовольствия по номенклатуре остается неизменным (фрукты, вина, кофе и др.) со второй половины XVIII в. Так, Турция была в течение почти столетия главным поставщиком сухофруктов, расходившихся из Одессы и Таганрога по всей России. В середине 1830-х гг. 42,6 % всего импорта фруктов в Россию приходилось на Турцию⁹⁶. Со второй половины 1850-х и до конца 1870-х гг. по европейской границе поступало от 32 до 36 % всех закупувавшихся за рубежом фруктов.

В течение десятилетий население Закавказья, Крыма и других причерноморских областей России использовало шелковые, шерстяные и бумажные изделия из Турции⁹⁷. Царское правительство не считало ввоз турецких

⁹³ Семенов А. В. *Изучение исторических сведений...* Ч. III. С. 83.

⁹⁴ ГВТ за 1841–1860 гг. СПб., 1842–1861. Табл. XIX.

⁹⁵ Государственный исторический архив Республики Азербайджан. Ф. 829. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–3об.

⁹⁶ ГВТ за 1834–1838 гг. СПб., 1835–1839. С. 40–41.

⁹⁷ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 956. Л. 3; Обзорение российских владений за Кавказом. Т. 1. С. 264.

тканей опасным для российского мануфактурного дела. Льготные тарифы на турецкие ткани действовали и после отмены транзита иностранных товаров через Закавказье, и после принятия ряда охранительных тарифов на хлопчатобумажные ткани.

С середины 1830-х гг. правительство и торгово-промышленные круги первоочередное внимание обращали на рынки Средней Азии и Китая при весьма благоприятной для русской торговли конъюнктуре в 1839–1840 гг. в Персии⁹⁸. Но в этот период приток английских хлопчатобумажных товаров в Турцию возрос и к середине 1840-х гг. удвоился. Национальное ремесленное производство Турции было сокрушено машинной продукцией Великобритании, что не могло не сказаться на русско-турецкой торговле. После 1835 г. английские фабрики, как отметил российский консул в Смирне А. Н. Иванов, начали производство муслиновых тканей специально для турецкого рынка, по турецким образцам⁹⁹. «Вдвое дешевле и несравненно лучше русских» по качеству¹⁰⁰, английские ткани сначала смешались с собственно турецкими, а затем почти полностью заменили их при ввозе в Россию¹⁰¹.

Максимум ввоза хлопчатобумажных изделий из Турции в 30-х гг. приходился на 1831 и 1838 г., когда закупки только изделий превышали 1 млн руб. ассигнациями (около 18 % этого вида экспорта)¹⁰². В 1840-х гг. хлопчатобумажных изделий из Европейской Турции ввозилось в среднем на 268 тыс. руб. серебром, т. е. около 12 % импорта из Европы¹⁰³. Ввоз через азиатскую границу составлял в среднем 314 тыс. руб. серебром.

К началу 1850-х гг. через европейскую границу из Турции вывозилось ежегодно в среднем 20,7 % (по 326 тыс. руб.) всего импорта хлопчатобумажных изделий. Более значительным был ввоз по азиатской границе — в среднем по 390 тыс. руб. в год, что составляло 16,8 % ввоза хлопчатобумажных изделий.

⁹⁸ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1840 г. Л. 312.

⁹⁹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 1479. Л. 7–7об. А. Н. Иванов — В. П. Титову, 16 (28) января 1872 г.

¹⁰⁰ Гагеместер Ю. А. *Закавказские очерки*. Ч. 3. С. 15.

¹⁰¹ В 1836 г. Порты обратилась к царскому правительству с просьбой предоставить на льготных условиях сбыт в России хлопчатобумажных тканей, производившихся на казенных предприятиях в Западной Анатолии. Экспортные операции должны были осуществляться турецкой казной. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе, 1846. Д. 1489. Л. 80. В. П. Титов — А. Н. Иванову, 7 (19) июня 1846 г. Первая известная нам попытка Порты вести торговлю с Россией по государственным каналам получила опору в русском закавказском тарифе 1861 г.

¹⁰² ГВТ за 1831, 1838 гг. СПб., 1832, 1839. С. 40–41.

¹⁰³ ГВТ за 1840–1849 гг. С. 57–59.

бумажных изделий из Азии; ввоз продолжал возрастать в последующие годы. В 1860 г. через азиатскую границу из Турции поступило 71,89 всего ввоза хлопчатобумажных тканей из Азии¹⁰⁴. Так же, как и в Иране, ряд анатолийских мануфактур «доводил» английские ситцы-заготовки, продавая их затем в Россию¹⁰⁵.

Западноевропейские торговцы закупали преимущественно турецкий шелк-сырец. В Россию ввозились, как правило, ткани, что помогло сохранению ряда мануфактур в Западной, Южной и Юго-Восточной Анатолии. Основная масса шелковых тканей и изделий ввозилась по европейской границе, что составляло около 3 % от стоимости ввоза этих изделий в Россию. В 1860-х гг. доля Турции в импорте различного вида шелковых материй поднимается до 10 % (в среднем 400 тыс. руб. в год¹⁰⁶). Закупки изделий сокращались.

По мере развития в балканских провинциях Турции суконного производства в Россию стали поступать грубошерстные (по преимуществу) турецкие ткани. Первые партии сукна были закуплены в 1847–1848 гг. Накануне Крымской войны около 15 % ввоза шерстяных и суконных тканей составляли поставки из Турции. Во второй половине 1850-х – в 1860-е гг. увеличился ввоз шерстяных тканей из Пруссии и Англии, но турецкие сукна все же составляли около 9 % стоимости соответствующего ввоза. На фабриках и мануфактурах Сливно, Силистрии, Пловдива перерабатывалась местная и привозная шерсть, в том числе из России, и, следовательно, обе страны участвовали в мировом торгово-промышленном обмене.

Часть сукон, а также льняных тканей с середины 1850-х гг. поступала с государственных турецких фабрик. В импорте турецкого сырья преобладали хлопок-сырец (в пределах 3–5 % стоимости этого вида импорта) и деревянное масло, использовавшееся для смазки веретен (5–6 % стоимости данного вида импорта). Поступали они главным образом через черноморские порты. Стабильный для середины 1830-х – начала 1850-х гг. ввоз хлопка в пределах 200–260 тыс. руб. серебром начал расти во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. в связи с сокращением поставок хлопка из США и Египта, увеличившего продажу хлопка в Европу¹⁰⁷.

¹⁰⁴ ГВТ за 1860 г. СПб., 1861. Табл. XIX.

¹⁰⁵ В русских торгово-промышленных кругах и в 60-х, и в 70-х гг. неоднократно обсуждалось, как отличать турецкие ситцы от сделанных «под турецкие». См.: Журов Ф. *Влияние последней войны на внешнюю торговлю России*. С. 15.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 19. Оп. 944. Л. 173; ГВТ за 1860–1865 гг. СПб., 1861–1866. Табл. XIX.

¹⁰⁷ Эти поставки оказались, вместе со среднеазиатским и персидским хлопком, важным элементом развития хлопчатобумажного производства Юга и Центра России. Подробнее

Закупавшееся в Турции деревянное масло, в среднем по 332 тыс. руб. в 1840-х – начале 1850-х гг., составляло 5,5–6 % всего ввоза масла. Сокращение поставок турецкого деревянного масла в Европу¹⁰⁸ совпало с ростом фабричного производства в России. Уже в 1853 г. было закуплено деревянного масла более чем на 0,5 млн руб., в 1857 г. ввоз его из Турции составил 14 % – 571 тыс. руб. и продолжал расти¹⁰⁹.

Главными центрами торговых операций были Одесса, Константинополь, Смирна, Феодосия, Трабзон, сформировавшиеся как таковые еще в начале XIX в. По мере развития торговли по азиатской границе все большее значение приобретали Эрзерум и Ахалцих, где перераспределялись товары, прибывшие морем в Трабзон, а также Тифлис, Ереван и Александрополь, где совершалось большинство сделок по закавказской торговле. В 1840–1850-х гг. в качестве крупного торгового центра-посредника вырос город Кайсери в Анатолии. Введение беспошлинного транзита через Тифлис, Редуткале и Нахичевань, рассматривавшегося царским правительством как одна из мер оживления торговли через восточное побережье Черного моря, не достигло главной цели – вытеснения Трабзона, центра транзитной торговли с Центральной Анатолией и Средним Востоком, но содействовало росту оборотов Редуткале и Нахичевани в собственно русско-турецкой торговле.

Интересны наблюдения над составом флагов, под которыми перевозились торговые грузы двух стран¹¹⁰. К концу 1830-х гг. каждое четвертое судно, приходившее в русские черноморские порты с грузом, помеченным «из турецких владений», и каждое третье, уходившее в порты Турции, несло османский флаг. Русские и турецкие корабли осуществляли около 60 % всего грузооборота.

Постепенно число судов под турецким флагом росло. Уже в 1844 г. суда под турецким флагом составили около 24% в перевозках, под русским — 21 %. После Крымской войны и последовавшей нейтрализации Черного моря 57 % судов, уходивших в турецкие владения, и 61 % — прибывавших оттуда, несли флаг с полумесяцем. Под русским флагом проследовало,

см.: Исаев Г. С. *Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в России. 1880–1768*. Л., 1970.

¹⁰⁸ Англия, Бельгия, Франция перешли к более дешевым смазочным маслам на основе пальмового сырья из африканских колоний.

¹⁰⁹ ГВТ за 1853, 1857 гг. СПб., 1854–1858. Табл. XIX.

¹¹⁰ Подсчитано по данным о судоходстве, помещенным в сборниках ГВТ за соответствующие годы; Брун Ф. К. *О внешней торговле Новороссийского края и Бессарабии за 1846 год*. Одесса, 1847; его же. *О внешней торговле... с 1834 по 1843 год*. Одесса, 1846.

соответственно, 16 % и 15 % всех кораблей. Корабли под турецким флагом составляли в среднем 10 % от общего числа судов, проходивших через южнорусские порты. Турецкий флаг оставял позади французский, но отставал от греческого, австрийского и английского в перевозках товаров в русско-турецкой торговле¹¹¹. Суда под русским флагом были четвертыми в списке судов на Константинопольском рейде и четвертыми-пятыми в Смирне после греческих, австрийских и английских судов.

Если обобщить данные таможенной статистики Смирны, к которой обращался русский консул А. Н. Иванов, то на долю России приходилось в 40-х гг. 4–5 % общего тоннажа и 4,25,4 % от числа всех судов, посетивших Смирну¹¹². Очевидно, что максимальную выгоду от участия в перевозках грузов между портами России и Турции получали греческие, австрийские и английские судовладельцы. Со второй половины 1840-х гг. австрийские и английские судовладельцы начали пользоваться «удобным флагом» Порты, что и объясняло быстрый рост числа судов под турецким флагом. Снижением в 1841–1848 гг. сборов с «маломерных» судов под турецким флагом¹¹³, что должно было оживить непосредственно турецкое судоходство в Черном море, воспользовались не турецкие, а австрийские и греческие судовладельцы.

В острой конкурентной борьбе за участие в торговых перевозках наиболее активными были представители австрийских (с 1828 г.) и английских (с 1836 г.) пароходных компаний. Пароходы-фрегаты под русским флагом, начавшие с 1838 г. регулярные рейсы Одесса — Константинополь¹¹⁴, не выдержали конкуренции. В Лондоне особенно ревниво относились к русскому торговому судоходству. Нейтрализация Черного моря после 1856 г. понималась в Лондоне как закат военного и отчасти коммерческого присутствия кораблей под российским флагом. Оживление торговли, особенно морской, в первые послевоенные годы беспокоило английское правительство. Как писал Ф. И. Бруннов, британские государственные деятели видели в купеческих кораблях возрождавшийся черноморский флот России¹¹⁵.

¹¹¹ См. Краткий обзор внешней торговли России по европейской границе. СПб., 1871.

¹¹² АВПР. Посольство в Константинополе. Д. 1483. Л. 9; д. 1481. Л. 189.

¹¹³ См. Кайданов Н. *Краткий хронологический обзор действий департаментов внешней торговли и таможенных сборов по части торговли России с иностранными государствами*. СПб., 1890.

¹¹⁴ Семенов Л. С. *Россия и Англия. Экономические отношения*. С.125–126.

¹¹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1858. Д. 96. Л. 58–259. Ф. И. Бруннов — К. В. Нессельроде, 8 (20) июля 1858.

Лондонский кабинет давал понять русскому послу, что после Парижского мира 1856 г. на Черноморском побережье сложилась новая ситуация, и Россия не должна распространять свое торговое влияние далее государственных границ. Однако торговля между двумя соседними странами продолжала развиваться, и укрепление торговых отношений в определенной мере отражало складывавшийся курс Петербурга и Константинополя на отмену парижских ограничений, на развитие экономических и политических связей. При этом черноморская и левантийская морская торговля, а также развитие дунайского речного судоходства рассматривались Петербургом как весьма важные инструменты мира на Ближнем Востоке¹¹⁶.

Традиционные экономические связи России и Турции претерпели к середине XIX в. значительные изменения. Обе страны были вовлечены в мировой товарооборот. Стимулировался экспорт в Европу сельскохозяйственной продукции как юга России, так и Турции при непосредственном участии торгового капитала и судов ведущих западноевропейских держав. Торговые связи двух соседних стран, вопреки негативным факторам, продолжали развиваться в течение всего периода и оставались сферой сотрудничества даже во время войны 1853–1856 гг. Обоюдная заинтересованность в ряде вопросов, в том числе и торговых, определяла совместные выступления двух черноморских держав против навязанной им в 1856 г. нейтрализации Черного моря и по некоторым другим проблемам в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в.

¹¹⁶ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД, 1858. Л. 20–23об., 145, 199.

Малоизвестные материалы по истории русско-турецких отношений после Берлинского конгресса 1878 года

Не прошло и недели после того, как 1 (13) июля 1878 г. завершился пересмотревший итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Берлинский конгресс, а в помещении августейшего совещательного дивана при Абдул Хамиде II собрались высшие духовные и светские сановники Османской империи. Отличие именно данного заседания дивана, дела обычного для турецкой правительственной практики – подводить итоги крупным событиям во внешней или внутренней политике, было в следующем.

Помимо шейх уль-ислама, пяти-шести известных богослужителей-муфтиев, основных министров — военного и военно-морского, иностранных дел, торговли и финансов, — пашей-губернаторов всех европейских и большей части азиатских провинций, а также военачальников от командующих корпусами и выше, присутствовали руководители полицейского ведомства. Причем в значительном (9 человек) количестве. Они привели с собой несколько опрятных, неброско одетых людей, которые скромно уселись темной кучкой в углу «дивана» и принялись иступленно теревить четки, норовя, как отметил наблюдавший за ходом заседания современник, найти среди бусин свою судьбу или, по крайней мере, богатое наследство¹¹⁷.

Августейший диван под личным председательством султана заслушал везиров и улемов, участвовавших и в войне 1877–1878 гг., и в мирных

¹¹⁷ Архив Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС). «Материалы Командующего оккупационными войсками в Болгарии Дондукова-Корсакова. 1878 г.»; б/н, б/л. Многие материалы хранения еще ждут научной обработки и введения в исследовательский фонд.

переговорах с Россией в Сан-Стефано. Решили, что 22 статьи Берлинского договора, которые касались статуса Восточной Румелии и Болгарии, надлежит считать «двадцатью двумя ранами в теле империи Османов». Но ранами не смертельными, подлежащими врачеванию с абсолютно положительным прогнозом. Основанием тому была уверенность, высказанная участниками заседания, что Османская империя, формально вошедшая в «европейский концерт» еще на Парижском мирном конгрессе 1856 г., уверенно исполнила свою собственную партию и в событиях 1876–1878 гг. на Балканах. С огромным для империи уроном, материальным и человеческим, но выстояла в одиночку против России, и в критический момент «Сан-Стефанского расчленения по живому» (слова анатолийского муфтия Абдул Керим-заде) не была оставлена Западом «на расправу русским».

Вместе с тем прозвучали решительные речи против тех европейских держав, которые оказали недостаточную моральную, военную и дипломатическую помощь «сражавшемуся за свободу Балкан (!) турецкому солдату». Собравшиеся сочли, что доверять нельзя ни Лондону, ни Парижу, чуть-чуть можно только Берлину. Как говорилось на заседании, нельзя верить Петербургу и его помощникам по вытеснению Стамбула с его «законных, исторических земель в Европейской Турции». К последним были отнесены Сербия, Черногория, обе части Болгарии, Македония, Греция¹¹⁸.

Оказалось, что пособияники удаления турок с «исконных (так в документе. — *Авт.*) балканских земель» имеются в крупных городах Европейской и Азиатской Турции, даже в арабских вилайетах. Было принято решение: подобную крамолу искоренять, не допускать, а через доверенных людей докладывать непосредственно султану обо всем, что касалось главной проблемы — удержания любой ценой за Стамбулом оставшихся на Балканах владений, не отступая при этом от турецкой конституции 1876 г. как основы общего устройства порядка во всех областях Османской империи.

Неприметные люди из угла «дивана» с полным пониманием потряхивали кисточками на фесках, смотрели бодро, глаз не опускали. Жесткие пальцы крепко сжимали четки. «Хафие» и «джурналджи» (тайные агенты и доносчики) обретали особый статус охранителей Богоспасаемого Предела.

Во внутренней и внешней политике Османской империи почти на три десятка лет начинался период «зулюма» (тирании, гнета). Нацеленный

¹¹⁸ Там же. Л. 14.

своим острием на внутреннюю политику — сохранение в неприкосновенности режима абсолютной личной власти султана Абдул Хамида II, «зулюм — террор» имел и внешнюю направленность. «Зулюм» в той или иной форме в отношениях с бывшими владениями, получившими в XIX в. свободу и независимость, — проблема почти не исследованная ни османистами, ни балканистами.

По косвенным замечаниям отечественных, турецких и европейских исследователей, подробнее — по агентурным данным русской военной разведки на Балканах и в Малой Азии, по сообщениям русских дипломатов и военных агентов-атташе из Стамбула и из балканских столиц, а также по материалам европейской прессы за 1880-е — 1900-е гг. выясняется следующее.

Сделав систему доносов на имя султана нормой во внутренней политике, Абдул Хамид распространил практику некомпетентного двурушничества и дипломатической сверхгибкости, доведенной до неопределенности, на отношения с ближайшими соседями — балканскими державами. Впервые на это обстоятельство обратил внимание личный секретарь Абдул Хамида Тахсин-паша¹¹⁹. Он же отметил, что сама перспектива появления конституции в Болгарии пугала султана больше, чем ограничение его прав как властелина империи.

В своих мемуарах, опубликованных уже в кемалистской Турции (1931 г.), он писал, что султану вместо дипломатической почты подавались доносы разного уровня, а сочиненные наспех сведения о жизни зарубежных стран — вместо объективных оценок исключительно сложной обстановки в сопредельных балканских государствах.

Выдающийся турецкий историк 1950-х – начала 1980-х гг. Энвер Зия Карал также отмечал, что дух деспотического режима царил и во внутренней, и во внешней политике¹²⁰.

Понимания принципиальных перемен, которыми следовало руководствоваться в отношениях с бывшими вассалами — новыми суверенными соседями, не было. Оно пришло с огромным опозданием, уже после и под влиянием кемалистской революции. К таким выводам пришли историки только современной Турции (конец 1980-х – начало 1990-х гг.).

¹¹⁹ [Tahsin Paşa]. *Abdulhamid ve Yıldız hatıraları*. İstanbul, 1931. S. 21.

¹²⁰ Karal E. Z. *Osmanlı tarihi. VIII cilt. Birinci Meşrutiyet ve istibdat devirleri. 1876–1907*. Ankara, 1992. S. 210; Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи* / Перев. с англ. яз.; отв. ред. М. С. Мейер). М.: Крон-пресс, 1999. С. 580–582.

Реалистичный курс балканской политики, в первую очередь в отношении конституционализма в Болгарии, Стамбул так и не выработал. Результаты были плачевными. Причем как для самой Турции, — для ее этнического ядра, титульной нации, — так и для национальных меньшинств, оказавшихся разбросанными между бывшей метрополией и новой для них этнической родиной (болгары, македонцы, греки Малой Азии, сербы, румыны и т. д.), которая раньше (Греция в 1830 г.) или позже (Болгария) обрела политическую и экономическую независимость; для десятков и сотен тысяч переселенцев, которые направлялись из Европейской Турции в национальные государства и, наоборот, из таковых — в пределы Османской империи.

Отношения с суверенными соседями — балканскими государствами, реализуемые на уровне доноса о неблагонадежности провинциального паши, и «дипломатия исподлобья», полная агрессивной недоброжелательности либо истеричной недоверчивости, в связях с Россией, Англией, Францией, Австро-Венгрией и Германией, дали свои плоды в серии международных кризисов и конфликтов¹²¹. Выплеснулись в Балканских войнах и в Первой мировой войне — событиях, фатальных по своему исходу для османской государственности с ее семью столетиями непрерывной традиции. Однако бережность к собственным традициям в сочетании с отторжением интересов ближайших соседей — в данном случае интересов болгарского народа, среди которых конституция занимала одно из первых мест, принесла особые осложнения, причем в значительном спектре связей внешнеполитического характера.

Как известно, для России главным, если не единственным, положительным итогом событий 1877–1878 гг. явилось крушение «крымского концерта 1856 г.» в составе Османской империи, Англии, Франции и Австрии. Стамбул же, напротив, полагал, что война укрепила «крымскую систему». Это было ошибочное, основанное на иллюзиях и собственных пожеланиях Абдул Хамида II соображение, ничего общего с действительностью не имевшее.

Столь же превратно, а в конечном итоге — пагубно для внешней политики Османской империи трактовалась вся балканская политика России. Впрочем, ошибка Высокой Порты имела определенное основание. Россия не стремилась ни к продвижению на Балканы, ни к овладению Проливами, во всяком случае, в конце 1870-х и в 1890-х гг. При этом в

¹²¹ Киняпина Н. С. *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века*. М.: Изд. МГУ, 1994. С. 8–14.

Санкт-Петербурге считали, что болгарские земли должны быть буферной зоной против движения Англии, возможно, других держав, к Проливам¹²². Абдул Хамид II внимательно выслушивал заявления российских дипломатов на сей счет и демонстрировал, как писал его секретарь Тахсин-паша, неизменное и полное удовлетворение. Однако когда султан оставался наедине со своими «джурналджи», его настроение и тон резко менялись. Позднее следовали и выводы, жесткие, и рекомендации турецким ведомствам иностранных и военных дел.

Дело заключалось в том, что весьма существенно расходились заверения российских дипломатов и военных о миролюбии России и сообщения с мест — из Европейской Турции, вышедшие из-под пера домогавшихся выдвижения бесчисленных султанских доносчиков. Кстати, о конституциях, так пугавших далеко не робкого по характеру султана, прямо не говорилось.

Нет никаких оснований сомневаться в искренности канцлера А. М. Горчакова и военного министра Д. А. Милютина, которые по своим ведомствам жестко требовали от русских дипломатов и военных, представителей на болгарских землях — беречь мир как зеницу ока и ограждать покой в Румынии, Македонии и, «где возможно», в Европейской Турции¹²³!

В то же время консульские сообщения, стекавшиеся в Стамбул из Салоник, Монастыра, Битола, Восточной Румелии, равно как и ленты телеграфных сообщений, пестрили сведениями из первых рук: христианское население Европейской Турции подогрето событиями 1876–1878 гг. и готово взяться за оружие; в поддержку ли России, или в своих интересах, без учета позиции Петербурга, — по-разному¹²⁴. Накал страстей был везде очень высок. Как меланхолично заметил османский историк тех лет Ахмед Расым, реаяя, ставшая свободной, привычно бунтовала без всякой конституции.

Кипение страстей в Восточной Румелии подогревал любимец султана генерал-губернатор Алеко-паша (А. Богориди), сын лояльного Порте правителя острова Самос. Алеко-паша докладывал султану о смутах, ловил и отправлял на расправу в Стамбул смутьянов, якобы конституционалистов, которых сам же и готовил. Цель — одна. Доказать свою незаменимость

¹²² Там же. С. 10.

¹²³ Из «Переписки Командующего оккупационными войсками в Болгарии и Румелии генерала Дондукова-Корсакова с Главным Артиллерийским Управлением. 1878–1879 гг.» Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 6. Оп. 1. Д. 590. Л. 20–24.

¹²⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1470. Доклады по периодической печати Александру II. 1878–1881 гг. Л. 40–44 и след.

(срок его полномочий истекал в 1882 г.) и получать деньги от Порты. Как, впрочем, и от России...

Нестабильность внешнеполитического курса самого Абдул Хамида II, осложненная его манерой доносительства и отказом учитывать реальное положение дел, создавала искаженное представление о заведомо определенной и четко очерченной ситуации. Так, исказились имевшиеся тенденции к смягчению русско-турецких отношений, что могло улучшить внешнеполитические условия провозглашения Тырновской конституции 1879 г.

Дело заключалось в следующем. Алеко-паша ожидал притока оружия из России для вооружения (и перевооружения) верных лично ему так называемых восточно-румелийских милицейских формирований. Однако в Петербурге уже сложилось определенное мнение — с турками на новом, после войны 1877–1878 гг., этапе надлежит развивать дружественные отношения, не давать повода к недовольству. Всячески при этом используя недовольство султана в отношении захватнических действий Англии на Кипре, Австрии — в Боснии и Герцеговине. По инициативе России началась подготовка к подписанию нового русско-турецкого договора. Лучшей демонстрацией лояльности Петербурга сочли передачу Высокой Порте трофейного тяжелого оружия (пушки, мортиры, боезапасы к ним), показательно собранного специальными командами из состава русской Действующей армии на Дунае. Одновременно было решено по согласованию со Стамбулом передать часть вооружения, тяжелого и легкого, молодой болгарской армии и восточно-румелийским милиционерам.

Дипломаты России и Турции в Стамбуле осенью 1878 – зимой 1879 г. подготовили и заключили договор, зафиксировавший положения Берлинского трактата взамен отдельных статей Сан-Стефанского договора¹²⁵. Военные же российские специалисты с августа 1878 г. по июнь 1879 г. развернули в Болгарии целую систему по сбору, ремонту, передаче в Турцию, Болгарию и Восточную Румелию «употребленной по назначению боевой техники». Занималось этим многотрудным делом подразделение, равное по штату управления Отдельному корпусу, укомплектованное полностью — от генерала-командира до писаря-журналиста¹²⁶.

К весне 1879 г. список всего собранного и отремонтированного русскими оружейниками военного имущества составил несколько внушительных

¹²⁵ См. *Сборник договоров России с другими государствами*. М., 1952. С. 207–210.

¹²⁶ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 6. Оп. 1Л. Д. 590. Л. 4. Материалы Полевого Артиллерийского Управления.

томов. В болгарскую армию ушла, например, 8-орудийная скорострельная батарея, 12 стволов 24-фунтовых осадных орудий, 46 дальнобойных орудий. Все в рабочем состоянии и с боезапасом на 10–15 тысяч выстрелов. В Болгарию также ушло более 10 тысяч карабинов, винтовок и револьверов, 38 млн шт. патронов к ним¹²⁷.

Алеко-паша заваливал Порту просьбами о помощи, в первую очередь, оружием, ссылаясь на появление отрядов, вооруженных русскими ружьями¹²⁸. «Ведомости Полевого Артиллерийского Управления», хранящиеся в бумагах Императорского российского Комиссара в Болгарии (май-август 1879 г.), гласят совсем иное. До осени 1879 г. в Восточную Румелию было направлено: 56 113 винтовок Крка с 7 млн патронов, 34,5 тысяч винтовок Шнейдера с 29 млн патронов. А сверх того – ушаты, ведра, палатки, мешки, совки и... строевые лошади. Всего 6 тысяч наименований воинского снаряжения. Все это безвозмездно. За то же время в Румынию ушло, но уже за наличный расчет, 25 тысяч винтовок Крка с запасом в 9 млн патронов, 16 пушек с боезапасом на 5000 выстрелов и многое другое¹²⁹.

Примечательно, что по документам нет ни одного случая самозахватов болгарскими боевого оружия, не зафиксировано и отказов при стрельбе отремонтированных для них образцов оружия. Русская армия освободилась от военных излишков, сделала это гласно, в интересах и по согласованию со всеми участниками конфликта, отнюдь не стимулируя политическую напряженность.

Стоимость вооружения, поставленного в Восточную Румелию, учитывалась при определении суммы турецкой контрибуции (802,5 тысячи франков в пользу Петербурга) и списывалась с долга Стамбула.

Все эти обстоятельства были оценены Стамбулом как очевидное свидетельство миролюбивых настроений и открытости русской политики. Это было подчеркнуто в неоглашавшейся части беседы генерала Н. Н. Обручева с Абдул Хамидом II. Недоверие дивана первых послевоенных месяцев было поколеблено. Появились тенденции к сближению.

¹²⁷ Там же. «Ведомость артиллерийского и иного имущества, переданного болгарскому земскому войску и для Восточной Румелии (30 мая 1879 г. ст.ст.)». Л. 80–106об.; ср.: *Краткая история Болгарии*. М.: Наука, 1987. С. 248.

¹²⁸ О политике Стамбула в Восточной Румелии см.: Лорд Кинросс. *Расцвет и упадок Османской империи*. С. 584–585. Сообщения о провокационных докладах Алеко-паши документально подтверждаются. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. Турецкая война. Оп. 107. Д. 103. Л. 140–215 и др.

¹²⁹ Там же. Ф. 6. Оп. 6/12. Д. 1131. Л. 198–133, 140–166; Ф.16. 1877/1878. Оп.107. Д.105. Л.18–180 и след.

Однако эти горы оружия, оставленного Россией в руках незрелых правителей, сыграли впоследствии отрицательную роль на Балканах. Ведя свои конституционные политические игры, Алеко-паша первым начал приторговывать «излишками» русского оружия, продавая его на Балканах и в арабских землях. Балканы накапливали пороховые заряды, которые могли взорвать едва пробившееся движение к консолидации сил на конституционной основе.

Параллельно, в Стамбул шли потоки сообщений от так называемых «джурналджи», которые увидели в выполнении Россией своих обязательств перед Болгарией, Восточной Румелией и Стамбулом то, что хотел видеть Абдул Хамид II — основание для недоверия и репрессий. Осложнение греко-турецких и турецко-черногорских отношений, равно как и сербская политика России, ситуацию на Балканах не смягчали. Провозглашение 16 (28) апреля 1879 г. в средневековой столице Болгарии Тырновской конституции и ее утверждение Учредительным собранием было фактом волеизъявления болгарского народа. Русско-турецкие отношения могли бы сыграть значительную стабилизирующую роль в подготовке этого знаменательного для всей Юго-Восточной Европы события.

Неконструктивная политика султана в отношении свободных и суверенных болгарских земель и не слишком удачная, на мой взгляд, деятельность русской военной администрации в связи с перераспределением массы оружия во многом осложнили введение в жизнь конституции 1879 г.

Царьград — Константинополь — Стамбул в русской поэзии¹³⁰

Русскими историками и литераторами много написано о Константинополе — Стамбуле. Как отмечал посетивший Османскую империю в XIX в. наш соотечественник, «горячо и полно в течение столетий протекала жизнь этого удивительного города...»¹³¹.

Тесные торговые, политические и культурные связи Русского государства с городом на Босфоре насчитывают многие столетия. Русские писатели, поэты, историки на протяжении нескольких веков создали огромный блок литературы обо всех сторонах жизни Константинополя. Наша цель — показать, как появилась, а потом углублялась, развивалась в русском поэтическом творчестве XVIII–XIX вв. тема Стамбула, какое наполнение она обретала в тех или иных исторических условиях.

Однако сделаем несколько шагов назад, в глубь веков.

Стены Византийской империи рухнули, и звуки первого азана, прочитанного турком-победителем в поверженном городе 29 мая 1453 г., возвестили о новой странице в истории Константинополя.

Падение Константинополя (Царьграда), имевшее огромное значение для христианского Востока, получило на удивление полное освещение в русской литературе начиная уже с XV в.¹³² Большинство свидетельств, исторических повестей и легенд о падении Константинополя опубликованы в сборнике, вышедшем в 1956 г. под редакцией М. Н. Сперанского, «Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII вв.».

¹³⁰ Статья написана в соавторстве с Л. В. Зелениной. — *Ред.*

¹³¹ К. Д. *Два года в Константинополе и Морее (1825–1826)*. СПб., 1828. С. 11.

¹³² Шеремет В. И. Русские и турки: развитие взаимных представлений. *Россия и Балканы*. М.: Изд. РАН, 1995. С. 280–281; Данциг Б. М. *Ближний Восток в русской науке и литературе*. М.: Наука, 1973. С. 19–20.

Первое впечатление об этом событии нашло отражение в записях устных рассказов очевидцев об осаде города, в документах (например, в грамоте митрополита Ионы 1454 г.), в преданиях устного характера. В этих рассказах налицо «характерные черты фольклорного повествования: взятие города восточной хитростью и коварством, подкупом, а с другой стороны, – отзвуки фактических событий»¹³³.

Московское правительство XV–XVI вв. деятельно собирало сведения о своих соседях. В первой трети XVI в. появляется цикл произведений о падении Константинополя как своего рода историческая повесть и публицистика тех лет.

Это «Краткая повесть» (перевод с греческого 1508–1520 гг.) и так называемый «Лирический плач 1512 г.». Не позже 1530-х гг., как указывают исследователи, появилось первое собственно русское произведение на ту же тему — «О взятии Царьграда от безбожного турецкого царя Магомета, еже бысть в лето 6961-е».

«Повесть» содержит подробные сведения о самом городе и о силах турок. В конце повести ее автор, Нестор Искандер, пишет: «Царства Греческое, Сербское и иные многие пленили турки, наша же Российская земля... растет и мледеет...»¹³⁴. Наш вечно бунтовавший классик, все звавший Русь к топору, Н. Г. Чернышевский на сей счет почтительно заметил, что «...эта “Повесть” должна быть почитаема рассказом, вовсе не лишенным исторической достоверности», и рекомендовал ее молодежи¹³⁵.

Позже были написаны несколько воинских повестей о падении Царьграда, которые в середине XVI в. вошли в популярную «Книгу Степенную царского родословия». Затем эти тексты были включены в состав Хронографа 1617 г., в деталях повествующего о взятии Константинополя Мехмедом II. Вокруг Хронографа 1617 г. в течение XVII в. были созданы рукописные сборники, в которых исторический факт падения Царьграда с учетом смены поколений читателей, взращенных Смутным временем, в значительной степени подвергся художественной обработке. Несмотря на появление новых переводных источников, эти повести еще долго сохраняли свою популярность¹³⁶.

¹³³ Сперанский М. Н. *Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI–XVII веков*. М., 1956. С. 191.

¹³⁴ Там же. С. 199.

¹³⁵ Чернышевский Н. Г. *Соч.* Т. II. М., 1949. С. 693.

¹³⁶ Сперанский М. Н. *Повести и сказания...* С. 225.

Следует отметить, что в 1953 г. в связи с 400-летием падения Константинополя вышли работы турецких исследователей: Агах С. Левенд «Стамбул в диванной поэзии», Абдулкадир Карахан «Любовь поэта Наби к Стамбулу», Осман Атилла «Стамбул в наших тюрью», Вахья Кемаль «Истанбул» и другие. Все они в той или иной степени отмечали, что это событие нашло свое место в поэзии славянских народов. Любопытно, что 450-летие этого события (2003) таких размышлений в современной турецкой литературе уже не вызвало.

Отзвуки событий 1453 г. можно найти в русской литературе и в XVIII в. Через 300 лет после падения Константинополя А. П. Сумароков дает в стихотворении «Осада Византии» столь детальное воспроизведение событий, какое можно было получить, только внимательно ознакомившись с хронографами и повестями. Великий поэт России пытался дать свой анализ событий, произошедших в Царьграде. Его утверждение, что надо было, «всем соединясь», отражать натиск врага, обращало на себя особое внимание славянского мира:

Когда приступом Магомета
Византия была совсем осаждена,
Единым только тем она побеждена,
Что зрелу разуму они не подчинились,
И все, вбежав во храм, во храме затворились¹³⁷.

Перед глазами поэтов XVIII в. проходит целая серия военных конфликтов с Османской империей, и их произведения, посвященные южному соседу, проникнуты ратным духом. Они в большинстве случаев замалчивают неудачи русских воинов, например, эпохи Петра I, Анны Иоанновны, и воспевают в одах (которые являются основной формой произведений указанной тематики) действительно огромные успехи русского оружия. Можно выделить как весьма показательные вирши Ломоносова и Хераскова.

М. В. Ломоносов в 1739 г. написал «Оду на победу над турками...». Исторически достоверно описывая падение крепости Хотин, поэт обращается к Стамбулу, который является для него воплощением всех сил, враждебных России; впрочем, в его одах на эту тему звучит уважение к своему сильному турецкому противнику.

¹³⁷ Сумароков А. *Творения*. СПб., 1769. С. 64.

Дым, пепел, пламень изрыгает
Стамбул, но чтоб орлов сдержатъ полет,
Таких препонов нет на свете¹³⁸...

В довольно сдержанных тонах приветствует успехи русских войск в 1739 г. М. М. Херасков. И для Ломоносова, и для Хераскова более желанной темой, чем военные действия, было заключение мира. Об этом свидетельствует ода Хераскова «На мир с Оттоманскою Портою...»:

Мир, украшенный цветами, вещает кроткими устами:
«Замкнешь войны ужасный рок»¹³⁹.

В целом ряде других стихотворений поэты первой половины XVIII в. приветствуют мир на Востоке как крайне желанный для России. Причина определенной сдержанности авторов в этот период, быть может, кроется в незначительности военных успехов (если они вообще были) начала XVIII в. Еще живы были воспоминания о неудачных Азовских походах Петра I, а в 1739 г. Россия заключила в Белграде весьма невыгодный мир с Турцией, получив лишь небольшую территорию в Приазовье. И воспевать-то было нечего при всем желании¹⁴⁰.

Во второй половине XVIII в. положение резко изменяется. Правительство Екатерины II ведет успешно войны (1768–1774, 1787–1791) с тремя подряд султанами — Мустафой III, Абдул Хамидом I, Селимом III. Войска А. В. Суворова и П. А. Румянцева наносят решительные удары по объединенным силам турок и крымчаков-татар. Отчаянные сражения у Рябой Могилы, на реке Кагул и при реке Ларга незамедлительно становились темой поэтического вдохновения, как только общество узнавало о них¹⁴¹.

В. П. Петров, тогда самый популярный, а ныне незаслуженно забытый придворный одописец эпохи Екатерины II, разразился в этот период целой серией од, откликаясь на малейшее движение воюющих сторон. Будучи при дворе императрицы, он получал все последние известия и незамед-

¹³⁸ *Русская поэзия* / Под. ред. С. А. Венгерова. СПб., 1897. Т. I: *XVIII век*. С. 140.

¹³⁹ Там же. С. 145.

¹⁴⁰ Киняпина Н. С., Георгиев В. А., Панченкова М. Т., Шеремет В. И. *Восточный вопрос во внешней политике России*. М., 1978. Глава 1.

¹⁴¹ *Русская поэзия*. Т. I. С. 151.

лительно описывал их в своих творениях. При этом он был осторожен в каких-либо прогнозах, даже поэтических, придворному пииту, казалось бы, простительных. Так, он пишет о начале военных действий в 1768 г., подчеркивая, какая колоссальная сила пришла в движение:

...Уже противники России
Стекаются ко Византии
Из Мекки и Каира врат...
Теснят передним над Дунаем,
На заднем воинство их краем
В Стамбуле движется еще¹⁴².

Воспевая русских воинов, Петров при этом постоянно обращается к Царьграду, называя его «сердцем Азии», «блестящим городом»¹⁴³. Любопытно, что, стремясь объяснить причины русско-турецких войн, Петров обвиняет султанское правительство в неутолимом желании повелевать миром — Востоком и Европой:

Чтобы света трон была султанская софа,
Стамбул — державный мир,
И Август — Мустафа¹⁴⁴.

В одах В. П. Петрова впервые появляются мотивы, которые можно найти в русской поэзии XVIII–XIX и начала XX в.: он первым из поэтов начинает говорить об исторической преемственности Царьграда и двух русских столиц, Москвы и Петербурга, о необходимости передать «второй Рим» в русские руки. Он вкладывает в уста некоего Бехмета-паши, защитника Рушука, осажденного русскими частями, следующие слова:

И если рассудить по-мусульмански, здраво,
Они и на Стамбул имеют сильно право:
Владели греки им; их вера в Русь прешла.
Так, по наследству, их туда ж столица шла¹⁴⁵.

¹⁴² «Его сиятельству графу П. А. Румянцеву, 1774 год». *Русская поэзия*. Т. I. С. 152.

¹⁴³ «Из воинского стана под Дунаем». *Там же*. С. 154.

¹⁴⁴ «Осада Рушука». *Там же*. С. 156.

¹⁴⁵ *Там же*. С. 156.

Эту же тематику ратного противоборства развивал в 80-х гг. XVIII в. забытый ныне Н. Николаев. Привлекают внимание его «воинские оды». В большом произведении «На взятие Очакова» он говорит о больших трудностях, пережитых русскими солдатами. После жесткого, почти в стиле реляций описания сражений фанфарно звучит его призыв к захвату Стамбула, высказанный по-солдатски прямолинейно:

Солдаты в парад!

Глядь мусульманин... Русский Царьград!

Однако следует отметить, что среди русских поэтов второй половины XVIII в. царили прямо противоположные настроения. Среди иначе воспринимавших события поэтов XVIII в., посвятивших свои стихи Стамбулу, особенно хочется отметить А. Д. Кантемира и И. Я. Хемницера.

А. Д. Кантемир, создатель русского классицизма, был сыном молдавского господаря Дмитрия Кантемира, который в 1711 г. заявил Петру I о желании отдаться под покровительство России. Будущий поэт Антиох Кантемир блестяще знал турецкий, арабский и другие языки Востока, поскольку воспитывался в Стамбуле — в детстве он содержался при дворе султана Ахмета III в качестве заложника. В своих письмах и воспоминаниях он оставил много ценных сведений о жизни Стамбула, причем различных его слоев — от султанского двора до домов-крепостей христиан Перы и Галаты. В сочинениях Кантемира звучит доброжелательность к обоим народам, «кои в мире жить должны». Тезис, прямо скажем, редкостный в то грозное время, но не раз им повторенный.

По-своему продолжил в литературе (и политике) ту же линию блестящий российский дипломат и поэт И. Я. Хемницер. 5 августа 1780 г. он как представитель Российской империи был на аудиенции у султана Абдул Хамида I. Еще до этого Хемницер неоднократно бывал в Стамбуле в связи с переговорами о так называемой «Изъяснительной конвенции», дополнившей Кючук-Кайнарджийский трактат 1774 г. Он живо интересовался историей и архитектурой Стамбула. В его письмах содержится ряд тонких литературных зарисовок из жизни города.

«... Канал Царьградский!... (т. е. Босфор. — *Авт.*). Что за вид! Его за первое место считают, здесь, в Стамбуле, где каждое место первым почтяться может» (из частного письма).

Хемницер подробно описывает жуткий пожар в Стамбуле, свидетелем которого он был, подчеркивая, что «всяк спасал соседа, не взирая на веру

оного и достаток...». Рассказывая в другом письме о прогулках по городу, о встречах с его жителями, радушно к нему относившимися, он подчеркивает, что «...в Стамбуле порой принимают русское подданство турки и не турки, что имя российское защитой здесь служит теперь и прочим...» (а не только православным, что определял договор 1774 г. — *Авт.*)¹⁴⁶.

Крупнейший поэт второй половины XVIII в. Г. Р. Державин ярко и образно воспевал военные и дипломатические успехи России, порой в таких метафорах, которые умиляли до слезы современников и вызывают сдержанную улыбку у читателя XXI в.

Поникли гордой Мекки брови,
Стамбул склонился вниз челом...¹⁴⁷.
(«На взятие Измаила»)

В войне 1787–1791 гг. Россия одержала ряд крупных военных побед. Великий поэт, отвергнув «гудок и лиру», — его признанные орудия как «русского Горация и Анакреона», вооружается боевой трубой, призывая к походу на Босфор.

Не вновь ли то Олег к Востоку
Под парусами флот ведет,
И Ольга к древнему потоку
Занятый ею свет лиет...
...Ахеея спасть, агарян стерть,
Град Константинов Константину
И мир Афету водворить...¹⁴⁸.

Следует отметить, что и Державин, и его современник поэт И. Ф. Богданович, вторивший «великому пииту», как и ряд других литераторов конца XVIII в., представители эпохи классицизма, прибегали к несколько завуалированным образам античности и русской истории. Частое упоминание имени Константина — это не только воспоминание о Константине Великом, но и откровенный политический намек. Второй внук Екатерины II был крещен греческо-византийским именем Константин, между Россией и Австрией шли туманные переговоры о

¹⁴⁶ Хемницер И. Я. *Биографические заметки. Там же*. С. 401–403.

¹⁴⁷ Державин Г. Р. *Стихотворения*. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1957. С. 58.

¹⁴⁸ Державин Г. Р. *Сочинения с объяснительными записками Я. Грота*. СПб. 1846–1883.

создании на руинах покоренной Османской империи христианского государства во главе с новым Константином... Этим, по-видимому, и объясняется особенность творческой манеры авторов, тонко чувствующих ветер политических перемен.

Шло время. Отношения с Османской империей стали составной частью Восточного вопроса¹⁴⁹. Теперь все чаще в русско-турецкие отношения вмешивалась большая европейская политика. Проблема Константинополя — и политическая, и литературная — всякий раз всплывала при обострении Восточного вопроса.

Эта проблема волновала ряд выдающихся поэтов XIX – начала XX в. А. С. Пушкин, Л. А. Мей, Ф. И. Тютчев, А. Г. Майков, И. А. Бунин и другие русские поэты посвящали строки Стамбулу как «столице Востока» и объекту определенных политических вожделений. Всякий раз при начале (или угрозе начала) русско-турецкой войны поэтическая мысль обращалась к Стамбулу.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. дала русской поэзии два стихотворения, навеянные одним эпизодом из русской истории. Практически одновременно два блестящих поэта, Ф. И. Тютчев и А. С. Пушкин, написали стихотворения под одинаковым названием — «Олегов щит».

Оба автора опирались на апокриф из русских летописей о том, что во время победоносного похода на Византию Вещий Олег прикрепил свой щит на ворота Царьграда. Кстати, это был не символ победы, а наоборот, знак того, что полководец, чей щит украшает ворота города, взял его под покровительство и защиту. Ф. И. Тютчев писал свои строки, когда русские войска под командованием И. А. Дибича с боями продвигались вперед:

Олегов щит

Молитва магометан

«Аллах! пролей на нас твой свет!

Краса и сила правоверных!

Гроза гяуров лицемерных!

Пророк твой — Магомет!...»

Молитва славян

«О, наша крепость и оплот!

Великий бог! веди нас ныне,

Как некогда ты вел в пустыне

Свой избранный народ!»

¹⁴⁹ Зеленина Л. В., Шеремет В. И. Черное море: «русские берега у турецкого берега?». XVIII век: славянские и балканские народы и Россия: [Лит. заметки]. М., 1998. С. 99–118.

Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула —
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит¹⁵⁰.

(1828 г.)

А. С. Пушкин впервые упомянул о щите русского князя в 1822 г., в «Песне о Вещем Олеге»:

...Твой щит на вратах Цареграда...

Вновь он обратился к идее щита Олега годом позже Тютчева, когда российские полки остановились у старинной столицы османов Адрианополя, откуда были видны золотые купола мечетей и дворцов Стамбула. Угроза вмешательства европейских держав в войну на стороне Османской империи заставила Санкт-Петербург остановить свою армию на подступах к Константинополю. Мирный договор был подписан в Адрианополе 14 сентября 1829 г., и поэт придал этому факту поэтическое истолкование:

Олегов щит

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели,
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил¹⁵¹.

(1829 г.)

¹⁵⁰ Тютчев Ф. И. *Стихотворения, письма*. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. С. 57.

¹⁵¹ Пушкин А. С. *Собр. соч. в 1 т.* М.: Худ. лит., 1984. С. 93.

Надо отметить, что интерес к Востоку существовал у Пушкина и ранее. Об этом свидетельствуют знаменитый «Бахчисарайский фонтан» и «Подражания Корану», источником для которых послужило прозаическое французское переложение священной книги мусульман. Но его внимание к этим проблемам вполне объяснимо обострилось в годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг., о чем свидетельствует «Путешествие в Арзрум», опубликованное в 1835 г.

А. С. Пушкин не воспел, как сам он писал в предисловии к первому изданию «Путешествия», «побед нашего оружия». Поэт обращал внимание больше на быт и нравы турецкого населения. Говоря о разрушавшем Османскую империю сепаратизме местных правителей — пашей и беев, он отметил, что «между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвой», и в качестве свидетельства этому приводит созданную им еще в 1831 г. великолепно стилизованную «турецкую поэму», приписав ее бывшему янычару Аминун-оглу:

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут — и так оставят,
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

В нем веры чистый жар потух,
В нем жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят;
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум;

Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Святые воды нас поят;
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смиренно жены там сидят¹⁵².

В рукописи стихи имеют продолжение, не опубликованное при жизни автора:

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар –
Тогда нас буря долу гнула
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась, мертвецы
Окоченелые чернели.
Алла велик – тогда султан
Был духом гнева обуян...¹⁵³.

Великий русский поэт облек в стихотворную форму конкретный факт из турецкой истории, которой живо интересовался. Напомним, что корпус

¹⁵² Там же. С. 453.

¹⁵³ Пушкин А. С. Сочинения. Л., 1936. С. 653.

янычар был физически уничтожен султаном Махмудом II в 1826 г. В своем более позднем творчестве поэт к теме Востока уже не обращался.

В отличие от Пушкина, Ф. И. Тютчев много раз возвращался к военно-политическим аспектам темы Стамбула. Отнюдь не равнодушный к политике И. С. Аксаков объяснял это тем, что поэт много лет провел на дипломатической службе, а с 1858 г. был Председателем «Комитета цензуры иностранной»¹⁵⁴. Позиция Тютчева в вопросе о Стамбуле ужесточалась по мере его служебного восхождения и общего политического крена вправо.

Очередное обострение Восточного вопроса пришлось на период революционной волны в Европе — 1848–1849 гг. Весной-летом 1848 г. русские войска были введены на территорию принадлежавших Османской империи Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии. 150-тысячная русская армия под командованием И. Ф. Паскевича во время так называемой Военной тревоги 1849 г. вошла в Венгрию.

В эти годы в воззрениях дипломата и поэта Тютчева вполне определенное место заняла идея захвата Стамбула. Программное стихотворения этой поры — «Рассвет».

Рассвет

Не первый раз кричит петух;
Кричит он живо, бодро, смело;
Уж месяц на небе потух,
Струя в Босфоре заалела.

Еще молчат колокола,
А уж восток заря румянит;
Ночь бесконечная прошла,
И скоро светлый день настанет.

Вставай же, Русь! Уж близок час!
Вставай Христовой службы ради!
Уж не пора ль, перекрестясь,
Ударить в колокол в Царьграде?

Раздайся, благовестный звон,
И весь Восток им огласится!

¹⁵⁴ Аксаков И. С. *Биография Ф. И. Тютчева*. М., 1886. С. 65.

Тебя зовет и будит он, —
Вставая, мужайся, ополчися!

В доспехи веры грудь одень,
И с Богом, исполни державный!
О Русь, велик грядущий день,
Вселенский день и православный!¹⁵⁵
(Ноябрь 1849 г.)

Мечты о Царьграде, о водружении русского флага на Босфоре переполняли русское общество рубежа 1840-х – 1850-х гг. Россия неуклонно двигалась к войне с Османской империей, которая и началась в октябре 1853 г. Однако большинство русских поэтов, ранее призывавших к продвижению на берега Черноморских проливов, не поддержали массовую истерию, поднявшуюся, в частности, в печати.

Ф. И. Тютчев тоже промолчал. Он только еще раз вернется к теме Царьграда, но совсем по иному поводу. 15 октября 1869 г. будет опубликовано его стихотворение «Современное», посвященное торжествам по случаю грядущего открытия Суэцкого канала. Здесь описание Стамбула – всего лишь фон, на котором происходят события, причем подано оно в достаточно ироничном плане. Поэт явно сатирически воспринимает процесс европеизации Османской империи, бурно (и не всегда разумно) проходивший в годы правления султана (в стихотворении он назван падишахом) Абдул Азиза (1861–1876 гг.), приведшего страну к полному экономическому краху.

Современное

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.

И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.
Угощает он на славу

¹⁵⁵ Тютчев Ф. И. Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2004. С. 297.

Милых западных друзей —
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.

Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.

Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.

И при криках иступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настежь распахнул.

Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!

И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!

И всех ярче и милее
Светит тут звезда одна,
Коронованная фея,
Рима дочь, его жена.

С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра,
В сонме царственных гостей

На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею все склонилось:
Солнце с Запада взошло!

Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, —

Только там, где тени бродят,
Там в ночи из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан¹⁵⁶...

В 1855 г. в Сербии появилось анонимное стихотворение «Песнь Победы», пользовавшееся там огромной популярностью и рисовавшее взгляд балканских народов на «седмихолмую красавицу Босфора» и на русских как освободителей Царьграда. Хорошо известно оно стало и в России. В русском переводе оно использовалось официальной пропагандой и широко расходилось в качестве приложения к лубочным картинкам времен Крымской войны.

На гору всходят знамена,
Полки светлеют на поляне:
Встает великая война;
То идут с Севера славяне,
С своею дивною судьбой,
На крестоносный с турком бой!
Дрожи, Стамбул, заслышав горе!
Созрели над тобой века...
Тебя с подножья смоем море.
Дрожи! уж сильная рука
Подъята над твоей главою!..
Недаром язвой моровую
Издавна ты в народах слыл...
И без разбора всех губил!..

¹⁵⁶ Тютчев Ф. И. *Стихотворения, письма*. С. 276–277.

За серба, за болгар, за грека,
За всех, в ком образ человека
Свинцом тяжелыя пяты
Топтал, бесчеловечный, ты!
Но страх объял твои уж грады,
Твой день последний наступил...
Не будет для тебя пощады
За то, что сам ты не щадил!¹⁵⁷

Новый всплеск патриотических чувств вызвала очередная русско-турецкая война в 1877–1878 гг. Надо сказать, что в целом России эта война была совершенно не нужна, и в значительной степени российское правительство оказалось втянутым в нее благодаря общественному мнению страны, которое требовало поддержать угнетенных братьев-славян. Соответственно, и многие поэты сбивались на строки, звучавшие почти в стиле од времен Екатерины I, как, например, у А. Г. Майкова:

«Здесь царь — помазанник! Стратег Востока — там!

Туда указано пред смертью Византией», — патетически восклицает поэт¹⁵⁸.

Майковым же написано стихотворение «Как отблагодарил султан московского царя», которое перекликается с вековой давности одой Петрова о праве России на Стамбул. Майков пишет, что к подаркам царю следует приложить ключи от города:

Все равно отдать придется позже
И с великим для себя позором!¹⁵⁹

Общее направление мысли у подавляющего большинства русских поэтов в этом направлении, наверное, может быть выражено строками из его же «Кантаты»:

Возлюбил тебя и избрал Господь
Повязать тебе Константинов меч
И венчаться венком Мономаховым¹⁶⁰.

¹⁵⁷ Альбом-монография «Царьград». Петроград, 1914. С. 60.

¹⁵⁸ Майков А. Г. *Полн. собр. соч.* СПб., 1914. С. 701.

¹⁵⁹ Там же. С. 709.

¹⁶⁰ Там же. С. 245.

В эпоху Серебряного века русские поэты не воспринимали Османскую империю как нечто, достойное поэтического описания. Их влекли другие, дикие, экзотические страны, а не государство, куда из черноморских портов России совершались регулярные пароходные рейсы. Единственным исключением, пожалуй, стало творчество И. А. Бунина.

Во время своих многочисленных поездок по Востоку в 1904–1907 гг. поэт не раз посещал Стамбул, любовался его сказочно прекрасными дворцами, мечетями. Вот как Бунин передает свои впечатления от посещения мечети Айя-София, бессмертного творенья византийского зодчества, ставшей гордостью и предметом забот многих поколений турок (с XV по XXI в.):

Светильники горели, непонятный
Звучал язык — Великий шейх читал
Святой Коран, — и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадал...¹⁶¹

Поэт отмечает, что в начале XX века Стамбул утратил блеск, забыл свое прежнее величие.

Стамбул
Облезлые худые кобели
С печальными молящими глазами —
Потомки тех, что из степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Был победитель славен и богат,
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград,
И предался, как сытый лев, покою.

...И прах веков упал на прах святынь,
На славный город, ныне полудикий,
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой¹⁶².

(1904 г.)

¹⁶¹ Бунин И. А. *Сочинения*. М.: Правда, 1956. Т. 2. С. 340.

¹⁶² *Альбом-монография «Царьград»*. С. 78.

А. М. Горький, кстати, имел нахальство обозвать эти бунинские строки «барской неврастений».

29–30 октября 1914 г. нападением на русские суда в Черном море и обстрелом Севастополя, Феодосии, Новороссийска «Турция совершила свое последнее безумие и бросилась в безнадежную войну с Россией»: так сказал, возможно, лучший знаток Османской империи тех времен Агафангел Крымский¹⁶³.

И русскую поэзию захлестнула волна шовинистических настроений. Это было время, когда, по словам Валерия Брюсова, «националистам» делались упреки за ослабление «великой идеи взятия Константинополя»¹⁶⁴. Нет смысла приводить трескучие фразы о необходимости осенить «второй Рим» крылами скипетроносного орла, укажем только на одиозный, но изысканно изданный, за сотню лет не потускневший альбом «Царьград», где была сделана соответствующая подборка стихотворного и прозаического материала о Турции.

Заканчивая краткий экскурс в старую русскую поэзию о Стамбуле, можно сказать, что на протяжении веков не ослабевало внимание русских поэтов к взаимоотношениям между нашими странами, к судьбе столицы нашего южного соседа, имевшей особое место в историко-литературной традиции.

В XVII–XVIII вв. русские писатели и поэты вносили свой вклад в борьбу на южных рубежах России, за выход России в Черное, Азовское и Средиземное моря. В XIX в. экономическое положение России, ее политические и экономические интересы уже не требовали захватов на счет Турции, не соответствовали и даже противоречили ее стратегическим планам в Европе и на Востоке. Это отразилось, за небольшим исключением, и в поэзии. Неизмеримо большее значение имела в имагологическом контексте переводческая деятельность русских поэтов и прозаиков¹⁶⁵.

Существовали долгие и плодотворные для культуры периоды добрососедских отношений между нашими странами. Изучение историко-литературных материалов, как русских, так и турецких, позволит и в будущем освещать различные стороны русско-турецких отношений, что должно

¹⁶³ Крымский А. Е. *История Турции: Очерк*. М., 1915. С. 37.

¹⁶⁴ Брюсов В. Я. *Стихотворения*. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1952. С. 243.

¹⁶⁵ Библиографию стихотворных и прозаических работ отечественных авторов о Турции и переводы с турецкого см.: Сверхевская А. К., Черман Т. П. *Библиография Турции (1713–1917)*. М.: Изд-во Вост. лит., 1961; Сверхевская А. К., Черман Т. П. *Библиография Турции. Лит. на рус. яз. (1917–1975)*. М.: Наука, 1975; Желтяков А. Д. Русско-турецкие культурные связи. *Россия и Восток*. СПб.: Лексикон, 2002. С. 354–388.

содействовать лучшему взаимопониманию между Турецкой республикой и Россией.

Современные нам авторы вновь возвращаются к теме Стамбула — Константинополя, близкой к восприятию ее у поэтов конца XIX — начала XX в.: вечный город как нечто, существующее вне времени и пространства. Свидетельство тому — многочисленные описания города на Босфоре у И. Бродского. Таков непознаваемый Стамбул в его стихотворении *Ritratto di donna*:

Нога в чулке из мокрого стекла
блестит, как будто вплавь пересекла
Босфор и требует себе асфальта
Европы или же, наоборот, —
просторов Азии, пустынь, щедрот
песков, базальта...
Что перед ней сейчас? Зима. Стамбул.
Ухмылки консула. Настырный гул
базара в полдень. Минареты класса
земля-земля или земля-чалма
(иначе — облако). Зурна, сурьма.
Другая раса¹⁶⁶.

(993 г.)

И снова — вечный Константинополь (именно так, не Стамбул!) в стихотворении А. С. Кушнера:

Считай, что я живу в Константинополе,
Куда бежать с семьею Карамзин
Хотел, когда б цензуру вдруг ухлопали
В стране родных мерзавцев и осин.

Мы так ее пинали, ненавидели,
Была позором нашим и стыдом,
Но вот смели — и что же мы увидели?
Хлев, балаган, сортир, публичный дом.

¹⁶⁶ Сочинения Иосифа Бродского. Т. III. СПб., 1992. С. 267–268.

Топорный критик с космами патлатыми,
Сосущий кровь поэзии упырь
С безумными, как у гиены, взглядами
Сует под нос свой желтый нашатырь.

И нету лжи, которую б не приняли,
И клеветы, которую б на щит
Не вознесли. Скажи, что тебе в имени
Моем? Оно тоскует и болит.

Куда вы мчитесь, Николай Михайлович,
Детей с женой в карету посадив?
На юг, тайком, без слуг, в Одессу, за полночь —
И на корабль! — взбешен, чадолюбив.

Гуляют турки, и, как изваяние,
Клубясь, стоит густой шашлычный дым...
Там, под Айя-Софией, нам свидание
Назначил он — и я увижусь с ним¹⁶⁷.

(2002 г.)

¹⁶⁷ Кушнер А. С. Но было тайное тепло. *Новая газета*. 2004. № 19 (949). 22.03–24.03.2004. С. 22.

Раздел 2

Век Екатерины и Александра

Второй брак императрицы

В ноябре 1796 г. скончалась одна из замечательнейших женщин Государства Российского императрица Екатерина II. Пятью годами раньше, в пронизанных осенними ветрами просторах Юга России где-то между Яссами и Николаевым, ушел из жизни некоронованный российский государь — светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический.

Сколько разного было написано о взаимоотношениях этих двух великих личностей, так много сделавших для величия земли русской. На основе новых архивных документов мы прослеживаем глубоко личностные моменты их жизни как беззаветно любящих друг друга людей и как государственных деятелей, для которых самым главным в жизни была судьба России.

Неделю курьер, загоняя лошадей, мчался в Петербург с мрачной вестью, с ужасом размышляя, куда его теперь сошлют.

Государыня только взглянула на письмо, коротко охнула и тяжело повалилась на руки подоспевших придворных. Часа через три ей пустили кровь. Еще пять или шесть часов дворец замирал от отчаянных криков императрицы великой державы, от рыданий женщины, потерявшей любимого человека и остававшейся в ослепительном величии. Тогда, в 1791 г., ей шел шестьдесят третий год.

По распоряжению врача ей дали снотворного. Она заснула, глядя на портрет светлейшего. Поутру в «Дневнике» ее секретаря появилась запись: «Слезы и отчаяние... Проснулись в огорчении и слезах. Жаловались, что не успевают приготовить людей на смену (Г. А. Потемкину. — В. Ш.). Теперь не на кого опереться»¹.

¹ Просто и торжественно писал о кончине светлейшего известный военный историограф Н. Н. Бантыш-Каменский в частном письме князю А. Б. Куракину 22 октября 1791 г.

Горе захлестнуло ее могучий, казалось, не знавший сомнений разум. Через положенные по православной вере скорбные девять дней она скажет: «Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал». Как всегда в минуты сильного душевного волнения, немного путалась в русском языке. Повторяла: «Его не можно было купить».

Все свои последние пять лет она проживет с этой незатухающей болью. Ее сердце, ранее отдаваемое новой родине — России и «миленькому Гришеньке», отныне заполнено только заботами о стране. А образ «мужа и первейшего друга» приобретает очертания государственного уровня.

«С прекрасным сердцем, — писала она очередной бессонной ночью на исходе октября 1791 г. — он соединял необыкновенно верное понимание вещей и редкое развитие ума. Виды его всегда были широки и возвышенны. Он был чрезвычайно человеколюбив, удивительно любезен, а в голове его непрерывно возникали новые мысли».

«Мой единственный, мой любимый, а я жена твоя, связанная с тобою святейшими узами». «Ласка наша есть наичистосердечнейшая любовь, и любовь чрезвычайная». Такие слова из уст и из писем (частью изданных, частью нет) могущественной, если не всемогущей повелительницы России, какой была Екатерина II, воспринимаются однозначно. В том же смысле, что и в наше время. Это был брак довольно долгий — 16 лет, брак счастливый, по меркам бурного и буйного XVIII века. Прекрасный союз двух выдающихся людей, гениев России, необычайно близких духовно.

«У него была смелость в сердце, смелость в уме, смелость в душе. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил». Так писать через считанные дни после кончины любимого человека могла только очень сильная женщина с душой нежной и возвышенной. И очень сильно любившая.

Большое чувство пришло к Екатерине Алексеевне далеко не сразу. Они впервые увиделись в июле 1762 г., когда 23-летний вахмистр Григорий Потемкин, сияя восторженным блеском фиалковых глаз, ловко подал свой темляк к шпаге Екатерине II, после переворота принимавшей присягу гвардии.

«Светлейший... 5 (16) октября все кончил. И дела, и предприятия. В день Покрова, чувствуя тяжесть, примирился с Богом, получа же облегчение, вздумал переменить воздух. Поехал из Ясс в Николаевск с князем Голицыным и племянницами. Отъехав 40 верст, почувствовал паки тяжесть. Остановился, велел постлатъ на землю плащ, облокотился на подушки, и подняли — уже мертвого. По вскрытии тела нашли, что гнилая горячка и молошница были».

У Софьи-Фредерики-Амалии Ангальт-Цербстской, принцессы из заштатного немецкого княжества, к этому времени были позади унылая юность и безрадостные годы постылого династического брака с Петром III, презиравшим елизаветинскую Русь. Суровую жизнь лишь отчасти скрашивало стремление познать загадочную для нее страну. Были по крайней мере четыре любовных «случая». Причем первого «вельможу в случае» — С. В. Салтыкова в 1752–1754 гг. ей, тогда великой княгине, навязала сама императрица Елизавета Петровна, крайне раздраженная тем, что после девяти лет ее брака с будущим царем Петром III наследника престола так и не «образовывалось». Потом Сергей Салтыков был удален от двора — назначен посланником, «ибо себя нескромно вел», по словам самой Екатерины Алексеевны, ставшей, наконец, матерью будущего императора Павла I.

Станислав-Август Понятовский «за глаза отменной красоты» (к этой детали мужской внешности Екатерина Алексеевна всегда питала слабость) был приближен в 1756–1758 гг. и затем тоже беззвучно удален, впрочем, очень почетно — на польский престол.

Куда значительно и дольше прочих, в 1762–1772 гг. «вельможей в случае» и конфидендом, подготовившим государственный переворот, который и привел на престол Екатерину II, был Григорий Орлов. Могучий красавец и «авантюрьера в Европе из первейших», а также его братья полагали, что обрели в Екатерине Алексеевне что-то вроде идеальной пожизненной ренты. Ан нет. «Он сам при мне скучал», — рассказывала Екатерина о своих «любовях» «ненаглядному Гришеньке Потемкину». Быстро разочаровал ее и А. С. Васильчиков, «особо близкая персона» в 1772–1773 гг. Оба они замучили императрицу своим беспутством и «настырным суванием в дела государственные» настолько, что, «впавши в дешперацию» — сиречь отчаяние, Екатерина Алексеевна обратила, наконец, свой взор на неприметного доселе Г. А. Потемкина.

Тогда, в дни переворота летом 1762 г., исправивший конфуз с утерян-ным темляком вахмистр вернулся в строй подпоручиком. И не более. А далее — с ее стороны редкая, но любезная улыбка, легкий кивок головой. С его стороны — обожание, восторженное преклонение перед «ангелом на троне», беспорочная служба. Он «наблюдал за шитьем казенных мундиров», заседал в Синоде (благо за плечами Смоленская семинария и дворянская гимназия при Московском университете). Выполнял несколько мелких дипломатических поручений, отличившись при этом присущим ему изяществом ума и осмотрительной самостоятельностью. Дейтельно

заседал в комиссии по духовно-гражданской части знаменитого екатерининского «Уложения» — своего рода свода указов и распоряжений по делам административного свойства.

На свое 30-летие в 1769 г. за усердную службу получил камергерский ключ — стал обладателем высшего придворного чина и в звании генерал-майора был отправлен на войну с турками.

Беспримерная храбрость и умелое командование отличали генерала Потемкина. Так бы и соперничать ему на поле брани, если не с самим А. В. Суворовым, то, во всяком случае, с М. И. Кутузовым. И не знаю, кто кого бы затмил. Однако случилось так, что уныние императрицы «от общества своекорыстных дураков» и кошмар пугачевщины совпали с отменной характеристикой, которую давал Г. А. Потемкину прославленный фельдмаршал — «орел императрицы» Петр Александрович Румянцев в письмах сестре Прасковье Александровне Брюс, более известной при дворе как «Брюсша». А та, ближайшая наперсница (и сводня) Екатерины II, довела мнение брата до сведения императрицы.

Тогда-то и призвала его в Петербург приветливым письмецом одинокая в своем царственном величии женщина.

Он был принят во внутренних покоях императрицы 15 февраля 1774 г. Да там и остался, поселенный так, чтобы и глаз видел, и рука достала.

Античного облика атлет ростом под 190 см, с орлиным носом, светло-русыми выющимися волосами, нежным румянцем на упругих щеках. И глаза — переменчивые, от ярко-васильковых до яростно фиолетовых. Уже в марте он — «мой богатырь, милуша, скакун ненасытный, парюш (т. е. попугайчик)». Открылась переписка (более 400 только опубликованных писем и записок), тайная и явная, предельно обнаженная в искренности чувств и в значимости столь долгожданного этой замечательной женщиной союза.

Потемкина отличало не только могучее тело, но и блистательный ум. «Голубчик, — пишет в исходе февраля 1774 г. не государыня, но счастливая женщина. — Благодарю за хлеб, за соль. Гришёнков мой, накормил-напоил вчера. Однако не вином же...»

В марте того же года, когда еще бушевала крестьянская война на Яике и Волге, скалили зубы враги на юге и на западе, а первые восторги нового счастья обретали очертания долгожданного покоя души и тела, императрица писала: «Самый лучший пример перед собой имею. Вы умны, вы тверды и непоколебимы в своих принятых решениях, чему доказательством служит и то, сколько лет вы старались около нас, я сие не приметил, а мне сказывали другие...»

Нотка сожаления о потерянном времени будет перемежаться с растущей «доверенностью» и любовью. Она, самодержавная во всем, почла за необходимость объясниться с «батей и милушей» относительно своего альковного опыта. Перечислив в своей открытой манере фаворитов, уже упомянутых выше, она писала: «То было, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой склонности не имею, и если б я в участь получила смолоду мужа, которого любить могла, я бы вечно к нему не переменилась...» Это строки из ее «чистосердечной исповеди» перед человеком, которого она безумно полюбила, единственным, которому верила во всем.

8 июля 1774 г., в Троицын день, в небольшой, удаленной церкви Святого Самсония на Выборгской, тогда лесистой, стороне Петербурга состоялось венчание Екатерины Алексеевны и Григория Александровича. Обряд провел духовник императрицы Иван Панфилов. Венцы держали доверенная камер-фрау Мария Саввишна Перекусихина, племянник Потемкина, его адъютант граф Александр Николаевич Самойлов и камергер Евграф Александрович Чертков. Все они — лица из ближайшего окружения новобрачных. Брачная запись, заверенная Перекусихиной, свято хранилась у князя П. Д. Волконского и исчезла в личных бумагах Николая I, другая — у А. Н. Самойлова и была положена с ним в гроб. Существовал и еще один список — копия. Она хранилась у графини Александры Васильевны Браницкой, урожденной Энгельгардт, «Санечки», племянницы и возлюбленной Г. А. Потемкина.

Напомним, что одна из дочерей Александры Васильевны, Елизавета Ксаверьевна Браницкая, стала супругой Михаила Семеновича Воронцова, выдающегося государственного деятеля России первой половины XIX в., незаслуженно оскорбленного Пушкиным в эпиграмме о «полумилорде, полукупце». Сама же Александра Васильевна, любимица светлейшего князя, была с ним в последние минуты жизни и получила из его слабющих рук некий сверток бумаг. Елизавета Ксаверьевна свято хранила заветную шкатулку и категорически отвергала любые посягательства на ознакомление с ее содержанием. Существует легенда, что княгиня Воронцова бросила шкатулку с бумагами с борта корабля в Черное море ради сохранения тайны этого брака.

Еще один список о брачной записи, врученный Екатерине, бережно хранила упомянутая Мария Саввишна Перекусихина (1739–1824). Без малого сорок лет она была абсолютно доверенной личной горничной императрицы. Жила в комнате, смежной с ее спальней, одевала и

раздевала царицу, подавала ей утром то чашку крепчайшего кофе, до которого Екатерина была охотницей чрезмерной, то иные «житейские необходимости».

Екатерина II, блестяще разбиравшаяся в людях, доверяла Перекусихиной полностью и безгранично, доверяла свою личную жизнь и устройство сверхделикатных контактов, и государственных, и вполне интимных.

— Мария Саввишна да Гришенька, — вот кто меня никогда не продадут, — говаривала императрица. И действительно, старая дева Перекусихина никогда никому не обмолвилась ни словечком о «комнатных обстоятельствах» своего друга и госпожи, да и о «вельможах в случае», которых сама же и проводила в постель к императрице. Ее преданность и достойная восхищения сдержанность вызывали уважение столь всеобщее и глубокое, что Павел I, разогнавший всех, кто был близок ко двору Екатерины, пожаловал Перекусихиной солидную пенсию и большой земельный надел под нынешним г. Пушкиным, близ Санкт-Петербурга.

Из заветного ларца Перекусихиной брачная запись императрицы и Потемкина перекочевала в начале 1820-х гг., когда старушке было за 70 лет, к Александру Павловичу (Александру I), который, кажется, не слишком вникал в бабушкины секреты, а затем к Николаю Павловичу (Николаю I).

Тот к вопросам своего происхождения был щепетильно пристрастен, историей Романовых интересовался чрезвычайно и драгоценный список схоронил так, что известно о нем было только Александру II, а позднее и Александру III. Знал ли об этом деликатном документе Николай II и где он хранится сейчас — это предмет моих нынешних поисков.

Со списком же Потемкина дело обстояло еще более примечательно. Светлейший, как известно, завещания достоверного и официального не оставил. Последний фаворит императрицы Платон Зубов, люто ревновавший императрицу к Потемкину, попытался сыграть на ее безмерном горе и выговорить себе право докладывать государыне о делах и бумагах политического и личного свойства, оставшихся после смерти светлейшего. Речь шла прежде всего о завершении Ясского мирного договора с турками. Но сверх того оставалось колоссальное имущество светлейшего — 6 000 душ крепостных в России, 70 000 — во вновь присоединенных западных и южных землях и огромное количество бриллиантов (на сумму примерно 15 миллионов русских рублей золотом в оценке 1795 г., то есть более триллиона рублей на современные деньги).

Особенно интересовали П. А. Зубова бумаги и личная переписка. Однако здесь он получил «укорот»; во-первых, от генерал-майора Василия Степановича Попова, правителя канцелярии светлейшего; во-вторых, от генерал-поручика графа А. Н. Самойлова, потемкинского конфиденанта и первого уполномоченного России на мирных переговорах с турками. Платон Зубов трижды жаловался Екатерине, что он, дескать, до наиважнейших бумаг не допущен. На что получал ответ:

«Уважь, Платоша, незабвенной памяти заслуги покойного князя Потемкина, не оставляй без особого уважения и тех, как под его руководством служили. Сообразишься с общими видами...». А «виды» определял — как политические, так и имущественные, оставленные светлейшим, — ни много, ни мало, Государственный Совет, созданный для этого приказом императрицы. Не получил «шустрый Платоша» никаких деликатных бумаг. А заветные списки — их унесли с собой в XIX век верные памяти светлейшего Самойлов и «Санечка». И никто эти бумаги более не увидел. Хотя о существовании знали многие.

Вернемся к Екатерине и Потемкину.

...После венчания молодые отъехали в Москву, Коломенское, Царицыно. Подалее от всезнающих взоров двора. Расставались на день-два. Писали записки: томление, нежность, забота. Конечно, императрица занималась и государственными делами, а мысль летела к любимому.

Смотрела план московского Екатерининского дворца и обнаружила, что покои Потемкина «так далеки и к моим почти не проходимы». Полтора года назад сама велела заделать двери, чтобы «докучливый» (А. С. Васильчиков) не бегал... А теперь «нашла шесть покоев для тебя, так близко, так (они) хороши, как лучше быть не может. С вами все становится легко. Вот что значит воистину любить. Прощай, миленький!»

Строили планы. У него, вице-президента Военной коллегии и кавалера ордена Александра Невского — идеи об упрощении солдатского обмундирования, совершенствовании образцов оружия. Чуть не каждый день — разговоры о России, о Тавриде, о Крыме, о Босфоре... Ему внимала влюбленная женщина, охваченная пламенем страсти и яростным стремлением созидать. Она не скупилась на ласку, на признание ума и силы своего долгожданного.

«Голубчик мой дорогой, я вас чрезвычайно люблю. И хорош, и умен, и весел, и забавен, и до всего света нужды нет, когда с тобой сижу. Я отроду так счастлива не была, как с тобой». Грандиозные планы Потемкина идеально совпадают с ее собственными — круг забот императрицы огромен,

любовь женщины на троне — всемогуща. На все у нее хватало сил, а ведь полсотни лет на плечах — отметили в 1779 г. И почти обо всем советовалась с ним, «первейшим в душе и светлейшим в свете»:

«Мой друг, нужно ли давать фельдмаршалу П. А. Румянцеву титул Задунайского?»

«Батя, я приказала князю (Г. Г. Орлову) вам отписать, что я (барону Х. И. Генкину) возвращаю секунд-майорский чин. Добра ночь». Бог мой, какие мелочи, рядом с главным: «Теперь читай в душе и в сердце моем. Я всячески тебе чистосердечно их открываю, и если ты сие не чувствуешь и не видишь, то недостойн будешь той великой страсти, которую произвел во мне...»

Светлейший князь Священной Римской империи (этот титул даровал ему император Иосиф II после выгодного для России и Австрии Кючук-Кайнарджийского мира с Османской империей) месяцами пропадал на Юге. Готовил и осуществил — всем на диво без кровопролития — присоединение Крыма в 1783 г. Деятельно строил Екатеринослав, Херсон, Николаев и особо — жемчужину короны, Севастополь. «Я, матушка, — писал он, — прошу воззреть на Севастополь как на такое (место), где слава твоя оригинальная, и ты не делишься ею с предшественниками...» За хлопотами забывал отозваться, «небрежничал в письмах». Это прощалось. Когда же наступало промедление в делах и движении бумаг официальных, Потемкин получал отменную выволочку:

«Я дурачить вас не намерена, да и сама дурую охотно слыться не хочу... Горячиться по-пустому не буду, а... прошу, написав указ порядочно, прислать тотчас к моему подписанию. Дурак, гяур, москов...»

Светлейший летел через Россию, и снова они были вместе. Любили, работали. «По вашей милости, хронология истории России или, лучше сказать, моих воспоминаний о России становится самой блестящей частью. Превеличайшее спасибо». Это из письма, помещенного 1784 годом.

Вместе надумали и совершили грандиозную поездку на Юг России в 1787 г. Подготовку к поездке Потемкин вел три года. Злые языки, завидуя феноменальной энергии светлейшего, назовут сделанное им «потемкинскими деревнями». А очищение Днепра от порогов и превращение его в судоходный водный путь России, а Черноморский флот! Да сам факт, что императрица в завершение своего шеститысячеверстного пути безбоязненно проезжает через только что присоединенный Крым, где столетиями бушевала ненависть ко всему «московскому»!

«Ты первый мне в делах военных и всех протчих, и это несумненно», — повторяет императрица. С годами остывала страсть, одолевали заботы, хворала чаще, не всегда бросалась по первому зову своего «Гришёнка», даже когда жили в Петербурге. Нормальная, человеческая записка: «У меня понос пресильный с шестого часа. Боюсь прохода через студеную галерею (в Зимнем дворце), при такой сырой погоде умножит рези. А что ты болен, о том сердечно жалею».

Привечала кое-кого к себе в покои. Светлейший всегда знал об этом. Обычно от нее же самой — из писем, когда сидел в Новороссии, из доверительных бесед, если был в Петербурге. К концу своих дней она сама пересчитала своих фаворитов — «за всю жизнь двадцать». Впрочем, по придворным меркам XVIII в. — не так уж и много. Общий принцип эпохи гласил: за грехи молодости будем молиться в старости. А наступление старости всячески старались отдалить, в том числе и молодыми фаворитами.

Светлейшего (да и саму императрицу) эти мимолетные увлечения не слишком беспокоили. Смущал обоих только молодой Аполлон — 23-летний Платон Зубов. Ему «случай» выпал довольно долгий — с 1789 г. И последний. Своими чувствами о нем Екатерина II тоже поделилась со своим «золотым тигром»: «Люблю очень это дитя. Он ко мне очень привязан и плачет как ребенок, если его ко мне не пустят. Воля твоя во всех распоряжениях, кроме тебя, никому не вверяюсь». Шел 1790 год.

Григорий Александрович и сам далеко не монашествовал ни у себя в Таврическом дворце в Петербурге, ни на далеком Юге России. Однако на этот раз почуял угрозу. Не себе. Ей. «Грабят тебя братья Зубовы, матушка! Из разоренной Польши по 200 тысяч тянут!»

Разобраться не успел. Докончил с триумфом вторую войну с турками (1787–1791), подготовил блистательный Ясский мирный договор. И покинул свою любимую, ангела, матушку-государыню... В салонах Петербурга и Москвы долго шептали — Зубовы отравили...

Она состарилась разом. Жила через силу. Много молилась. Повторяла: «Заменить его невозможно, потому что надобно родиться таким человеком, как он, а конец этого столетия как-то вовсе не предвещает гениев...»

Прошло уже двести с лишним лет со дня кончины Екатерины II — русской императрицы, женщины, умевшей любить и пестовать таланты, умевшей любовь и долг вплетать в венец Отечества...

«Потемкинская деревня» Архивное востоковедение против рефлексивного мифа

Миф-образ «потемкинской деревни» не нуждается в разъяснении уже более двух столетий. Абсолютная проверяемость данного мифа на генетические корни и его чужеродность (о чем см. ниже) за два века фактически не подверглись ни хронологической, ни смысловой трансформации–адаптации.

Этот миф в силу причин, выходящих за рамки данного доклада, уже на рубеже XVIII–XIX вв. и вплоть до наших дней обрел свое место в ряду устойчивых мифов массового сознания. Таких, как мифы о «неизменности» и «фатальности» русской судьбы («что было, то и будет»), о «русской скорби», «русской бесшабашности», о барине, который «приедет и все-всех рассудит»... «все воруют, все равно разворуют»...

Ментальность доиндустриального русского общества, реализуемая в попытках (вполне удачных) исторического самооправдания: светлейший князь Потемкин, дескать, матушке-царице глаза отводил избой из досок да соломы, а нынешние «потемкины» жухлую траву зеленой краской красят и будущими нанотехнологиями сколковские пустыри прикрывают и т. д. — может и должна преодолеваться. Жестко, убедительно, проверяемо в каждом слове.

Архивное востоковедение, раскрытию (формированию принципов) которого было посвящено немало докладов и материалов предшествующей конференции (2008 г.), есть один из реальных и действенных методов преодоления мифов, деформирующих историческую память, и тем особенно опасных для переходного общества России.

Первые упоминания о «потемкинских деревнях» содержатся в оценках триумфальной поездки Екатерины II через Юг России в присоеди-

ненный в 1783 г. Крым (январь – июль 1787 г.). Они прозвучали из уст злейших врагов светлейшего князя Г. А. Потемкина и его планов мирного освоения Причерноморья. Среди них были президент Коммерц-коллегии А. Р. Воронцов; его брат — русский посол в Лондоне С. Р. Воронцов; управляющий Дворянским и Заемным государственными банками П. В. Завадовский; княгиня Е. Р. Дашкова (Академия наук); генерал-губернатор Малороссии П. А. Румянцев и другие; зарубежные враги учету не поддаются. В их числе были и венценосные особы: Иосиф II (Священная Римская империя германской нации, чаще исследователи называют ее правителя австрийским императором, хотя Австрия как государство появится на карте Европы только в 1806 г.); Станислав Август (Речь Посполитая, т. е. Польша), Густав III (Швеция).

Записи в путевых журналах Екатерины II (архивы) и заметки в мемуарах участников вояжа (как отечественных, так и зарубежных) позволяют судить о том, что злые шутки о «картонных кораблях» Севастополя и фокусах с одной-единственной жареной курицей на три-четыре деревни принадлежат (независимо друг от друга) Иосифу II и русским противникам Г. А. Потемкина. Первый был недоволен размахом «греческого проекта» Екатерины II и слабым, по мнению Вены, отпором Екатерины II халифатским идеям Абдул Хамида I. Вторые — масштабностью и успехами мирного освоения Россией Причерноморья.

«Документальность на европейском уровне» скепсису императора и злопыхательству русских недругов светлейшего придал посол Швеции в Стамбуле Г. Ю. фон Хейденстам (о его миссии см.: *Die Papieren des Gustav der III-s*. Hamburg, 1845. Bd. III), а разоблачил его тогда же посол России в Стамбуле (документы не опубликованы). В основе фальшивых донесений Хейденстама лежали слухи, поступившие в Стамбул из окружения Иосифа II и Екатерины II. Цель посла была — укрепить франко-турецко-шведское сотрудничество в Европе и на всем Ближнем Востоке ценой любого умаления России. Вскоре, всего через несколько месяцев, будет спровоцирована очередная русско-турецкая война, а когда она завершится, погибнет сам Потемкин...

Первыми, кто подтвердил подлинность (пусть и при некоторой недостроенности) поселений, укреплений, флота и т. д., были «соглыдатаи» из османов — янычары славянского происхождения, наблюдавшие за августейшим вояжем, видимо, от днепровских порогов до Севастополя. Их наблюдения и выводы стали известны Я. И. Булгакову (см. его архив). Их знала русская военная разведка в Стамбуле в 1912–1914 гг.

(А. Н. Щеглов, 1875–1953 гг.). Подтверждались как язвительные эскапады полузабытыми мемуарами спецпредставителя Иосифа II при cortege Екатерины II Шарля де Линя (Ligne Ch., prince de. *Mémoires et mélanges historiques et littéraires*. Paris, 1827. Т. II).

Так привлечение архивных свидетельств в сочетании с опубликованными источниками различного происхождения, прочитанных глазами специалиста по архивному востоковедению, позволяет раскрыть целевые установки пустого, но злого мифа.

«Осведомительные службы»

М. И. Кутузова

Подобно океану объемля собою все сущее, история российская и живет по океанским законам: в постоянном движении видимых и подводных течений, в смене приливов и отливов, мертвой зыби и штилей. Время от времени ее сотрясают штормы, вздымая разрушительные девятые валы смутных времен. И тогда низвергаются одни и волею часто слепого случая возносятся на пьедесталы другие кумиры...

Слава Богу, эти напасти миновали Михаила Илларионовича Кутузова. Ему простили даже считавшееся долгие годы губительным решение, принимая которое, он, говорят, побелел за одну ночь как лунь — ибо в ту ночь один поставил на карту честь и судьбу России. Признано было, что решение, принятое им тогда, единственно верное.

Он был открыт, насколько мог быть открыт человек его нрава и положения. Но эта открытость — обманчивая, часто принимавшаяся за простоту худшего толка, — и стала главной тайной его личности, не разгаданной и доселе. Хотя, как представляется, тайны здесь нет. Просто совершенное им нужно мерить мерой, соответствующей масштабам этого человека. И судить его следует по его собственным нравственным законам, выстраданным годами ратных трудов.

Его портреты писали знаменитые живописцы. Ни один, однако, так и не разглядел его до конца. От всех портретов остается ощущение масок.

Было в этом величественно-государственном, аристократическом и вместе с тем как бы крестьянском обветренном лице что-то неуловимое, ускользающее, как улыбка Джоконды. Но и здесь отгадка проста. Черты, складывавшие и выражавшие эту незаурядную натуру, пытались осмыслить порознь и к тому же как нечто обретенное под опекой государей императоров.

А для него военная служба была не частью, пусть и счастливо найденной, его существования — была она самым образом жизни его, в

которой призвание управляло всем: силой страстей и желаний, кругом интересов, выбором целей и путей их достижения, и такая жизнь была для него естественна, как дыхание.

Дальний пращур его по отцовской линии пришел на Русь, служить великому князю Александру Невскому, в 1252 г. Имя мужа сего, «честна, и праведна, и преданна», было Гавриил, и пришел он на Русь с берегов Вислы, из той земли, которая нынче называется Пруссией. И хотя числился он из «немцев», то есть российской речи не понимающим, происходил означенный Гавриил, как еще в прошлом веке установил российский военный историк Н. Ф. Дубровин, из племени славян-прусов. Так что хоть и «из немцев», а по крови, выходит, исконный был, наш — может, голос крови и позвал его на Русь в какой-то лихой для него час?

(Говаривали одно время, совсем не шутя, что и Пруссия-то некогда По-Руссией называлась. Вот бы взяться за эту задачу лингвистам, историкам языка — да сыщешь ли их сегодня?)

Правнук того Гавриила уже прочно обосновался в российской истории под именем Федора Кутуза. От него фамилия Кутузовых и пошла. Были они, Кутузовы мужского пола, от пращуров — воины. Спин в боях врагу не казали, защиту Отечества почитали высшей доблестью и добродетелью, уважение к трудам своим тяжким солдатским принимали как должное, потому — заслужили.

И по материнской линии было кем гордиться: прабабка будущего победителя Наполеона была замужем за князем М. Ф. Пожарским, отцом Дмитрия Михайловича, спасителя Москвы в 1612 г. За подвиг тот увековечен князь на памятнике, всему миру известном, скульптора И. П. Мартоса — на Красной площади стоит, от Василия Блаженного храма в нескольких шагах.

Отец, всеми силами души почитаемый (без матери еще в младенчестве остался), генерал инженерной службы, высокой по тем временам образованности человек. А еще дядя не менее любимый рядом — адмирал Иван Логвинович, рассказами о заморском в восторг приводящий. Книжки в доме все по военным наукам, разговоры в доме — о наилучшем устройстве армии. Предки, на полях брани прославленные, каждую минуту рядом незримо — уже к двенадцати (!) годам Михаила Кутузов и голову не ломал, по какой стезе жизнь направить. Не первейшая ли обязанность дворянства российского — служить отечеству военной опорой?

Так рождались династии и закладывались традиции — из уважения, почитания и любви вырастали.

Отец на личном примере добросовестности, прилежанию и ответственности учил. Дядя рассказами о диковинах заморских воображение будоражил. Годы спустя Михаил Илларионович в письме к дочери (это было, к слову, письмо из Стамбула, разговор о нем впереди) вспоминал, как заслушивался, бывало, «сказками» дядюшкиными о стране, где «мужики ходят в широких шароварах, а женщин своих держат взаперти и платками им личину укрывают». Особенно же запомнилось, что те, в шароварах, которые турками прозываются, все при ужасных усах и преогромных саблях-ятаганах, кои в любую минуту готовы в ход пустить. Очень хотелось все это повидать своими глазами, не думал, что сподобится — ан повезло...

В четырнадцать, за два года вместо положенных четырех, окончена соединенная артиллерийская школа. Успехи по всем дисциплинам отменные (так ведь не просто необходимое для избранного дела усваивал — жил всем этим, дышал!), особенно же по математике и языкам. Две эти страсти останутся на всю жизнь.

В четырнадцать лет, капралом, начинает Михаила Кутузов свою военную карьеру преподавателем в той же школе, которую окончил сам. Отмечается начальством как, безусловно, способный к этому роду деятельности. В шестнадцать лет получает прапорщика — первый свой офицерский чин. Что наши отпрыски в эти годы?

Кажется, все наперед отлажено: вот она, парадная лестница, шагай. Вот Михаил уже флигель-адъютант у петербургского и эстляндского генерал-губернатора — остро наблюдательный, он много для себя почерпнет на будущее из собственного опыта «вращения в верхах». Хотя и его самого со временем причислят к царедворцам, и он вполне умело будет держать положенный при дворе политес, все же и там будет он выбиваться из общего лощеного ряда — предпочитавший жить по собственному уму, а не по капризам властителей.

Во флигель-адъютантах, близко наблюдая чуждую его нраву придворную возню, протомился недолго. Повинуясь внутреннему побуждению (службу военную выбрал, чтобы жить, а не отбывать сроки от ордена до чина), Кутузов начинает настойчиво проситься в армию, на настоящую службу. И в августе 1762 г., получив чин капитана, семнадцатилетний Кутузов отбывает в Новую Ладогу, командиром роты в Астраханский пехотный полк. Явившись к месту теперь уже настоящей полевой службы, юный ротный представляется тоже только что назначенному командиру полка. Имя его — Александр Васильевич Суворов.

Воистину, как говаривали в старину, Бог знает, кому помогает. То, что юный Кутузов еще только искал ощупью, примеряя ситуации жиз-

ни армейской на разнообразные положения повседневной окружающей жизни, Суворову уже было ясно как день. Солдаты, офицеры — семья. Армия — дом. Командир — отец, хозяин дома, глава. А в семье, дабы держать лад и порядок, приходится быть всяким — и жестким, и уступчивым, и осмотрительным, и хитрым. Что такое тактика, если армия — это люди, а сражение, в сущности, — схватка характеров? Та же житейская хитрость, опытность, осмотрительность; в стратегии все это помножается на дальновидность. Откуда взять? Из житейского (армейского) опыта собственного и старательно изученного такого же опыта других. Юный Кутузов правильно начал; теперь, коли выбрал для себя эту жизнь, ему должно изучить ее со всем прилежанием.

Мнится, не без подсказки Суворова юный ротный с головой погружается в ее постижение.

Пушкарь он по образованию. Боевые свойства пехоты изучает под присмотром Суворова, великого его знатока. Затем восемь лет командует легкоконными полками и три года — егерским корпусом.

Достигший в конце своей пятидесятилетней военной карьеры всех мыслимых высот, он был обласкан при дворе трех императоров (пережив пятерых), был сказочно богат. Но...

Восемь с лишком лет он прослужил капитаном. Пять лет — подполковником. И генерал-майора получил только на сороковом году жизни. Ровесники, выбравшие для себя путь наверх по дворцовым паркетам, получили все это раньше. Но он ведь не густых эполет домогался. Двор играл в интриги, устраивал перевороты, плодил фаворитов. Кутузов служил. Гениальность его заключалась в многогранности его военного таланта. Гениальность Суворова в том, что он умел разглядеть этот талант и помог ему развиваться.

Уходило в прошлое романтическое отрочество российской армии — время лобовых ударов и богатырских схваток в чистом поле. Военное дело все более становилось наукой, многогранной и многонаправленной. Именно два этих человека, пожалуй, впервые в России обосновали необходимость существования двух служб. Разведки — не как вспомогательной, а основной, упреждающей исход сражений, ударной силы. И контрразведки — как основного инструмента, с помощью которого можно разрушить замыслы противника задолго до того, как он начнет вводить в сражения свои регулярные части, и тем самым сохранить жизни тысяч и тысяч людей.

Заметив в Кутузове исключительное любопытство к окружающей жизни и такие же исключительные способности к языкам (Кутузов, уделяя их изучению всякую свободную минуту, знал французский, немецкий, англий-

ский, польский, шведский, турецкий и латынь), именно Суворов угадал в нем прирожденного разведчика. Разведка — это знание мира. Кутузов прекрасно разбирался во всем спектре военных и военно-инженерных наук, хорошо знал историю, международные отношения и дипломатию.

Полководец с талантом разведчика и дипломата — явление уникальное не только для России. Жизнь вскоре предоставила Кутузову возможность показать, что он может и как полководец, и как солдат невидимого фронта.

В 1768 г. началась первая из двух русско-турецких (иначе — «екатерининских») войн за овладение Крымом и выход в Черное море. Завязываются бои на реке Прут. Турки ломают стеной («тучей», заметил один очевидец). «Вверенные попечению» Кутузова части встретили турок с поразительным для обстановки спокойствием. Войска Кутузова, как писали потом военные историки, «не дрогнули под сильным огнем неприятеля, неподвижно стоя сомкнутым фронтом».

Кутузов оставался спокоен. Он знал то, чего пока не знали другие. Примерно за сутки до боевого соприкосновения на ту сторону Прута сходили посланные Кутузовым «верные люди». Находить их среди местного населения ему было нетрудно. Знание языков несет с собой знание нравов, обычаев, привычек, характеров и многих иных особенностей еще вчера незнакомых народов; если уважаешь национальные особенности, легко бывает найти нужный общий язык.

Вернувшись, верные люди доложили: наступающий на позиции Кутузова Абди-паша, «военачальник скорее храбрый, нежели предусмотрительный», форсируя Прут, утопил почти все огневые припасы. Оставшегося паше хватит едва ли на залп.

Кутузов так и сказал, выйдя перед пораженным его уверенностью строем: не бойсь, ребята, после второго выстрела скиснет Абди-паша, а уж дальше действовать — как учили! И все вышло, как он сказал. И по войскам прокатилась слава провидца.

В боях при реке Ларге Кутузов, продумывая, по обыкновению, наперед все варианты необходимых действий и их такого же необходимого обеспечения, лично допрашивает взятых в бою пленных (позже они стали именоваться по-русски образно — «языками») самых разных сословий. Допрос не допрос — так, разговор дружелюбный, перемежаемый внезапными точными вопросами о том, о сем: о жизни, о службе, о семьях, о богатстве и бедности... А в итоге получает в руки точное расположение турецкого опорного лагеря — со всеми «секретами» и засадами — на казавшемся неприступным холме. Батальон гренадер, водительствоваемый

лично Кутузовым, ворвался на холм по тайной, указанной Кутузову его разведчиками тропе, нанося противнику, как записано в реляции, «чувствительнейший» урон. Два бунчука-штандарта взяли, окончательно сломив волю к сопротивлению, а уж оружия — нескладное число.

С этого времени команда разведчиков всюду сопровождает Кутузова. Команда — несколько своих, способных к этому трудному делу, но больше — бывшие местные жители, знающие все вокруг «на прострел».

Именно эта команда помогает Кутузову справиться с крепостью Исаки: разведчики разузнают, когда к осажденным намереваются прибыть корабли с боеприпасами и подкреплением. Точный огонь безукоризненно расставленных Кутузовым батарей лишает крепость ожидаемого «сикурсу». Полторы тысячи пленных, двадцать орудий — такой на этот раз добывает Кутузов военный трофей.

Майорский чин и орден Св. Георгия IV степени — за шесть лет, прожитых в непрерывных сражениях. Подполковничьи эполеты — за бой в августе 1774 г. и тяжелое ранение под Алуштой. Ранение — «в левый висок пулею, которая вылетела близ правого глаза... на другой стороне лица».

Кутузов-строевик на время отходит в тень. Начинается время Кутузова — разведчика и дипломата. Герой крымских батальон примечен Екатериной — взбалмошная была императрица, но умела, однако ж, отличать не только фаворитов, но и полезных Отечеству людей.

Кутузов — расходы берет на себя казна — уезжает лечиться. Италия, Голландия, Англия, Германия... Его принимал со всею любезностью Фридрих Великий. Говорили о многом. Фридрих «остался поражен» познаниями российского подполковника во всех вопросах, коих касалась беседа, будь то природа войны или «философическое» обоснование необходимости мира, искусство, политика, тонкости дипломатии или государственного устройства. Его видели в студиях известных художников — и здесь он никому не показался дилетантом.

Не обходил Кутузов стороной тамошние военные академии — и здесь скоро отказались от всяких попыток втереть иностранцу очки. «Разговаривал везде с большим политесом и на языке собеседника».

И вот еще — специально для любознательных — такая деталь. Путь и время следования по Европе Кутузова удивительным образом совпали с путешествием по тем же краям еще одной примечательной, до сей поры толком, кажется, не изученной личности — наперсницы Екатерины, ее эмиссара, умнейшей женщины России княгини Е. Р. Дашковой.

Не выполняли ли оба они общую для них тайную волю императрицы — умными и опытными глазами поглядеть, что там и как в Европе, чем дышат царствующие дворы, чего хотят, какие игры заводят, к чему готовятся, так ли благодушны к России, как уверяют о том в любезных депешах? Французов вон как вдруг обеспокоили российские успехи в Причерноморье, растущее российское влияние на Балканах... Кто, как не стратег и тактик Кутузов, умеющий завлекать в сети своего обаяния, и Дашкова, женщина ума великого, острого и разностороннего, смогут ответить на эти важнейшие для России вопросы?

Известно, правда, что отношения двух Екатерин были сложны — а как разойтись на узком пространстве без высечения искр двум умным женщинам с одинаково сильными характерами и волей? Но ведь все эти то «отлучения», то новые «приближения», а вдобавок и ссылка вполне могли быть, как говорят в разведке, всего лишь легендой — дабы увести внимание от «объекта» и тем облегчить главную его работу... Лечение, или, как писано в одном из источников, «полезные для Отечества путешествия» Кутузова заканчиваются в 1777 г.

Кутузов возвращается в армию. Вновь — под командованием Суворова, теперь уже в знакомом Крыму, где Александр Васильевич занимает должность командующего всеми российскими войсками. Крым тех дней напоминал закипающий котел. Признанный формально независимым от Турции еще в 1774-м, в состав России Крым вошел только в 1783 г. В те дни будущее его было покрыто безвестностью.

Оголять Юг империи, подставляя плодородные земли янычарам, было ни в коем случае нельзя. А смешанное крымское турецко-татарское, армянское, греческое, еврейское и славянское население раздирали противоречия.

Запах пороха присутствовал в крымском воздухе постоянно. Уяснив и взвесив все это, Кутузов, с благословения наставника своего, создает и возглавляет Бугский егерский корпус. По-нынешнему тех егерей можно было бы назвать частями специального назначения. И возрождает при штабе корпуса группу разведки из особо доверенных людей. Кого относил он к этому разряду? «Люблю людей неприметных, но смысленных и к дознанию благополучных по службе вещей способных».

Вот эти-то люди постоянно и снабжали Кутузова необходимой как воздух информацией о перемещениях войск крымского хана, о причинах бунтарских настроений среди крымчаков и недовольства среди переселенцев — греков и армян. Со всею серьезностью усаживается корпусной командир за изучение турецкого языка — «дабы в переговорах с крымцами

и турками по охране побережья... все наивозможнейшие пользы извлечь». (То ли не пример для потомков?) Каждодневно обращаясь среди крымчаков, многое время проводя за беседой с татарами и турками, наезжающими из Османской империи, о быте, нравах, привычках, обычаях, а в особенности о порядках в сипахийских (иначе — тяжелоконных) и янычарских войсках, Кутузов быстро овладевает турецко-крымчацким разговорным наречием.

Затем переходит ступенью выше — к овладению турецким (османским) языком литературным, на коем совершается у противника все делопроизводство...

Все бумаги — заданные вопросы и полученные ответы, вызванные сведения, собственные выводы и предположения — аккуратно складываются в специально для того приобретенный сафьяновый зеленый портфель, с которым отныне Кутузов неразлучен. А для наилучшего овладения языком, «употребив все средства, какими располагает его натура», добивается благорасположения *башкятиба* — старшего письмоводителя двора последнего крымского хана. И... «Грамоту турецкую постигаю на живых бумагах, только вчера полученных из османской столицы».

Правда, и у башкятиба замечают то ковшик серебряный, золотом насыпанный доверху, то табакерку дивной работы... но это ведь плата за труд. И он очень усерден в учебе и уважителен, этот кривой на один глаз, полноватый в талии, но живой и отменно внимательный к местным жителям и их заботам русский бригадир.

Несомненно, что практически бескровным вхождением Крыма в состав Российской империи история обязана не только административной деятельности светлейшего князя Потемкина и подвигам Суворова, но и незаметной, где разъяснительной, а где осведомительной (стало быть, предупреждавшей нежелательные инциденты) деятельности командира корпуса егерей. «Ой, умен, ой, хитер, его никто не обманет», — так оценивал военно-дипломатические «занятия» корпусного командира Суворов...

1786 год. Канун второй (1787–1791) «екатерининской» войны. Егеря Кутузова держат границу по Бугу. Отменно налаженная служба и в особенности, как свидетельствовал документ, «основательнейшее и вполне подтвердившееся во вновь начавшейся войне знание обстановки в ближайших турецких тылах» вознаграждаются свыше «Владимиром» второй степени Большого креста.

И еще ранение — «...пуля попала в щеку и прошла насквозь в затылок». Но всего четыре месяца спустя Кутузов приступает к планомерно-

му изучению «крепчайшего из орешков» — турецкой крепости Измаил. В соответствии со специальным орденом светлейшего князя Потемкина, предписывающим Кутузову обеспечить постоянное наблюдение за всей территорией, занятой действующей турецкой армией на Дунае. Учащаются казачьи рейды по ближайшим оперативным турецким тылам.

С полной нагрузкой работает питаемая «незаметными людьми» Кутузова «летучая почта». «Незаметные люди» растекаются по Измаилу. И летят донесения: «...в Измаиле смятение в войсках противу ихнего сержанца — командующего, во время которого побито до двухсот человек, и многие потом взяты и отправлены в крепость Тулчу за Дунай».

«Ежедневно турки, которые только способ избрать могут, уходят за Дунай...» В лагере осажденных смута и дезертирство нарастают. Кутузов ждет. Под Очаковым его находит казак — двух лошадей загнал, а сам приемышом из-под Измаила.

— Ну что?

— Янычары котел опрокинули!

Вот оно.

В крепости, значит, взбунтовались «элитные» части, главная надежда обороны. Знак тому — перевернутый «ротный котел» — казан для общего плова.

Но «янычары котел опрокинули» — еще и условная фраза. В мозаику наблюдений, собранную стараниями «незаметных людей», ложится последний камешек.

— В крепости, — доложил Кутузов Суворову, — пятнадцать тысяч войска, а не тридцать пять. И янычары котел перевернули. Бог даст, осилим.

В разгар знаменитого, вошедшего во все военные учебники штурма Суворов назначает Кутузова комендантом Измаила. Первое, что делает этот знающий местные дела до тонкости человек, — берет под охрану колодцы и хлебные склады. Потом было дело при Мачине, когда Кутузов, прорвавшись из окружения, нанес сокрушительный удар по неприятельскому флангу.

— Случай представился, — по обыкновению уклончиво объяснял Кутузов свою удачу непосредственному начальнику князю Н. В. Репнину. Умолчал, что обходной маневр ему помогли сделать и направление главного удара подсказали «два коновода» из обоза разгромленного великого везира. Разведчики — люди, умеющие вовремя промолчать...

Война заканчивается Яским миром 1791 г. Отмеченный за Мачин и Измаил еще двумя «Георгиями» Кутузов вроде бы остается не у дел.

И тут императрица вспоминает: и Суворов не единожды говорил, и любимец ее Потемкин незадолго до кончины своей едва ли не слово в

слово с Суворовым молвил: негоже такую голову без дела держать; при его, Кутузова, способностях можно попробовать употребить одного и по дипломатической части. В той же Турции. Язык знает. В нравах разбирается. И при мире их видел, и в бою. Авось при своем упорстве и уме сладит с хитростью прославленной людей восточных. Случилось это в 1793 году.

...Потерпев сокрушительное поражение в войне с Россией, высший исполнительный орган при султанах Селиме III — Высокая Порта — принимает решение досконально изучить политическую обстановку в дальних и окружающих странах — чтобы выработать новую «линию поведения» и начать коренные преобразования в самой Турции. Сказать по-нынешнему — турки заварили у себя перестройку.

Вчера еще закрытая для европейцев страна организует чрезвычайные дипломатические посольства в западные столицы. Их главная задача — сбор широкой международной информации. «Чтобы, — как писалось в одной турецкой инструкции, — избежать односторонней ориентации и предотвратить вмешательство держав при переговорах Высокой Порты с одной из них».

В числе первых Турция обменялась чрезвычайными посольствами с Россией. Представлять в Турции Россию был назначен Кутузов. Послом в Россию поехал доверенный Селима, его стремянной — «кетхуда августейшего стремени» Мустафа Расых-эфенди. Ему было тогда тридцать пять лет. Кутузову — сорок восемь.

Расыху вменялось в обязанность: всемерно свидетельствовать о мирном и дружеском расположении Османского государства к России, добиваться скорейшего освобождения пленных, содействовать восстановлению торговых отношений, собрать максимум сведений о взаимоотношениях европейских держав в связи со встряхнувшей Европу французской революцией. Дипломатического опыта Расых не имел, но был человеком начитанным, любознательным и, главное, преданным Селиму.

Как свидетельствуют старые турецкие хроники, провожая своего стремянного в Россию, Селим в приватной беседе с ним наставлял Расыха так:

— Мы проиграли русским подряд две войны. Чем мы прогневили Всевышнего, что шатер русских побед стоит теперь на поле нашего поражения? Разберись там, в стране Мужикистан... И ещн. Как получается, что храбрыми воинами, сокрушившими сынов ислама, управляет женщина? Какова она, чариче (царица) Екатерина? В чем ея сила? Разберись.

Получил наставления и Кутузов. В инструкциях российскому чрезвычайному в Оттоманской империи послу, разработанных под личным наблю-

дением Екатерины, говорилось: «главная задача его посольства... сохранить мир и доброе согласие с Портою, нужные для отдохновения... в трудах и беспокойствах, империей нашей понесенных». Кроме того, Кутузов получил еще и негласное указание императрицы «склонить Диван турецкой и кого придется из особ, к султану приближенных, дабы соединиться с европейскими дворами противу Франции. И особ таких искать повсеместно».

А чтобы поездка была Кутузову в приятность, чтобы ему лучше думалось и живее работалось, в портфель его заветный сафьяновый положена была еще и «бумага», извещавшая новоиспеченного дипломата о пожаловании ему двух тысяч крепостных в Волынской губернии и должности генерал-губернатора Казанского и Вятского — с выплатой жалованья, разумеется, и немалого, в период его спецкомандировки в Стамбул.

Султан Селим III был не скуп, но беден. Обещал своему посланцу: ежели миссия его завершится успешно, получит он, Расых, в жены одну из сводных сестер Селима. Тоже, конечно, немало: родня султана — многие привилегии, но так трудно было Селиму переступить собственную гордость...

Стамбул к моменту появления в нем Кутузова был отнюдь не сонно разнеженным и тихим, каким обычно рисовали восточные города мимолетные путешественники-европейцы. В Стамбуле ключом была политическая жизнь.

Во-первых, Селим III был не таким уж записным «азиатом» — читал, хотя и не особенно афишируя это среди придворных, европейские газеты, сносно говорил по-французски; к моменту появления Кутузова вокруг султана вились политические и военные курьеры революционной Франции (шел знаменитый «девяносто третий год»), всячески стремились привлечь султана на свою сторону — чтобы силой помог разорвать кольцо враждебных революции европейских монархий.

Во-вторых, оставались нерешенными собственно русско-турецкие вопросы: захирела торговля, томились в турецком плену русские воины, желали перейти в русское подданство некоторые православные подданные султана — сербы, болгары, греки. Да и у турок еще всю саднила в памяти боль недавно понесенных от России поражений.

Кутузов взялся за всю эту гору вопросов, как всегда, обстоятельно, по каждому прежде семь раз отмерял и решал их осторожно, не стеснясь уступать там, где, чувствовал, нужны уступки, но упираясь насмерть там, где, как он считал, нельзя уступать ни сантиметра. Все время помнил (и преемникам своим завещал) о том, что любой вопрос должен решаться,

как бы трудно то ни было, ко взаимному – обязательно – интересу сторон и обоюдной же пользе.

И эта его служба была, как и прежняя, жизнью, к какой он привык, в которой чувствовал себя как рыба в воде, а потому — «Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей-богу, не так мудрена, как военная. Ежели ее делать, как надобно», — писал жене из Стамбула... Преуспел же он во многом уже с первых шагов потому, что тщательно, по всем правилам организовал службу наблюдения и сбора информации.

Так, после «размена» посольств в первых числах июня 1793 г. под Дубоссарами на Днестре Кутузов недалёкую, в сущности, дорогу от Днестра до Стамбула растянул на три месяца, повелев сопровождавшим его как следует глядеть по сторонам и все примечательное запоминать, и сам неустанно занимался тем же.

Добравшись до особняка посольства, российский чрезвычайный посол лишь накоротке передохнул, а сразу после вечернего намаза принял «не установленное лицо из турок, с которым... имел разговор на ихнем басурманском языке, всех прежде удалив». Информация была и впрямь наиважнейшая. Назавтра Кутузову предстояла встреча с великим везиром, и «лицо из турок» сообщило Кутузову о привычках второй персоны в империи, включая и такие «мелочи»: Ахмет-паша немного знает по-французски, чем очень гордится; терпеть не может шербету и не сидит на мягком. Надо ли говорить о том, что состоявшаяся на следующий день встреча с великим везиром прошла в обстановке полного взаимопонимания, сердечности и поразила всех исключительным взаимным политесом?

Когда же во время первой официальной аудиенции везир и сам султан Селим посетовали на то, что русское посольство двигалось в Стамбул очень уж медленно, Кутузов застонал артистически и причиной внезапного недомогания назвал те же хворобы, коими маялся и сам более молодой султан: прострел в спине и жжение в правом боку.

Разговор шел, как положено, через толмача. Но в этом месте Кутузов вступил сам и, на хорошем турецком выразив султану соболезнующее понимание, щедро поделился с ним рецептами, как и чем утишить хворобу. И опять турки не поняли, что тут сработала все та же впрок собранная Кутузовым информация, «домашние заготовки» и, конечно, профессиональное использование ситуации.

Поэт и реформатор Селим! Знать бы ему, что «Ларионыч» не двинулся в путь, пока в зеленый сафьяновый портфель не легли подробные словесные портреты придворных и «характеристические черты» самого

султана! Не знал султан и того, что более двух десятков молодых людей, составивших позже сердцевину Военно-топографического бюро, проинструктированные лично послом, тщательно снимали во время неспешного движения в Стамбул через Дунайские княжества и Европейскую Турцию планы местности, места возможных стоянок войск (вдруг да пригодится, политика дело перевертливое!) и уточняли с помощью самых разных «попутных» источников расстановку сил в окружении султана.

Нельзя было спешить Ларионычу в Стамбул потому, что надлежало ему лично оценить собранные сведения, доложить в Петербург о привычках и намерениях едущего гораздо скорее (боялся не успеть до морозов) турецкого посла.

При Расых-эфенди среди его проводников по России, рекомендованных крымскими мурзами, кстати, был отменно знакомый Кутузову, знавший и по-русски, и по-турецки человек — ну так на то она и есть служба...

Со всем вниманием, заинтересованностью и готовностью помочь любыми советами отнесся российский посол к реформаторским начинаниям султана, в том числе и в области реорганизации армии. Именно Кутузов первым сообщил в Петербург наиболее достоверные сведения о военных преобразованиях в Турции, особенно в военном судостроении. Попутно в беседах, ненавязчиво, но неотступно внедрял в сознание султана мысль о том, что Россия должна и будет иметь сильный флот на Черном море и Турции придется с этим смириться. Крым отныне для Турции, говорил Кутузов, отрезанный ломоть.

О предоставлении свободного прохода российским военным кораблям через Проливы Кутузов заговорил только однажды, и то как бы между прочим. Встретив ожесточенное сопротивление турецкого вице-адмирала Шеремет-бея, более к этой теме не возвращался, добавив только одно: будь турки и русские заодно — никто бы на Проливы не покушался.

Информация об этом моменте беседы через французского поверенного достигла Парижа, затем — Лондона.

С известной осторожностью, но автор все же допускает (представляя себе характер Кутузова и его изобретательность), что эту утечку организовал сам Ларионыч. Российским дипломатам оставалось только точно проследить за реакцией европейских правительств...

Неотступно исполняя скорректированные под свои возможности, способности и переменчивые положения текущего момента распоряжения императрицы, Кутузов постепенно, приучая турок к себе, установил кон-

такты с широким кругом придворных султана — особенно тех, кто желал прогрессивных реформ, с искусной неторопливостью просвещая их насчет российских настроений в отношении Турции и возможных в них перемен.

В очередной раз принял в посольстве целую колонию армянских купцов. «Зачем приходили — неясно, но многие уходили воодушевленные», — докладывал Селиму Шеремет-бей. Вице-адмирал не доверял Кутузову до такой степени, что на свой страх и риск учредил за ним наружное наблюдение, отмечавшее все передвижения российского посла-генерала. Кутузов, однако, быстро вычислил «топтунов». Щедрые подаяния были опущены в уныло пустовавшие кружки нескольких дerviшей, постоянно слонявшихся возле посольского особняка — наблюдатели исчезли. И снова «...прибегал турок Ахметка, сидели запершись, а чаю истребовали шесть чайников...»

Когда зашли в тупик переговоры по торговому тарифу и определению размеров пошлины за проход Проливов, Кутузов опять уединился с документами из зеленого сафьянового портфеля и на этот раз долго изучал список самых любимых и влиятельных жен султана Селима.

На следующий день потрясенный Стамбул увидел российского хитрована в саду, примыкавшем к гарему.

По законам ислама гарем, или харам, что означает «запретное место», вместе с примыкающим садом, зверинцем и прочим, составляющим Сераль, закрыт для взоров мужчин старше четырнадцати. Нарушителя запрета ждет суровая кара. И вдруг!

Ларионыч, конечно же, рисковал. Но вместе с тем знал, что делал. Стремительным, но галантным напором, учтивостью, красноречием, обильно сдобренным драгоценными украшениями, точно рассчитанными на личные вкусы обитательниц гарема, чрезвычайный российский посол покориł «роزاریй падишаха».

Султан-валиде, матушка Селима III, и две ее наперсницы поняли прозрачные намеки уруса на важность развития торговли с Россией. (Матерью Селима была Михри-шах, образованная и умная женщина. Дочь православного священника из Грузии, похищенная разбойниками и проданная в Сераль, она стала любимой женой, другом и советником султана Мустафы III. Владела итальянским и французским языками, французский язык Кутузова ей очень понравился. — В. III.) Приветливо ободрили затянутого в мундир и потому нещадно страдавшего от стамбульской жары чрезвычайного посла, в продолжение целого часа не поднимавшего взгляда на трех прелестнейших женщин Востока.

Как смеялся Селим, когда начальник охраны с серьезным и потерянным видом доложил ему, что русский посол был пропущен в гарем беспрепятственно, поскольку он главный евнух императрицы Екатерины!

А «достовернейший» слух о том и о подарках русской императрицы обитательницам гарема быстро пустили по городу все тот же «шустрый Ахметка» и еще два-три человека из посольского картографического бюро. Турецкая одежда очень шла к их загорелым усатым лицам, а разговорную практику где же еще и отрабатывать, как не на Капалы-Чарши — Крытом рынке Стамбула, действующем и поныне?

Автору потребовалось около двадцати лет для того, чтобы установить имена женщин, которые в обществе Михри-шах встретили в султанском саду русского посла. Одной из них была Нахш-и диль, в девичестве Эме де Ривери, любимая жена предшественника Селима III на троне султана Абдул Хамида I, мать будущего султана-реформатора Махмуда II. Бездетный из-за перенесенной в юности свинки, Селим воспитывал маленького Махмуда как родного сына. Через Нахш-и диль, симпатизировавшую ему во всех начинаниях, Селим поддерживал негласные контакты с Францией — ведь любимой кузиной Нахш-и диль была Жозефина де Богарнэ, в третьем браке Бонапарт...

Второй собеседницей Кутузова была родная сестра Селима III Хадиджа-ханум, блестяще образованная женщина, говорившая на европейских языках, принимавшая у себя жен европейских дипломатов. Хадиджа-ханум пользовалась полным доверием Селима. В сафьяновом портфельчике Кутузова отложилось: Хадиджа-ханум «под именем и в облике армянки» часто бывает в приморских городах Европы. Зачем? Чьи поручения она там выполняла? Об этом особый разговор. Для нас важно другое: все три розы в «Гюльшен-и хулефа», «цветнике халифов», были компетентны в вопросах, которые обсуждали с Кутузовым, и абсолютно не случайно «учинили променад в подходящее время и в надлежащем месте». Правда, на людях Кутузов настаивал, что все вышло случайно.

Торговые вопросы с Турцией решились в неделю. Связывать судьбу Турции с взбодораженной Францией султан передумал. По случаю невиданной в османской истории беседы иностранного посла с обитательницами гарема Селим вручил Кутузову для передачи Екатерине богато изукрашенный набор для верховой езды — седло и сбрую. Полюбоваться ими читатели смогут, оказавшись в Оружейной палате.

...Мог ли не искушенный в российских дворцовых порядках турецкий посол Мустафа Расых-эфенди сравниться с Кутузовым в трудолюбии?

Окруженный бесконечной чередой военных смотров, парадов, разводов караула, потрясенный прелестью обнаженных плеч российских красавиц, Мустафа Расых-эфенди посылал домой с каждым разом все более короткие депеши. Потом и вовсе умолк на два месяца, увезенный императрицей весной 1794 г. в увеселительную поездку по случаю масленицы. При этом посол утратил контроль над своим штатом настолько, что Екатерина II, отнюдь не ханжа, вынуждена была написать гневное письмо канцлеру А. А. Безбородко: надлежит принять самые срочные меры к тому, чтобы турецкий посол «запретил своим людям шалить в доме князя Вяземского (резиденция посольства. — *В. III.*) так, как они шалили на Москве в доме князя Волконского (место временной остановки посольства. — *В. III.*), где перерезали все фамильные портреты и бюст князя Михаила Николаевича разбили. А если шалить станут — выслать без церемоний».

В конце концов порядок наладился. Расых получил указание султана считать основные вопросы подлежащими разрешению в Стамбуле. При отъезде императрица одарила посла богатыми подарками, и расстался он с Петербургом с явным сожалением, хотя другом России так и не стал.

Мирные отношения в Причерноморье остались в сохранности и, больше того, упрочились. В 1799 г. был заключен первый российско-турецкий военный договор. Русские военные корабли впервые прошли через Черноморские проливы.

Кутузов при сем уже не присутствовал, вникая в тонкости скандинавских дипломатических интриг. Но сведения о Турции, собранные им, не только сослужили добрую службу его преемнику на посольском посту в Стамбуле В. П. Кочубею, но и весьма пригодились при заключении Бухарестского мира в 1812 г., за тридцать семь дней до нашествия Наполеона. Бухарестский мир — подписание мирного договора с Турцией — стал вершиной дипломатической деятельности будущего героя Бородино.

Селим III не раз, как свидетельствует турецкий историк, тепло вспоминал Кутуз-пашу. И Кутузов считал время, проведенное в Стамбуле, счастливейшим в своей жизни.

М. И. Кутузов навечно вошел в мировую историю как один из величайших полководцев. Кто знает, как бы повернулась история, может, не только России, стань он профессиональным разведчиком — задатки к этой работе, и немалые, у «Ларионыча» были...

Гласный соглядатай турецкого султана при дворе русской царицы, или Как русские красавицы отвлекли турецкого офицера от выполнения его долга

«Мы не всегда воюем, но торговали — всегда. Поезжай, мой эфенди, и разберись, что выгодно Высокой Порте, а что надо им, москвитам». Так, довольно обыденно для наших прагматических дней, но поразительно для 1793 г. напутствовал своего чрезвычайного посла в Петербурге султан Селим III (правил в 1789–1807).

Пару лет назад Яским мирным договором, стоившим жизни его творцу светлейшему (в смысле не только титула, но и ума и дальновидности) князю Г. А. Потемкину, завершилась очередная русско-турецкая война (1787–1791). Петербург и Стамбул изнемогли до крайности, а тут еще из Франции приходили известия, и всемогущую Екатерину II, и едва удерживавшего трон Селима III напугавшие до необходимости посоветоваться.

В Стамбул Екатерина направила великого знатока Востока, свободно говорившего (и немного писавшего) по-турецки, героя двух войн с турками — М. И. Кутузова. «Ой, умен, ой, хитер, — говаривал о нем его учитель А. В. Суворов. — Никто его не обманет». Поехать в Стамбул к туркам и разузнать все о реформах и торговле, вызволить русских пленных, уразуметь, будут ли османы сражаться «со старыми своими друзьями французами», — такие задачи поставила императрица наводившему страх на османов «Кутуз-паше». В обмен ждали «лицо высокое и доверенное».

Так и получилось. Султан чрезвычайно радушно принял Кутузова, а в далекий Петербург отправил своего стремянного, 35-летнего красавца и храбреца, отважно воевавшего с русскими, Мустафу Расыха-эфенди.

Надо сказать, что Кутузов от деликатной миссии долго отнекивался: дескать, стар (47 лет), хвор, немощен (две раны в голову перенес), где Стамбул-Царьград, а где его подагра... Не вышло. Матушка-императрица решений не меняла. Мустафа Расых-эфенди в дорогу собрался живо и не без удовольствия. Дело в том, что посольства Османской империи в Петербурге, начиная со времен Петра I, были нередки (1722, 1740–1742, 1755, 1758). Послы при этом бывали «обласканы соразмерно и надлежаще».

Дорогу, по которой надлежало ехать в чужие страны, послы тех времен определяли себе, как правило, «по собственному разумению». Кутузов и Мустафа Расых-эфенди встретились в первых числах июня 1793 г. под городом Дубоссары на Днестре. Оттуда Кутузов, охая и вздыхая, но при том зорко озирая возможные пути наступления на Стамбул, медленно двинулся к турецкой столице.

Молодцеватый турецкий посол с ветерком промчался через Юг России, а вот под Тулой придержал коней. Его вмиг стали интересовать природа, люди, их быт, занятия. Словом, все. Особенно то, что касалось тульских оружейных мастерских, объемов производства, новых видов оружия. Подаренное ему ружье с новым образцом ударно-спускового механизма уже через 11 дней оказалось в руках султана. Оно и сейчас украшает одну из витрин стамбульского дворца-музея Топкапы.

Любопытному и, как оказалось, весьма начитанному султанскому стремлянному было чрезвычайно интересно узнать, как долго шли отряды Ивана Болотникова на Москву, как передвигались войска обоих Лжедмитриев, I и II-го, в районе Москвы в эпоху Смутного времени и польско-шведского вторжения в начале XVII в.

Потрясением для посла стали сведения, что из Москвы до самого Петербурга можно добраться по рекам — через Вышневолоцкую речную систему и Ново-Ладожский канал. Причем пройдут там не только легкие кораблики, но и грузовые суда! Он немедленно вознамерился погрузить на таковые свое посольство (около сотни человек, да еще лошади, багаж, драгоценные и весьма объемные подарки...), однако ему деликатно, но твердо напомнили:

— Государыня-императрица ждут!

Посол с очевидным сожалением сообщил Селиму III, что москвиты хранят тайны своих водных путей, как османы — свои гаремы.

По приезду в Петербург Расых-эфенди окунулся в пьянящую атмосферу блестящего двора Екатерины II. Посол деятельно наносил визиты

русским военачальникам, охотно принимал приглашения ознакомиться с учениями, строевой и огневой подготовкой войск, расквартированных в окрестностях столицы. Он был любезен в общении, щедр на подарки — дорогие сабли, кинжалы-ханчеры и подарочного исполнения ятаганы, «изделия для курения табака», как правило, в золоте и драгоценных камнях, не задерживались в сундуках («сандыках», если по-турецки) посла.

В камер-фурьерских записях, где фиксировался каждый шаг царствующей особы, появились отметки о том, что оттоманский посол беседовал с государыней почти приватно, в малом круге, и... по-французски. Восхищенное общество на рождественских вечерах и на гуляньях масленичной недели 1794 г. отмечало отменную учтивость, «совершенный политес и бойкий до смелости французский выговор босфорского, страшно выговорить, янычара».

В отношении Мустафы Расых достоверно известно, что в янычарском корпусе он никогда не служил, происходил из вполне известной и уважаемой служилой военной знати. С ранней юности был в окружении будущего османского владыки — наследника престола, шахзаде Селима III. По инициативе матери Селима, образованной и дальновидной Михри-шах (по происхождению дочери грузинского священника), не раз выезжал во Францию. Сопровождал (и охранял) другого наперсника шахзаде, Исхак-бея, приемного сына маркиза де Верженна, посла Франции в Стамбуле и затем министра иностранных дел Людовика XVI незадолго до революции. Так что деликатности манер и галантности обращения нашему “*petit yanissar*” («маленькому янычару» ростом за 180 см!) было не занимать.

Правда, два обстоятельства задевали мужчин и заставляли дам обиженно надувать губки. Мустафа-бей категорически отказывался принять чарку русской водки — даже после участия в смотрах и маневрах на жутких морозах зимы 1793–1794 гг. — и не танцевал. Зато, как записала в своем дневнике одна петербургская прелестница, «дышал почти в самое декольте жарко, а глазом своим черным едва не...». Дальше текст оборван.

Глаза Мустафа Расых-эфенди действительно имел острые. И когда стало известно, что поездки в полковые квартиры, в цейхгаузы и на литейные пушечные дворы занимают посла «сверх меры и приличности», Екатерина II улыбнулась с пониманием:

— Развлеките молодца.

С достоверностью восстановить калейдоскоп балов, маскарадов и прочих увеселений той зимы не представляется возможным. Донесения в Стамбул, которые и поныне хранятся в Госархиве Турецкой респуб-

ки (они лишь частично опубликованы), становились все реже и короче. Описания Адмиралтейской верфи, Кронштадта, Шлиссельбурга и петербургских рейдов, столь пространные и точные в первые месяцы посольства, к лету исчезают полностью.

Кунсткамера, раритеты Эрмитажа, Невская перспектива, высокие по стамбульским меркам и ровно выстроенные дома Петербурга, его правильное строение, где каждый знает, куда идти следует, чтобы скорее прийти (последнее Мустафу радовало до крайности, ибо Стамбул не знал ни названий улиц, ни нумерации домов) — вот на что удалось переключить внимание излишне любознательного османского посла. Он также получил подробные сведения о реформах Петра I в устройстве регулярной армии и органов государственного управления. Отдельная записка была посвящена делению России на губернии и службе генерал-прокурора.

Любопытно, что Мустафа Расых с большим одобрением писал о петровской практике возвышать людей по способностям и усердию вне происхождения. В судьбах крещеного еврея Павла Шафирова (вице-канцлера и дипломата, барона), мелкого уличного торговца Александра Меншикова, вознесенного титулом светлейшего князя, как правильно оценил Мустафа Расых, «на шестое небо», турецкий посол усматривал сходность с османскими порядками. Примечательно также, что привычное для османов прозвище Петра I «дели Петро» («отчаянный, безумный Петр» — вспомните пушкинское: «делибаш уже на пике...») в бумагах этой поры не употребляется. Более того, следует отметить, что традиция турецких историков сравнивать серию реформ Селима III и его преемника Махмуда II с реформами петровскими вполне прослеживается от подробных и благожелательных донесений Мустафы Расыха.

Не обходилось без курьезов. Если не по-европейски образованный, то, по крайней мере, повидавший Европу, Мустафа Расых так и не уразумел две вещи. Во-первых, как решаются урусы своих жен и дочерей с голыми плечами и прочими прелестями на всеобщее обозрение, называемое балом, преспокойно выставлять, а после, о ужас! домой пускать? И другое — почему, выпив жгучей белой жидкости, известной от арабов халифата под названием «ал-когол», или «простого вина», урусу положено громко кричать на манер птицы утки, в озерах близ Петербурга многочисленной?.. Давно я, о читатель, над османскими и русскими архивными документами работаю, но ответа на второй вопрос посла так и не отыскал...

Из Стамбула Мустафа Расых получал инструкции и краткую информацию о деятельности его партнера по обмену посольствами — Куруз-

паши. Дела у Кутузова шли, как всегда, более чем успокоительно. Он даже умудрился посетить султанский гарем, представившись главным евнухом царицы Екатерины... Впрочем, это уже другая история...

По-видимому, бойкие красавицы из окружения императрицы увлекли-таки нашего «янычара» в «блажь увеселительную». По весне-лету 1794 г. он на какое-то время даже утратил контроль за своим штатом, начавшим «нарушать порядок благочиния». В поведении людей из окружения посла появились такие отклонения, что императрица, сама отнюдь не ханжа, направила канцлеру князю А. А. Безбородко гневное письмо. Она потребовала, чтобы османский посол «...запретил своим людям шалить в доме князя Вяземского [резиденция посла. — *В. III.*] так, как они уже шалили на Москве в доме князя Волконского, где перерезали фамильные портреты и бюст князя Михаила Николаевича разбили. А если и впредь шалить будут, выслать без церемоний!»

Мустафа Расых некоторые меры принял, дела успешно шли к завершению. Селим III и Екатерина II обменялись комплиментарными посланиями. Таковые хранятся в архиве, а султанский дар императрице — драгоценный набор для верховой езды, седло и сбрую в мерцании старого золота, рубинов и изумрудов — вы, читатель, можете и сейчас увидеть в Оружейной палате Московского Кремля.

К исходу 1794 г. Мустафа Расых покинул Петербург, «отмеченный знатными подарками чариче Катерины». Штат его посольства неожиданно увеличился — на двух младенцев мужского пола. Позже они воспитывались в стамбульском доме Мустафы Расыха вместе с другими его сыновьями. Судьба их известна. Дети Петербурга стали выдающимися «мужами меча» Стамбула.

А еще был в Петербурге посол турецкий, так тот из Императорской Публичной библиотеки не выходил. К тому же стал победителем объявленного петербургскими дамами конкурса на «самые красивые усы»... Впрочем, как сказала Шехерезада, это сказка уже следующей ночи...

«Россиянка» — тайный эмиссар императрицы

«Россиянка» — так подписывала свои труды княгиня Екатерина Романовна Дашкова, блестяще образованный человек, писательница и педагог, натуралист, филолог и композитор... Все эти дарования щедро воплотились в одной женщине, сумевшей стать, наравне с коронованными особами, — Елизаветой Петровной и Екатериной II — символом России эпохи Просвещения, когда необычайно высоко ценились тайная дипломатия и политическая разведка.

Она родилась и воспитывалась в старинной дворянской семье Воронцовых, известной с XI века. Представители этой семьи дали России в XVIII и XIX вв. много выдающихся государственных деятелей. Екатерина II как-то заметила о Воронцовых, которых недолюбливала: «Мой Бог, как они все горды и упрямы, но как полезны Отечеству!»

Действительно, отец и дядя Екатерины Романовны Дашковой занимали первые места в воинской службе и в определении внешней политики России в середине XVIII в. Любимый старший брат Александр Романович Воронцов был другом и, видимо, спасителем первого диссидента России А. Н. Радищева. Дипломат и военный, он, кроме того, более двадцати лет возглавлял российскую Коммерц-Коллегию, ведавшую внутренней и внешней торговлей страны, а в 1802–1804 гг., когда вся Европа была готова сорваться в бездну очередной войны против наполеоновской Франции, он направлял внешнюю политику России и сумел удержать свою страну в стороне от разгоравшегося конфликта.

Когда ей не исполнилось и шестнадцати лет, она вышла замуж за красавца лейб-кирасира, Рюриковича в семнадцатом колене, князя Михаила Дашкова. И сделала это так, как поступала всю жизнь, — решительно, изящно, но достаточно жестко.

...Однажды молодой князь, наслышанный о добровольном затворничестве Екатерины Воронцовой, позволил себе в общении с ней несколько более любезностей, чем полагалось по этикету. Она позвала своего дядю, вице-канцлера: «Дядюшка, князь Дашков делает мне честь, просит моей руки». Гвардеец ступшевался, но возразить первому сановнику империи не посмел...

Судя по всему, брак оказался счастливым, но длился он недолго. В 21 год она уже вдова с двумя детьми. И, кажется, в ее жизни больше не было мужчин. Рождение двоих детей она считала, как всякая любящая мать, важнейшими событиями своей жизни. Но все же самыми славными и лучезарными стали для нее дни и белые ночи Петербурга 27–28 июня (9–10 июля) 1762 г. Она провела их в седле и в карете, рядом со своей подругой и кумиром — будущей царицей Екатериной II. Они были долгое время настолько неразлучны, что в свете их за глаза называли Екатерина «большая» и Екатерина «малая». А в эти два дня и две ночи, когда решалась судьба трона России, обе они были облачены в мундиры Преображенского полка. И впереди Екатерина Дашкова — со шпагой в руке, готовая победить или умереть. Вместе со своим мужем — «милым Мишей» и с братьями Орловыми она сыграла решающую роль в подготовке и организации переворота, поставившего во главе России Екатерину II.

Впервые они встретились, когда Екатерине «маленькой», тогда еще Воронцовой, было пятнадцать лет, Екатерине «большой» — двадцать семь, на празднике по случаю Рождества, который решила посетить будущая правительница России, а в это время — несчастная, отвергнутая мужем, наследником престола: Петр Федорович ни от кого не скрывал намерения «сменить свою немецкую ледышку на русскую пышку» — на старшую сестру Кати Воронцовой, Елизавету Романовну.

Все произошло довольно артистично, Екатерина Алексеевна уронила веер. Быстрая, грациозная Катя подхватила его и подала в глубоком поклоне. Так кланяются не отвергнутой жене наследника, а императрице. Глаза двух женщин встретились. Они улыбнулись друг другу... До самой смерти Екатерины II продолжалась дружба двух замечательных женщин России, хотя временами она прерывалась взаимным охлаждением.

Муж Екатерины Романовны, князь Дашков, скоропостижно скончался на тридцать втором году жизни. И с тех пор все ее чаяния сосредоточились на детях. Все семейство Воронцовых отличалось устойчивым интересом к британской конституционной монархии, к вековым традициям парламентаризма, к чисто английскому предпринимательству. Дашкова не только восхищалась всем этим, но и пыталась реализовать по крайней

мере некоторые британские достижения на российской почве. И старший сын, лицом и статью — вылитый отец, служил ей первейшим объектом для применения новых принципов воспитания и обучения.

После долгого раздумья она решает, что мальчик ее получит домашнее воспитание — у нее под рукой, а образование — в Великобритании, в Эдинбурге. Шотландия не раз посылала в Россию своих лучших сыновей. В Лондоне, Оксфорде, Кембридже слишком много светских соблазнов. А в провинциальном Эдинбурге ничего подобного нет... Да и стоимость обучения и проживания в Шотландии почти вчетверо дешевле... В 1770 г. Дашкова выехала в Европу.

Свой отъезд она описала так: «Скромное черное платье, такая же шаль и самая простая прическа скрывали меня от любопытных глаз...» Облик безутешной вдовы и настойчивый слух о том, что целых пять лет (!) императрица не отпускала ее от себя, больше привлекали внимание, чем помогали поддерживать элегантное инкогнито. К чему бы это?

Попасть в Англию удобнее морем. Дорога эта хорошо известна и российским, и британским капитанам еще со времен Ивана Грозного. Однако у Дашковой путь иной: задачи другие. Впереди Берлин — владение прусского короля Фридриха II.

Остановившись в Данциге, тихая вдова замечает в гостинице картину с изображением эпизода из недавней Семилетней войны, где прусские солдаты одолевают русских. Однако к утру цвета мундиров перекрашены. Теперь картина переменялась — победа явно на стороне русских. А Дашкова с первой зарей уже мчалась в экипаже.

Статс-дама «шалила» и в Ганновере. Отправившись со своей компаньонкой в оперу в одеждах немецких дам, она сумела сообщить принцу Мекленбургскому через его адъютанта курьезную вещь, что она и ее подруга — оперные певица и танцовщица, едут издалека и подыскивают себе место...

Эпатаж, игривость молодой вдовы? В немецких землях должны были легко догадаться, кто это так старательно скрывается под вуалью и посещает главные политические центры Европы. В Берлине король Пруссии — гроза Европы — принял ее, как она писала, немедленно, едва ли не в дорожном платье. Они говорили долго. Король теперь знает о ближайших планах России — это выход к Черному морю и долгая вялая война с Турцией (1768–1774), затрагивающая интересы только двух сторон. Фридрих II понял намек, что если Пруссия не вмешается в спор России и Турции, то о разделе польских земель Берлин и Петербург сумеют договориться полюбовно.

После долгого путешествия по Европе Дашкова прибыла в Лондон. Здесь предпринятые ею поездки далеки от привычных маршрутов, которыми пользуются даже самые любопытствующие путешественники по Великобритании. В первую очередь в поле зрения Дашковой — извечные полуваги Англии: Шотландия и Ирландия.

Везде княгиня ведет неспешные, уважительные беседы с высшим католическим и англиканским клиром — об уважении Екатерины II к разным христианским толкам в России, об интересе к культуре и языкам всей Великобритании, а не только собственно Англии. Она подчеркивает, что потомки древней династии шотландских королей — Брюсы уже второй век служат России верой и правдой. Дашкова ненароком поясняет: Россия тоже расширяет свои владения, в нее входят и иные народы, иные верования. Императрица Екатерина всем находит доброе слово...

К ее словам в Англии и подвластных ей землях прислушивались особенно внимательно: многие понимали, что именно из-за неумения министров Георга III учитывать особенности развития британских колоний самая драгоценная из них, Америка, откололась от метрополии, там полыхает война, которая, оказывается, небезразлична и России...

Только вскользь, между делом, Дашкова заметит, что сейчас Россия занята на Востоке сугубо «собственным делом», выяснением отношений с Турцией. Деликатный намек будет принят во внимание. Пока главным соперником России на Востоке остается Франция. Англии не до этого, она слишком занята войной против Америки. Но это пока. К концу правления Екатерины ситуация резко изменится, и Англия попытается поднять против России половину Европы. Но это будут уже времена «Очакова и покоренья Крыма».

В Великобритании Дашкова отлично знала, с кем необходимо встретиться, кто имеет реальное влияние при дворе, а с кем общаться не стоит, чтобы не утратить благожелательное отношение высших чинов Британской империи. Раньше ее старший брат граф Александр Романович Воронцов был полномочным представителем России в Лондоне.

В отличие от него, его младшая сестра Екатерина Романовна прибыла в Британию как частное лицо и беседы вела сугубо приватные, вроде бы ни к чему не обязывающие, но для России чрезвычайно полезные.

Оставив сына в Эдинбургском университете, Дашкова возвращается на континент. Ее ждет Париж, замечательные встречи с великими вольнодумцами-энциклопедистами. Ближе всего ей по духу оказался Дени Дидро. Ему уже под шестьдесят, но он сохранил всю живость ума и общительность, которыми славился еще в юности. Двадцатисемилетняя Дашкова

очаровала его. Позже он писал: «Я провел с ней — это было в декабре 1770 г. — четыре вечера, от пяти часов до полуночи, имел честь обедать и ужинать. Княгиня Дашкова — русская душой и телом...»

Дидро нарисовал и полный портрет Екатерины Романовны: «Невысокая, с открытым высоким лбом и пухлыми щеками, глубоко сидящими глазами, не большими и не маленькими, с черными бровями и волосами, несколько крупным носом, чувственным крупным ртом, крутой и прямой шеей, высокой грудью... В движениях ее много живости, но нет грации, обычной для придворных дам».

Все заметил легендарный сердцеед Европы. Все, что касалось внешности. Но он, кажется, не уловил, что его собеседница осторожно уходит от обсуждения со старым вольнодумцем вопросов религии. Разговоры между ними больше касались проблем устройства государственных учреждений, крепостного права; особенно много говорили о парламентаризме. Потом Дашкова перевела тему беседы на ходивший в списках в парижских салонах труд очевидца воцарения Екатерины II — секретаря французского посольства в Петербурге К. К. Рюльера «История, или анекдоты о русской революции 1762 года».

Можно себе представить реакцию самой Екатерины, прочитавшей один из этих списков, доставленный ей разведкой прямиком из Парижа в 1769 году!

Мелодичная речь молодой женщины, ее грудной низкий голос, исполнявший романсы и песни собственного сочинения под клавесин...

«Что за женщина! — томился Дидро. — Такая ароматная, такая чувственная... и такая умница!» Так вспоминал он позже о своей гостье. И вот уже Дени Дидро торопливо записывает под ее диктовку «Подлинные, из уст княгини Дашковой» рассказы о событиях 1762 г. На основе этих записей он составляет «Опровержение “Истории...”» господина Рюльера».

Дени Дидро хорошо знают во всей Европе. Его слово — закон для любого, кто берет в руки перо и бумагу. Дидро быстро добывается того, чтобы сочинение Рюльера не было опубликовано в виде книги. Действительно, «История...» будет напечатана только в 1797 г. — после смерти Екатерины, когда большинства из участников тех бурных дней уже не будет в живых, а после революционной бури во Франции, после войны, захватившей не только Европу, но и Азию, Америку, Африку, вообще мало кто будет заинтересован тем, что же происходило в Петербурге и Петергофе в уже столь далекие дни, тридцать пять лет назад...

Вечера, проведенные Дашковой в обществе мудрого старика, не прошли даром: воля Екатерины «большой» была выполнена. А кое-какие заметки из тех, что были надиктованы и перебелены в доме Дидро, позже лягут в основу будущих «Записок княгини Дашковой»...

К чему теперь встречи с самым Рюльером, который сутками караулит выезд княгини, через Дидро молит своего кумира о встрече, о нескольких минутах, чтобы уточнить что-то там в «Истории...»

— Он утомителен в своем рвении, — небрежно бросает Дашкова. — Не принимать.

Дидро машет рукой:

— Скажите ему, что я поговорю с ним позже, а княгиня больна...

Позже Дидро, несколько остывнув от первых впечатлений и первых восторгов, запишет: «Она не говорит всего, что думает, но то, о чем говорит, излагает просто, сильно и убедительно...»

Огромный интерес Дидро к России, стране, породившей, по его собственным словам, «такое чудо, как княгиня Дашкова», привел его в 1773 году в Петербург. Впрочем, в столице Дашковой не оказалось. Там его встречала сама Екатерина «большая», очаровавшая философа своими «поисками» просвещенной монархии. А княгине Дашковой императрица еще до приезда Дидро велела удалиться в Москву. Свои романы, даже сугубо научные, а точнее — научно-политические, Екатерина разыгрывала без посредниц.

Впрочем, все это будет позже.

А пока снова дорога. В Женеве Дашкова встречается с самим Вольтером. Ему уже 76 лет. По отношению к своей посетительнице он комплиментарен и даже лстив. Дашкова отмечает неестественность такого поведения: «Пресловутая французская вежливость, — пишет она, — у него не исходит от сердца».

Вольтер же заметил, что он еще интересен Дашковой, а значит — и коронованной особе в Петербурге. Его переписка с Екатериной продолжается, она даже оживает за счет новых впечатлений — от Дашковой.

У самой Дашковой, должно быть, тоже отлегло от сердца — Вольтер постоянно держит портрет Екатерины перед глазами; судя по всему, он не будет опасно злословным. Этого нельзя допустить в европейском общественном мнении. Язык Вольтера заставлял шататься короны.

Но сейчас причин для беспокойства нет. Вольтер пока с ними — с обеими Екатеринами.

Из Женевы Дашкова едет в Дрезден, потом снова в Берлин... Два года поездок по Европе. Наконец-то все поручения выполнены, и Дашкова,

отменно обласканная и щедро вознагражденная 60 тысячами рублей из личных средств императрицы, возвращается в Россию. Сначала она живет в Петербурге, затем в Москве и под Москвой, в своем изумительном имении Троицкое. Все больше и больше отдалается она от столицы, от двора. Милость монархов изменчива. Ее кумир, ее императрица была к ней не просто холодна. Много хуже. Она сердилась и подозревала княгиню во всех грехах. И особенно попрекала ее за доносительство.

Однако в личных письмах к Дашковой царица пока сохраняет любезность. Эту двойственность их взаимоотношений подметил пытливый мальчик — старший внук императрицы, будущий русский царь Александр Павлович. В 1795 году он с величайшим уважением к Екатерине Романовне сказал:

— Несмотря на недостатки княгини Дашковой, — да и кто их не имеет! — это честная и добродетельная личность...

Находясь в своего рода полуссылке, Дашкова обрела неожиданную моральную поддержку от всесильного и мудрейшего князя Григория Александровича Потемкина. Светлейший мало о ком отзывался с такой трогательной уважительностью, как о Дашковой. Он похлопотал и о том, чтобы состоялась вторая долгая поездка княгини Дашковой в Европу.

Ее сын отлично учился и в 1779 году с блеском окончил Эдинбургский университет, став первым русским, получившим там степень магистра искусств после защиты диссертации по философским основам искусства трагедии. В 1781 году он был избран членом британского Королевского общества, находившегося под высочайшим покровительством британской Академии наук. По этому случаю 17-летний молодой князь и его матушка были приняты королем Георгом III.

Нет, Павел Дашков отнюдь не был так «прост», как ядовито заметила о нем Екатерина II. Слишком уж сын Екатерины Дашковой, унаследовавший красоту и силу отца и способности матери, отличался от ее собственного сына — Павла Петровича. К тому же молодой Дашков и его мать, поддержанные Потемкиным, с негодованием отвергли малопрстойное предложение Григория Орлова приблизить («и очень-очень приблизить!») красавца и умницу Павла Дашкова к императрице... Об этом недоброжелатели не преминули, соответственно подав дело, сообщить императрице. Этому монархи тоже не прощают. П. М. Дашков стал генералом, но «большого ходу не имел, несмотря на свои дерзания».

Неудачный, с точки зрения матери, брак, он обвенчался с дочерью купца, заставил вспылчивую и очень гордившуюся чистотой своей крови

княгиню Дашкову порвать все отношения с сыном, в котором она теперь полностью разочаровалась.

Конец 1770-х – начало 1780-х годов. Княгиня Дашкова в центре всех крупных научных дискуссий в европейских университетах, при этом она особо интересуется организацией научной деятельности. На сей раз она не чуждается проявлений открытого преклонения. Сам великий Гудон отливает ее бронзовый бюст и ставит на обозрение рядом с бюстами Вольтера и Бенджамина Франклина.

Во время очередного визита во Францию Екатерине Романовне «оказалось скушным» прибыть в Версаль. Королеву Марию-Антуанетту она принимает у себя по-домашнему. Музицировали вместе, пили чай и ничем не осложнили отношений между Францией и Англией, чем был бы чреват формальный визит первой статс-дамы России ко французскому двору.

Как бы Дашкова ни отмахивалась от намеков, что она «дипломат из первых в Европе», по ее собственному выражению, «душе ее было вполне покойно располагаться между Наукой, Искусством и Политикой».

1781 год. Дашкова в Вене. Конечно же, только для осмотра знаменитой картинной галереи и императорского музея. Весьма удачно, как всегда, как-то само по себе, чисто случайно ее приглашает на беседу премьер-министр Австрии граф В. А. Кауниц. Ему она приватно, но подробно излагает понимание «Греческого проекта» Екатерины и путей сотрудничества Австрии и России в возможном воссоздании на развалинах Османской империи самостоятельных греческого и славянского государств — наследников Византийской империи. Затронуты и вопросы взаимодействия Российской и Австрийской империй в делах культуры и торговли.

На сей раз ей не пришлось петь романсы. Все было просто, достойно и очень весомо. И главное — к очевидной пользе и для ее Отечества, и для императрицы, и для нее лично... Награды за второй европейский вояж были весомы: имение Круглое, дома в Петербурге и в Москве, чин капитана гвардии для сына, а главное — «просите, мой друг, что Вам угодно...»

Она не просит ничего. И получает — не назначение, а августейшую просьбу. Стать директором Академии наук в Петербурге.

Две Екатерины окончательно договорились обо всем как раз на Рождество, конце декабря (старого стиля) 1782 г. Были выделены средства от казны на покупку для директора пристойного особняка на Английской набережной, дом 16. Деликатность ситуации заключалась в том, что формально президентом Императорской Академии наук в 1746–1798 гг. был Кирилл Разумовский, «по совместительству» — гетман Малороссии и

генерал-фельдмаршал. Он возглавил Академию, созданную еще Петром I, в возрасте 18 лет лишь потому, что был родным братом тайного супруга императрицы Елизаветы Петровны — Алексея Разумовского. Академическая мантия была явно не по плечу бывшему пастуху. «Прискучив учеными делами», он довел Академию до состояния «совершенно развалившегося воза», как горестно заметила Екатерина Романовна, принимая дела по Академии.

Кандидатура императрицей была подобрана идеально. Трудно было бы найти и в европейских, и в русских научных кругах личность более просвещенную и высокоавторитетную.

Пробил звездный час Екатерины Дашковой. Первые самостоятельные научные идеи сформировались у Екатерины Романовны во время ее поездок по Европе.

«Невежество и деспотизм суть главные наши супостаты, коих преодолеть нужно через науку, — писала она. — А еще надо изжить две российские беды: говорить “как-нибудь обойдется” и употреблять кнут как пружину государства...»

За 11 лет своего фактически полного руководства Академией Дашкова буквально возродила ее на принципах единства науки и образования, подготовки кадров. Типография, дабы печатать труды академиков, создание условий, «ограждение их от тщетных забот о ежедневном пропитании, кои иссушают мозг и холодят душу», — в этом Дашкова увидела свой долг перед российской наукой и выполняла его с присущей ей последовательностью. Буквально на глазах возродилась к жизни Императорская Академия наук.

Были изданы труды М. В. Ломоносова. Ее попечением выходят два периодических издания, публикуются карты России, описания российских провинций. Цвет русской интеллигенции собрала вокруг себя Дашкова в Российской Академии — Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, М. И. Херасков, Я. Б. Княжнин. В XIX в. членами Российской Академии станут И. А. Крылов, В. А. Вяземский, А. С. Пушкин и другие светочи Отечества.

«Доблестный начальник», «покровительница муз», она, вероятно, первая в России осознала важность объединения естественных и государственных наук как в самом начале — при гимназическом образовании молодежи, так и «поощрение наук, когда оные станут предметом деяний ученых мужей».

Член Филадельфийского философского общества, рекомендованная туда самим Бенджаминотом Франклином, и деятельный сотрудник Вольного

российского научного собрания, Дашкова много работает сама — переводит, сочиняет, редактирует. История, словесность, воспитание юношества... и венец ее организаторской и научной деятельности — Словарь Академии Российской.

Дашкова проводит свои идеи в жизнь с твердостью, мало импонировавшей Екатерине, которой в ту пору всюду мерещились вперемешку Пугачев, якобинцы, Франклин... В конце 1791 г. скончался Г. А. Потемкин. Дашкова утратила стойкого сторонника своих действий. Очередное охлаждение в дружбе двух Екатериин было неизбежным.

14 августа 1794 г. Дашкова простилась с членами Российской Академии и академиками Петербургской Академии, поцеловав каждого. Она уезжала в двухгодичный отпуск. Оказалось — в отставку.

С приходом к власти Павла I Екатерина Романовна была удалена в ссылку, в новгородское захолустье. Томила, диктовала и правила свои «Записки». Просила разрешения вернуться в любую из столиц. Ее конфидененты при дворе положили одно из таких прошений под распашонку младенцу Николаю, будущему императору Николаю I.

Павел Петрович взял сына на руки, письмо выпало. Император прочел и улыбнулся:

— Слегка подмочено, но к ее репутации это не относится. Пусть возвращается в свое Троицкое...

Она пережила еще одного монарха. В марте 1801 г. Дашкова вернулась в свой дом на Никитской в Москве (сейчас на этом месте здание консерватории). Была обласкана при дворе, но от прежних должностей отказалась. Последние ее годы прошли в одиночестве, заполненном завершением мемуаров. Впервые ее «Записки» были изданы только в 1840 г., в Лондоне.

— Какая женщина! Какое сильное и богатое существование! — сказал о ней А. И. Герцен.

Созданное три года назад в Петербурге Воронцовское общество ревнителей истории этой замечательной семьи в 1993 г. провело международную конференцию, посвященную 250-летию со дня рождения Е. Р. Дашковой. Сейчас готовятся к печати новые исследования, посвященные нашей замечательной соотечественнице, ее негласной деятельности.

1996 год — 200-летие со дня кончины императрицы Екатерины II. На международной конференции по этому поводу пойдет речь и о двух Екатеринах. И, конечно же, о значении политической разведки в истории нашего Отечества в период их царствования тоже.

Русское присутствие в Средиземном море

Геополитические маневры и военные действия периода русско-турецкой войны 1768–1774 гг.²

К середине XVIII века Центральное Средиземноморье, в совокупности акваторий Эгейского и Ионического морей, собственно Средиземного (в другом наименовании — Белого) моря, а также земли материковой Греции и многочисленных островов стали своеобразной контактной зоной трех цивилизационных потоков и объектом геополитических устремлений Екатерининской России.

Первым был мощный прорыв России в Средиземноморье, на рынки Южной Европы. Без стабилизации международно-правового режима Черноморских проливов, без гарантий для торгового обмена Европа — Россия через Босфор и Дарданеллы, без посредничества многочисленного греческого торгового флота в торговле на Черном море, а турок-османов и европейских негоциантов — в Средиземном таковой прорыв остался бы на уровне геополитических амбиций Петербурга.

Завершился этот прорыв к исходу 90-х гг. XIX в., а вхождение России в эту контактную зону начиналось с освоения пространства, наиболее благоприятного для Петербурга и в известной мере подготовленного им в геополитическом и историко-культурном отношении. А именно — с островов Ионического и Эгейского морей, где память населения о России сохранялась с петровских и допетровских времен благодаря,

² В основу статьи положен не публиковавшийся ранее доклад, прочитанный автором на международной научной конференции «Русское присутствие в Эгейском море. 1768–1774 гг.». Наусса, Парос (Греция), 3–6 октября 2001 г.

в первую очередь, общим духовным, восточно-христианским в своей основе, ценностям.

Вторым цивилизационным прорывом было стремительное нарастание освободительного антиосманского движения греческого населения как островной, так и материковой Греции. Это движение отражало социально-экономический уровень развития региона, авангардный по сравнению с остальной османской метрополией. Торговый и культурно-религиозный обмен православных — греков и русских реализовывался преимущественно через островную часть контактной зоны, которую османы могли контролировать в наименьшей степени, утратив преобладающие геополитические позиции.

Наконец, **третий** поток — это устремление греческой формирующейся буржуазии к обмену культурными и материальными ценностями с Францией, Англией и другими странами Европы, что не исключало, а предполагало торговое взаимодействие с партнерами на Юге России и поиск защиты у русского флота³. Это и явилось важной составляющей экономического и отчасти — военного обеспечения средиземноморского вектора русской геополитики.

Россия раньше других держав осознала важность подробного картографического и гидрографического описания греческого Средиземноморья. В Российском государственном военно-историческом архиве (Москва) хранится обстоятельный «Атлас архипелажских островов»⁴, составленный по личному распоряжению императрицы Екатерины II. О большом внимании императрицы к этой проблеме свидетельствует, в частности, ее деятельная переписка с руководителями Первой архипелагской экспедиции в Средиземном море графом А. Г. Орловым и адмиралом Г. А. Спиридовым в самом начале похода русской эскадры в Средиземное море в 1769 г.⁵

³ Подробнее см.: Шеремет В. И. *Война и бизнес: Власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в новое время*. М.: TBS, 1996. С. 63–114; Mantran R. *Commerce maritime et économie dans l'Empire ottoman au XVIIIe siècle. Économie et société dans l'Empire ottoman (fin du XVIIIe – début du XXe siècle)*. Paris, 1983. P. 289–296.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 434. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–44; Смилянская И. М. К истории средиземноморской политики Екатерины II. *Восточный архив*. Вып. 2–3. М., 1999. С. 87. Имеется основанное на «Атласе...» издание. См.: *Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясняющее положение островов, крепостей, пристаней, подводных камней и мелей, число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории и с тремя чертежами*. СПб., 1786.

⁵ Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве МИД. *Сборник Русского исторического общества*. Т. X. СПб. 1872. С. 385; *Век Екатерины II: Дела балканские*. М.: Наука, 2000. С. 93–113.

В предисловии к Атласу его составители — русские моряки с полным основанием заявили, что первое описание Архипелага по всем правилам гидрографического искусства сделали именно российские мореплаватели.

Основные цели средиземноморского похода и причины особого интереса Петербурга к этой зоне Екатерина сформулировала четко: «Получить порт на острове... или на твердой земле... который стараться будем при мире [с Османской империей. — *Авт.*] удержать»⁶. Союзники-соперники в борьбе за Восточное Средиземноморье — Россия и Англия в те годы, то есть в эпоху екатерининского прорыва, не скрывали своих намерений включить какой-либо из средиземноморских островов в политическую игру: обмен, например, острова Минорка на отказ России от политики вооруженного нейтралитета.

Впрочем, эта политическая торговля относится уже к 1780-м гг., когда Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. открыл Босфор и Дарданеллы для русского торгового мореходства, а вхождение Крыма в состав Российской империи и русско-турецкий торговый договор 1783 г. улучшили позиции Петербурга в регионе в целом.

«Торгу» морских держав вокруг опорных баз в Средиземном море предшествовала деятельная и весьма хитроумная комбинация едва зарождавшейся российской «негласной» политической разведки и ее опытной «гласной» дипломатии. Хорошо известно, что еще Петр I с энтузиазмом, но непоследовательно, а потому безуспешно пытался объединить морские силы России, Австрии, Венеции и Ордена госпитальеров (Мальтийского Ордена) для действий против османов на море. Предполагалось, что на суше к Генуе и Пьемонту присоединятся «всегда бунтующие против турок греки»⁷.

Существенно опережавший военно-политическое обеспечение религиозно-доктринальный характер балканских идей Петра I оказался бесконечно далек от действительности. Ни Морея, ни Архипелаг на легковесные призывы не откликнулись. Разведывательное по заданию, невооруженное русское судно «Армонт» под Андреевским флагом «было встречаемо в Средиземном море с воодушевлением, но... не более того»⁸.

Ситуация изменилась после Семилетней войны, когда предприимчивая Екатерина II и не менее энергичный османский султан Мустафа III

⁶ Цит. по: *Восточный архив*. Вып. 2–3. С. 86. Подробнее о взглядах императрицы и ее окружения см.: *Век Екатерины II: Дела балканские*. С. 40–93.

⁷ См.: *Материалы для истории русского флота*. Ч. XI. СПб., 1886.

⁸ *Каллистов Н. Д. Архипелажская экспедиция. История русской армии и флота*. Т. 8. М. 1912. С. 53.

поняли, что от развития событий в Морее и на акваториях Эгейского и Ионического морей зависит новая политическая конфигурация и в Средиземном, и в Черном морях.

Стамбул стремился в корне подавить освободительное движение греков, поддерживал антирусские выступления в Польше, опирался на Францию, отчасти на Швецию и Австрию. Любая связь между фигурантами такого альянса предполагала использование морских путей. Фактическими хозяевами таковых путей (формальными оставались османы) были греки, мореходы и судовладельцы во многих поколениях.

Система Северного союза, прорабатывавшаяся в начале царствования Екатерины, в целях реализации упомянутого выше «екатерининского прорыва» предусматривала, кроме всего прочего, налаживание коммуникаций в Средиземном море. Это требовало большого числа морских офицеров для флота, предпочтительно с боевым опытом и единоверцев. Всем этим требованиям удовлетворяли греческие мореходы⁹.

В свою очередь, греки были заинтересованы в активной политике с применением военных акций. Единоверная Россия, в 1768 г. поднявшая, наконец, флаг борьбы с османским режимом, воспринималась греками как держава-освободительница. Этому способствовало и то обстоятельство, что центр греческой эмиграции в России с XVII в. город Нежин был заселен жителями Эпира, Македонии и островов Эгейского моря. Экономически активные, они были патриотами новой родины, но и преданными сынами Эллады, где у них, как правило, оставались прочные родственные и... деловые связи¹⁰. Греки участвовали также в экономическом освоении Юга России. Для них активная позиция России по защите своих южных рубежей и обеспечению безопасности морской торговли означала реальные шаги к освобождению от османского ига — как фактора и политического, и экономического.

Мощный стимул развитию процессов в архипелагской контактной зоне дала русско-турецкая война 1768–1774 гг. Автору этих строк уже приходилось обращать внимание на тот факт, что в самой России конца XVIII в. трагическая участь гонимых греков, черногорцев, сербов, болгар воспринималась как наследие ненавистного татаро-монгольского владычества, сокрушить которое «Господь доверил русскому народу»¹¹.

⁹ Шеремет В. И. *Война и бизнес*. С. 63–86; Черкасов П. П. Франция и русско-турецкая война 1768–1774 гг. *Новая и новейшая история*. 1996. № 1.

¹⁰ См.: *Век Екатерины II: Дела балканские*. С. 80–81.

¹¹ Шеремет В. И. Генерал-аншеф А. Г. Орлов: «На кону стоял весь европейский политик России». *Военно-исторический журнал*. 1996. № 5. С. 51.

Таковы были основные экономические и идеологические принципы, на которых выстраивались политические комбинации. Уместно заметить, что на первом же заседании Государственного совета 4 (15) ноября 1768 г., созванного Екатериной в связи с войной с Турцией, обсуждался вопрос о действиях в Архипелаге. Речь шла о главной для того момента политической цели Петербурга — обеспечить свободу российского судоходства на Черном море. Как заметил блистательный герой Семилетней войны генерал-аншеф П. И. Панин, без похода в Архипелаг и без склонения на свою сторону воинственных островных греков «обойтись никак не возможно».

Его поддержали и другие военачальники и политики. Екатерина подтвердила — без помощи греков невозможно оградить юго-западные границы Российской империи.

Вероятно, это и было одно из первых документально засвидетельствованных выступлений в правительственных кругах России в пользу того, что Россия может выйти в мировой океан не просто через Черноморские проливы, но только опираясь на «конфиденцию и доверенность морского народа Архипелага»¹².

Раскрывая соотношение политических и силовых акций в Средиземноморье, следует сделать еще одно замечание. Блистательному и победоносному проходу российской эскадры в Архипелаг в 1769–1770 гг. предшествовала некая таинственная «авантюра», осуществленная самой императрицей и ее конфидентами — ближайшим окружением.

Екатерина II еще в 1763 г. через доверенных лиц стимулировала строительство компанией тульских коммерсантов торгового судна, специально подготовленного для плавания в «Медитерренском море». В итоге же появился... боевой фрегат для плавания в Средиземном море «и особливо среди островов»¹³.

В Российском государственном архиве древних актов (фонд 10 — «Кабинет Екатерины II») содержатся, на наш взгляд, не вполне достоверные сведения о том, что походу такого «фрегата-купца» в Средиземное море предшествовала поездка в Морею двух греков, дабы уведомить местных негоциантов и доверенных лиц о скорой войне за освобождение от турецкого ига.

¹² Золотарев В. А. *Под российским Андреевским флагом* / Предисл. В. И. Шеремета. М.: Русина; Полководцы Отечества, 2000. С. 15.

¹³ Смилянская И. М. *К истории средиземноморской политики...* С. 90.

Курировали тайных эмиссаров на Пелопоннес братья Алексей и Григорий Орловы, сами «авантюрьеры из первейших», но при полном доверии императрицы.

Отчеты этих греков — Георгия Папазоли и Манолиса Саро были переполнены восторженными описаниями того, что греки Мореи только и ждут прихода избавителей-русских, они «бросились бы тотчас на соединение с русскими... но надобно снабдить их пушками». Отчет долго вдохновлял воинственную императрицу и ее конфидентов — «инспираторов греческого пробуждения» братьев Орловых, а много позднее в той же тональности и без должной критики был воспринят историками XIX в.¹⁴

Турецкие века-и нювисы, т. е. официальные историографы, дотошно фиксировавшие любые смуты или призывы к ним, исходившие из страны «Мужикистан», т. е. из России, об этих эмиссарах не сообщают, что, впрочем, не означает, что среди греков не провозглашалось о скором приходе русского флота к берегам Мореи.

В Архиве внешней политики Российской империи в фонде 41/3 («Сношения России с Венецией») отложились документы о некоем венецианском банкире и аристократе Пано Маруцци, которому покровительствовал хладнокровный и осторожный глава Коллегии иностранных дел Н. И. Панин. Венецианский маркиз Пано Маруцци, янинский грек по происхождению, взял на себя финансирование русской Архипелагской экспедиции. В обмен он получил русское подданство, орден Св. Анны и некие туманные перспективы вознаграждения от России, но в «земле, где оный [маркиз Маруцци. — В. III.] нам [Петербургу. — В. III.] со временем и не бесполезен быть может»¹⁵.

Документы российских архивов содержат еще ряд секретных проектов, впрочем, не столь масштабных, относительно подготовки восстаний на Балканах в поддержку похода российской эскадры. В первую очередь речь идет об островах Архипелага и о жителях Черногории, которые во времена Петра I охотно поступали на морскую службу России. Спустя полсотни лет в их семьях хранились «ласковые грамоты» петровской эпохи, иные «знаки отличия», тщательно сберегаемые.

¹⁴ *Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX веков.* СПб., 1873; Соловьев С. М. *История России с древнейших времен.* Соч. Кн. XIX. М. 1994. С. 272.

¹⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 41/3. Сношения России с Венецией. Ед. хр. 13. Л. 1; Восточный архив, № 2–3. С. 95.

Естественно, что широкую известность в Морее и на островах Архипелага получило выступление в Государственном совете России графа Г. Г. Орлова с предложением создать фонд освобождения православных христиан. Средства его предполагалось направить на подготовку восстания в Морее, в Архипелаге и на материковой Греции против казавшегося пошатнувшимся османского владычества¹⁶.

Эйфорию Г. Г. Орлова в Петербурге и немалую активность метавшегося по Южной Европе А. Г. Орлова, который, где мог, тайно вербовал греческих судовладельцев и капитанов, дабы «разжечь сильный огонь» в Архипелаге и в Черногории и помешать туркам противодействовать русской эскадре в Средиземноморье, следовало бы рассматривать с учетом двух обстоятельств.

Во-первых, «сокрушительной приверженности» значительной части екатерининского окружения к тому, что мы сейчас назвали бы созданием на Балканах сети агентов влияния из «числа природных греков». Во-вторых, единодушием греческих коммерсантов из Нежина и других городов Юга России, но более всего греческой аристократии, обосновавшейся в Венеции, Черногории, Италии, во всем, что касалось подрыва османского господства на торговых путях Черного и Средиземного морей¹⁷.

Трезвая сдержанность Екатерины и Н. И. Панина, присущая им, когда надо было переходить от широковещательных заявлений к реальным шагам, не позволила горячим головам ни в России, ни в Греции броситься в убийственный омут неподготовленных восстаний. «Регулярство и послушание» вкупе с собственными усилиями народов по освобождению от «иноземного (читай — турецкого) ига» оставалось в центре внимания Екатерины и ее адмиралов в период похода русских кораблей в Средиземном море. Отнюдь не всеобщее «сокрушение устоев и порядков» в населенных христианами землях было ее целью, а создание такого соотношения сил, чтобы «злочестие агарян» [османское иго. — В. III.] пало вследствие коллективных усилий славян, греков и держав, «в соседстве с ними обретающихся»¹⁸.

¹⁶ Архив Государственного совета. СПб. 1869. Т. I. С. 357.

¹⁷ Подробнее см.: *Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век*. М.: Гелеос, 2000; В. И. Шеремет и др. *Разведка была всегда...* М.: Армада, 1998; *Tajne operacije ruskih specijalnih službi od IX do XXI veka*. Beograd: Paideja, 2001. S. 70–108.

¹⁸ Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа А. Г. Орлова-Чесменского. *Сборник Русского исторического общества*. СПб. 1867. Т. 2. С. 2, 31; *Восточный архив*. Вып. 4–5. М., 2000. С. 94–95.

На это были направлены не столько благозвучные прокламации для «простого народа», сколько выверенные и осторожные послания Петербурга к властям Венеции и к Мальтийскому ордену, содержавшие заверения, что Россия готова действовать в интересах общего порядка на море, против «пиратства, злодейства и угнетения». Последнее можно было воспринимать как угодно, но только не как идею разжигания всеобщего пожара в османских владениях. Умеренность Петербурга первыми правильно оценили именно мальтийские рыцари, приходившие на службу во флот России строго в индивидуальном порядке и не участвовавшие в политических демаршах братьев Орловых в Южной Европе и на Балканах¹⁹.

Итак, к началу Архипелагской экспедиции в Петербурге уточнили возможности и состав естественных союзников России в Средиземном море: греки островов и Мореи (Пелопоннеса), — определили и конкретные военные цели: разгром морских сил Османской империи в Средиземноморье. Наступало время военных действий.

В феврале 1770 г. 1-я эскадра Архипелагской экспедиции под командованием адмирала Г. А. Спиридова достигла полуострова Мореи, где располагались внушительные силы войск Османской империи, и высадила десант. При поддержке восставших греков русские моряки вскоре овладели городами Мизитра (Мистрас) и Аркадия. Турки, обескураженные объединенным натиском, терпели одно поражение за другим, теряя контроль над побережьем.

Вскоре подросла 2-я эскадра под командованием английского контр-адмирала на русской службе Джона Эльфинстона. Развернулись широкие военные операции против турецких эскадр в морских водах; одновременно осуществлялись множественные десантные операции. В них неизменно принимали участие греческие повстанцы, легкие на подъем и скорые на отступление при первых же неудачах.

Но массового греческого повстанческого движения, на которое рассчитывали в Петербурге, не было. По свидетельству современников, маломерные греческие суда не могли на равных участвовать в морских сражениях, а страх перед возмездием турецких карателей на суше заставлял их не ходить в дальние (даже в пределах Эгейского или Ионического моря) походы²⁰.

¹⁹ Шеремет В. И., Зеленина Л. В. Россия и Мальта: триста лет дружбы. *Военно-исторический журнал*. 1998. № 6. С. 72–80.

²⁰ Веселаго Ф. Ф. *Краткая история русского флота. С начала развития мореплавания до 1825 года*. Изд. 2-е. М.–Л.: Военно-морское издательство НК ВМФ СССР, 1939. С. 96; Шеремет В. И. *Генерал-аншеф А. Г. Орлов...* С. 52–53.

Оторванность от родных берегов, отсутствие надежных баз и лукавая, двойного стандарта политика петербургских властей — греков освобождаем, но порядки соблюдаем, — заставили главнокомандующего силами Архипелагской экспедиции А. Г. Орлова и его адмиралов принять беспримерное по смелости, скорее политическое, чем военное решение.

Дать сильному турецкому флоту генеральное сражение в греческих водах. На виду у Греции и всей Европы. Либо победа, либо... Впрочем, другого варианта не существовало. Дисциплина и боевая выучка на русских кораблях, душевный подъем простых греков, которые умоляли российских моряков взять «их жизни в обмен на свободу», были поразительны.

— Расею обороняем, — говорили на кораблях, — христиан освобождаем. За такое дело и помереть можно!²¹

Наступательная тактика и не в последнюю очередь моральная поддержка греков, советы их опытных капитанов и лоцманов оправдали себя. 10 (21) апреля 1770 г. бригадир артиллерии Иван Абрамович Ганнибал после непродолжительной, но плотной блокады взял город и крепость Наварин на берегу Ионического моря. Впоследствии А.С. Пушкин с гордостью писал о своем прадеде — «арапе» Петра Великого Абраме Ганнибале, о подвиге своего двоюродного деда Ивана Ганнибала:

И был отец он Ганнибала,
Пред кем из чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин²².

Победа при Наварине над турецким флотом, располагавшим существенным преимуществом в пушках, имело огромное значение и для русской эскадры, и для греков.

Дело в том, что на кораблях под османским флагом служили смешанные команды — из турок и греков, которых набирали с островов и из прибрежных селений. Раздираемым этническими и религиозными противоречиями османским экипажам впервые противостояла сплоченная сила. Это были моряки русского военного флота, боевая выучка и самоотверженность которых поражали современников.

²¹ Шеремет В. И. *Генерал-аншеф А. Г. Орлов...* С. 53.

²² Пушкин А. С. *Стихотворения, поэмы, роман в стихах*. М.: Воениздат, 1989. С. 170.

По словам османского летописца, русский флот был, вероятно, «перенесен из страны Мужикистан, из моря, Балтик называемого, через Джебель ат-Тарик [Гибралтар. — *В. III.*] прямо в Богоспасаемые пределы не иначе, как волшебством. Может быть, волей Всевышнего...»²³.

В мае-июне 1770 г. русская эскадра предприняла ряд попыток сблизиться с главными силами турецкого флота. Безуспешно. Турки уклонялись от генерального сражения.

20 июня 1770 г. (по старому стилю) в Петербург идет раздраженно-хвастливая депеша А. Г. Орлова: «...Неприятель везде бежит, укрываясь между Архипелажских островов»²⁴.

Однако дело обстояло не так просто. Опытный турецкий реала-бей, второе лицо в командовании флотом, бывший алжирский пират на османской службе Джезаирлы Хасан-бей постепенно стягивал разбросанные по десяткам гаваней Средиземноморья боевые корабли к проливу и острову Хиос у Эгейского побережья Малой Азии.

Припомним, что вся островная и часть материковой Греции были охвачены повстанческим движением. Район острова Хиос и города Чесма на анатолийском берегу относились к местам, где еще не пылал пожар восстаний. Турки стремились измотать русских, запутать в бесчисленных проливах Эгейского архипелага. Задача была увести их подальше от Мореи, подставить под огонь береговых батарей и «сломать» о приморские крепости, которые османские гарнизоны обороняли умело и стойко.

И еще два обстоятельства, забытые современными исследователями. Во-первых, Хасан-бей намеренно завлекал русские парусные корабли в систему мелких гористых островов, так как здесь они должны были обязательно «потерять ветер» и могли стать сравнительно легкой добычей опытных и беспощадных абордажных команд турецких гребных галер типа «кадырга» и «кырлангыч»²⁵.

Во-вторых, в арсенале османского флота еще со времен средневековья присутствовало такое грозное оружие, как брандеры. Под клотик начиненные порохом и нефтью, ведомые смертниками-шехидами, эти кораблики должны были спалить дотла большую часть русского флота.

²³ *Гольшен-и хюлефа (Сад халифов)*. Дер-и саадет (Иstanbul), 1793. С. 871 (арабская графика); Шеремет В. И. *Генерал-анишеф А. Г. Орлов...* С. 54.

²⁴ Цит. по: Тарле Е. В. *Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769–1774*. М.–Л.: Изд-во Академии наук, 1940. С. 40.

²⁵ О роли гребных галер в османском флоте и их тактике в сражениях XVIII в. подробнее см.: *Селим-челеби*. Султанша — сестра императрицы. *Геополитика и безопасность*. Вып. 4. М., 1996. С. 39–41.

Выполнить этот замысел могли только высокопрофессиональные и очень мужественные моряки. Такие у османов были. И если на практике все обернулось совсем иначе, то благодаря превосходству русских моряков в боевом искусстве, флотской выучке, решительности и вновь — помощи греческих шкиперов.

23 июня (4 июля) 1770 г. русская эскадра, наконец, настигла османский флот, вставший на якорь в Хиосском проливе, в виду Чесменской бухты и крепости с тем же названием на берегу Малой Азии.

Удачное кильватерное построение по ветру помогло русским кораблям сблизиться с турецкими многопушечными линейными кораблями. А те встали (скорее всего, были намеренно так поставлены греческими лоцманами) столь неловко, что как бы отгородили верткие, не нуждавшиеся в ветре османские боевые галеры от надвигавшихся русских кораблей.

Исход боя не был предreshен до последнего момента. Два героя — капитаны флагманов, Г. А. Спиридов и Хасан-бей пошли на взаимный таран, заливая друг друга пушечным и ружейным огнем. Спиридов облачился в парадный мундир, приготовил пару пистолетов, обнажил шпагу. Вызвал к себе на ют музыкальную команду. Осенил каждого крестным знаменем и приказал:

— Играть до последнего!

На 100-пушечном «Реал-Мустафе» 40-летний Джезаирлы Хасан-бей с двумя ятаганами в руках уже готов был ринуться на борт русского корабля во главе абордажного отряда. Не пришлось.

Рухнула со всем своим пылающим такелажем грот-мачта «Реал-Мустафы», упала прямо поперек сцепившегося с ним русского флагмана «Евстафий». Через несколько минут сильнейший взрыв зарядных погребов уничтожил оба флагмана.

За считанные секунды до рокового взрыва Спиридов спустился в шлюпку и отплыл через кипящее море огня. Капитан же «Евстафия» Александр Круз оставался на горящем корабле вместе с отважно игравшими музыкантами. Их выбросило в море взрывной волной. Хасан-бей тоже встретил взрыв на капитанском мостике. Он был изранен, упал в воду. Его подобрала подоспевшая с берега шлюпка.

Русским кораблям и морякам предстояло свершить то, что томительно и долго обдумывали политики, — добыть и закрепить победу российского флага в Средиземном море. Через несколько часов после сражения в Хиосском проливе А. Г. Орлов, не заботясь о красоте слога и правилах грамматики, написал самый знаменитый приказ в своей жизни:

«Наше дело должно быть решительное, чтобы оный [османский. — В. III.] флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы иметь к дальним победам свободные руки»²⁶.

Решение ворваться в набитую турецкими кораблями Чесменскую бухту было из тех, что принимают раз в жизни. На рейде Чесмы стояло 15 турецких линейных кораблей, 6 фрегатов, множество других судов. Неудачная атака могла стать последней для русской эскадры. Пути отхода были фактически отрезаны... И грянул бой.

...К утру 26 июня (7 июля) 1770 г. турецкий флот перестал существовать. Триумф русского оружия был полный. Потерь кораблей в русской эскадре не было²⁷. На наградной медали участников Чесменской эпопеи изображен горящий турецкий флот и выбито одно слово: «Был». Говорили, что так предложил Алексей Орлов.

За 1771–1773 гг. русские корабли в Архипелаге перехватили свыше 360 турецких судов, осуществлявших военные перевозки. Практически все было осуществлено с помощью греческих капитанов. Война 1768–1774 гг. в немалой степени была выиграна благодаря Архипелагской экспедиции. После Чесмы последовало трехлетнее пребывание российского Андреевского флага в греческих водах²⁸. Греки вооружались, а главное, — поверили в возможность путем военных действий освободиться от османского ига. Фактически они уже не складывали оружия до полной победы и освобождения после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и проведения Греческой республики.

Так реальная боевая действительность и взаимопомощь русских и греков на море оказались действеннее многолетних политических комбинаций. Впрочем, без таковых, а также без союзнического взаимодействия с Англией и благожелательной позиции влиятельных торгово-мореходных кругов Южной Европы само осуществление выдающегося по своему размаху и решительности прохода российских военных кораблей в Средиземноморье оставалось бы призрачной мечтой еще нескольких поколений политиков и военных, причем не только в России.

Впрочем, в итоге сомкнулись три вектора — выход России в Мировой океан, свобода Греции и свободное коммерческое, выгодное всему торговому миру плавание в Черном и Средиземном морях.

²⁶ Веселаго Ф. Ф. *Краткая история русского флота*. М.–Л.: Военно-морское изд-во, 1939. С. 96.

²⁷ Золотарев В. А., Козлов И. А. *Три столетия Российского флота. XVIII век*. СПб., 2003. С. 374–387.

²⁸ Там же. С. 387–394.

Генерал-аншеф А. Г. Орлов: «На кону стоял весь европейский политик России»

Флоту — слава! Отечеству — польза!
*Из реляции генерал-аншефа А. Г. Орлова
после Чесменского сражения,
направленной в Санкт-Петербург
27 июня (8 июля) 1770 года*

Более чем два с четвертью века отделяют нас от легендарного морского сражения при Чесме летом 1770 года. «Дело при Чесме» вошло в учебники военной истории всех стран. Чесма знаменовала выход России на просторы Мирового океана. Чесма — это немеркнущая слава России, увековеченная в одной из трех полосок на форменке российского моряка.

«Ревность и желание всех находящихся со мною заслужить милость великой нашей государыни и оказать Отечеству услугу, — повергнуть гордость неприятеля и прославить морские наши силы — некоторым образом удовольствованы»²⁹, — так докладывал в Петербург 27 июня (8 июля) 1770 г. о только что происшедшем легендарном Чесменском сражении главнокомандующий морской экспедицией в Средиземном море граф Алексей Григорьевич Орлов. Брат Григория Григорьевича Орлова, того самого «вельможи в случае» при матушке-императрице Екатерине II, что возводил ее на трон в 1762 г., поскромничал в своей реляции. Через день после сражения он еще не осознал грандиозности события, случившегося в далеком от России Эгейском море.

²⁹ *Русский Архив, издаваемый Петром Бартечевым. М., 1876. Кн. 2. С. 279.*

«На-тка, что наши аржанушки чудесят», — писал Орлов под свежим впечатлением от Чесмы. «Аржанушки» — русские моряки, основной рацион которых подчас состоял из одних ржаных сухарей, да и тех было не вдосталь, обессмертили в ночном Чесменском сражении 26 июня (7 июля) 1770 года Российский военно-морской флаг.

Дорога к победе была трудной. Второй год шла русско-турецкая война (1768–1774) — первая из двух екатерининских войн за выход России к Черному и Средиземному морям.

Османская империя, утратив былую мощь и славу владычицы Черного, Красного и Белого (Средиземного) морей, упорно сопротивлялась появлению русского торгового и тем более военно-морского флага на просторах южных морей. В первую очередь речь шла, естественно, о Черном море. Россия была отрезана от средиземноморской и черноморской торговли, от сколько-нибудь стабильных морских связей с Южной Европой. Босфор и Дарданеллы, в который турецкие султаны традиционно на протяжении веков видели собственность Османской империи, были наглухо закрыты для российского флота. Поборы османских властей за перевозки русских товаров на турецких судах были столь велики и столь произвольны по форме взимания, что делали морскую торговлю России в том регионе совершенно невозможной. Торговля, мануфактурное производство, сельское хозяйство Центра и Юга России задыхались без обеспеченного вооруженным присутствием, безопасного выхода к Черному, Азовскому и Средиземному морям.

Нельзя не учитывать и того, что на огромных пространствах между Черным, Азовским и Каспийским морями в предгорьях Кавказа обитали полукочевые народы тюркско-калмыцкого этнического круга. Они являлись предметом постоянных воцелений Стамбула и Тегерана. Попади эти племена под владычество Турции или Ирана, жизненно важные для России берега теплых морей были бы еще более отдалены от нее во времени и пространстве.

И еще одно обстоятельство. Всего век назад от екатерининской эпохи, в период правления на Украине сына Богдана Хмельницкого Юрия, предавшего дело отца, в 70-е гг. XVII в. вся Правобережная Украина пусть короткий срок, но входила в состав Османской империи. Это явилось следствием антирусской политики части казацкой старшины, вступившей в сговор с исконными врагами украинского народа — турками, крымскими ханами и польско-литовскими феодалами. Соглашения эти сгинули вместе с интриганами, боровшимися с «москалями» любыми способами,

но память о стоявших на Подолии турецких гарнизонах была свежа и на протяжении XVIII века³⁰.

Отточенным ятаганом над горлом Южной России нависал Крым. Его правители — бахчисарайские ханы из рода Гиреев были прямыми потомками Чингисхана. На протяжении столетий они выступали союзниками Турции, Литвы и Польши, а иногда и Швеции в их борьбе за обладание русскими землями и ослабление российской государственности.

С начала XV в. крымские ханы — вассалы Османской империи — изматывали молодое, еще не оправившееся от ордынского ига Московское государство постоянными военными набегами. Четыре столетия подряд русские полоняне не только из южных, но и из центральных районов России пополняли несметные ряды рабов-гребцов на галерах. Тысячи русских рабынь, проданных на невольничьих рынках Стамбула и Измира, Анталы и Алеппо, Бейрута и Каира, давали жизнь новым подданным османских султанов.

Далее терпеть этот разбой новая сильная Россия не могла.

Русский народ, как, наверное, никакой другой народ в мире, отзывчив на чужое горе. За Дунаем и Прутом, на Балканах стонали под османским гнетом десять миллионов славянских и греческих братьев, свято веривших, что Москва — оплот православия — поможет им в неравной борьбе за свободу. В самой России XVIII в. трагическая участь греков, черногорцев, сербов, болгар, «волохов» (валахов) и молдаван воспринималась как наследие ненавистного ордынского владычества, сокрушить которое «Господь доверил русскому народу».

Петр I и его преемники прекрасно понимали эти народные чувства и не раз бросали полки на юг, к Черному морю. Но успех отдельных военных экспедиций не менял радикально геополитическую ситуацию. Силен был еще Стамбул, а Парижу и Лондону, Вене и Стокгольму совсем ни к чему было появление новой мощной силы — русского флота на морях, а русского рубля — на рынках Южной Европы.

Перед Россией к исходу XVIII века сама история поставила задачу выйти, наконец, вопреки ожесточенному сопротивлению крымских работорговцев и османских янычар, козням коварных европейских коммерсантов, к Черному и Средиземному морям, к Атлантике, иначе говоря, восстановить прерванные татаро-монгольским нашествием вековые

³⁰ О полузабытой истории борьбы Москвы и Стамбула за Украину см.: Шеремет В. И. Борьба с турками-османами на суше и на море. *Военная история Отечества*. М.: Мосгорархив, 1994. Т. 1. С. 173–188.

контакты восточных славян с народами Средиземноморья, Южной и Западной Европы.

Перечисленные выше социокультурные факторы тесно переплетались между собой. Именно они во многом обусловили тот факт, что в России все войны с Турцией в XVIII в. воспринимались как войны народные, а также имели заметный религиозный оттенок.

Защита юга России и выход к Черноморским проливам, причем с двух сторон, с Дунайского театра военных действий к Босфору, а через Средиземное море к Дарданеллам — таков был грандиозный замысел Петербурга в войне с Турцией 1768–1774 гг.³¹ Екатерина вознамерилась, как она говорила, «подпалить Турецкую империю со всех четырех сторон». В этой связи важнейшая роль отводилась грандиозной морской экспедиции Андреевского флага с Балтики в Средиземное море к Дарданеллам.

Первую эскадру, начавшую Архипелагскую экспедицию, возглавил бесстрашный и в то же время осторожный адмирал Г. А. Спиридов (общее командование осуществлял генерал-аншеф А. Г. Орлов). К тому времени Григорию Андреевичу Спиридову было 56 лет. 40 лет он проплавал на кораблях. По праву ему выпала честь руководить беспримерным в истории России предприятием.

Последовательно на протяжении 1769–1774 гг. вслед за эскадрой Спиридова еще четыре эскадры Балтийского флота (20 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирский корабль, 26 вспомогательных судов — всего более 50 вымпелов) одна за другой совершили многомесячные переходы из Балтийского моря вокруг берегов Центральной, Западной и Южной Европы в Средиземное море. В этих трудных походах русским морякам довелось испытать на себе не только штормы коварной Атлантики. Они столкнулись и с настороженным отношением англичан, ревниво следивших за прохождением российского флота через Па-де-Кале, Ла-Манш и Гибралтар, и с откровенной враждебностью французов и испанцев, вознамерившихся было помешать переброске русских кораблей. Западноевропейцам явно не нравилось появление Андреевского флага в этих водах.

Но вопреки всему две русские эскадры уже в первой половине 1770 г. оказались в тылах Османской империи — в Восточном Средиземноморье, Ионическом и Эгейском морях. Совершенное ими плавание не может не

³¹ Подробнее см.: Шеремет В. И. Война и бизнес. *Власть, деньги и оружие на Ближнем Востоке и в Европе*. М.: TBS, 1996. С. 69–81.

удивлять, ведь и сегодня оно относится к морским переходам высшей категории сложности.

И тем не менее поход прошел успешно. Выйдя из Кронштадта 18 июля 1769 г., 1-я эскадра адмирала Г.А. Спиридова в феврале 1770 г. достигла берегов принадлежавшего Османской империи греческого полуострова Морея (ныне Пелопоннес) и высадила первый десант. В этом же месяце русские десантные войска совместно с восставшими греками овладели городами Мизитра (Мистрас) и Аркадия. На подходе к греческим берегам была уже 2-я эскадра под командованием контр-адмирала Джона Элфинстона, англичанина на русской службе, опытного командора. Наряду с высадкой десантов эскадра Спиридова разворачивала действия против турецкого флота в прибрежных морейских водах. Однако, несмотря на успешное начало операции, у генерал-аншефа А. Г. Орлова, под общим командованием которого действовали русские эскадры и силы десанта, были основания для тревоги.

Он довольно быстро расстался с надеждами, которыми в начале экспедиции был полон. Из Петербурга виделась Высокая Порты, павшая в прах под ударами греческих повстанцев и русского флота. Однако всеобщего восстания балканских подданных султана все-таки не произошло. Восставшие греки на островах в Ионическом и Эгейском морях, к которым подходили русские корабли и на которые высаживались десанты, хотя и «присоединились к ним (русским войскам. — В. III.), в значительных массах и с полной готовностью шли против ненавистного им неприятеля, — писал известный историк русского флота Ф. Ф. Веселаго, — но во время боя при первой опасности обращались в бегство, оставляя в жертву туркам малочисленные отряды русских. В случае же успеха их невозможно было удержать от варварских истязаний побежденных неприятелей»³².

Оторванность от родных берегов, отсутствие собственных баз и ненадежность поддержки местного населения побудили А. Г. Орлова и его адмиралов принять очень смелое, но единственно верное решение. Турецкому флоту надлежало дать генеральное морское сражение. И либо победить, либо... А вот другого варианта ни для русского командования, ни для экипажей не существовало.

Дисциплина, боевая выучка и гордое воодушевление грандиозностью стоявшей задачи были на эскадрах поразительны.

³² Веселаго Ф. *Краткая история русского флота. (С начала развития мореплавания до 1825 года.)* Изд. 2-е. М.; Л.: Военно-морское изд-во НК ВМФ СССР, 1939. С. 96.

— Расею обороняем, — говорили на кораблях, — христиан освобождаем. За такое дело и помереть можно!

И не случайно ни одного дисциплинарного проступка за весь многомесячный поход!

Наступательная тактика оправдала себя полностью. 10 (21) апреля 1770 г. бригадир артиллерии Иван Абрамович Ганнибал после непродолжительной, но плотной блокады взял город и крепость Наварин на берегу Ионического моря. Впоследствии А. С. Пушкин с гордостью писал о своем прадеде — арапе Петра Великого Абраме (Ибрагиме) Ганнибале и о подвиге своего двоюродного деда И. А. Ганнибала:

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
и пал впервые Наварин³³.

Заметим, что И. А. Ганнибал, овладев этим укрепленным пунктом, успел сделать весьма точные схемы Наваринской бухты. В знаменитом Наваринском сражении 1827 г. они очень помогли российским флотоводцам одержать победу над турками³⁴.

Надо отдать должное: у русских моряков в 1770 г. противник был опытный и мужественный. Командовал турецкими эскадрами алжирский реала-бей (вице-адмирал) 40-летний Хасан Джезаирлы-бей, опытный и удачливый флотоводец. Номинальный главнокомандующий военноморскими силами Османской империи 60-летний Хусамеддин Ибрагим-паша купил свой пост капудан-паши в начале апреля 1770 г. В морском деле он не понимал ровным счетом ничего, но надеялся регулярно получать призовые деньги за корабли «франков» — европейцев, появившиеся в водах Османской империи. Он быстро понял, что русские корабли в Средиземном море — это воля Аллаха, и после двух-трех столкновений на море и на суше с «северными дьяволами», происшедшими у него на глазах, почел за благо отправиться руководить укреплением береговых батарей Дарданелл. На кораблях действующей эскадры более не показывался и в распоряжения своего заместителя-алжирца не вмешивался.

³³ Пушкин А. С. *Звезда пленительного счастья. Стихотворения, поэмы, роман в стихах*. М.: Воениздат, 1989. С. 170.

³⁴ Подробнее см.: Шеремет В. И. *Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса*. М.: Восточная литература, 1975.

Следует учесть, что экипажи османских кораблей были набраны из жителей средиземноморского побережья Турции, искусно владели абордажным боем и умело работали с такелажем.

Турецкий флот имел сильную артиллерию. Участник похода, будущий прославленный русский адмирал, а в начале Архипелагской экспедиции капитан-командор С. К. Грейг в своем дневнике составил таблицы с перечислением кораблей и количества пушек на каждом из них в русской и турецкой эскадрах накануне решающих сражений. Из таблиц видно, что если русские линейные корабли все имели по 66 пушек (за исключением «Святослава», вооруженного 80 орудиями), то флагманский турецкий корабль нес 100 пушек, другой линейный корабль — 96, еще четыре — по 84, один — 80, два — по 74, семь — по 60, на остальных было установлено от 40 до 50. По свидетельству Грейга, «турецкая линия баталии была превосходно устроена...»³⁵. Турки после Наваринского боя, перед Хиосом и Чесмой против русских имели 16 линейных кораблей, 6 фрегатов и более 60 каравелл, галер (их обслуживали и русские гребцы-рабы) и брандеров. На них стояло более 1400 орудий.

Эскадра Г. А. Спиридова насчитывала после соединения 22 мая 1770 г. с прибывшей 2-й эскадрой контр-адмирала Дж. Элфинстона 9 линейных кораблей, 3 фрегата и 18 других кораблей и транспортов. Общее вооружение ее составляло около 740 пушек³⁶. В артиллерии противник превосходил почти в два раза.

Но не стоит забывать при этом, что значительную часть экипажей турецких кораблей — до одной трети, а то и более — составляли греки, угнетаемый турками народ. Жители островов и побережий, потомственные умелые мореходы, они исправно выполняли свои обязанности, когда вели охоту за отдельными европейскими каперскими (то есть частновладельческими, специально вооруженными для действий на морских коммуникациях противника) кораблями или грабили торговые (в том числе русские) суда. При Чесме же, как ранее при Наварине и Хиосе, они дрогнули.

Смешанным, раздираемым этническими и религиозными противоречиями османским командам противостояла доселе невиданная здесь сплоченная сила — моряки русского военного флота, который, как писал

³⁵ Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход. *Морской сборник*. СПб.: Изд. Морского ученого комитета. 1849. Т. II. С. 801.

³⁶ *История русской армии и флота*. М.; СПб., 1912. Т. 8. С. 62–65.

турецкий летописец, «был, вероятно, перенесен из страны Мужикистан, из моря, называемого Балтик, через Джебель ат-Тарик³⁷ прямо в Богоспасаемые Пределы не иначе как волшебством. Может быть, волей Всевышнего»³⁸.

В мае-июне 1770 г. русская эскадра предпринимает попытки сблизиться с главными силами турецкого флота. Алексей Орлов и его брат Федор, также ставший участником экспедиции в надежде заслужить громкую славу и высокий чин, шлют в Петербург донесения, свидетельствующие, что неприятель уклоняется от боя.

Так, 26 мая (ст. ст.) 1770 г. Ф. Г. Орлов сообщает Екатерине, что «он со Спиридовым в подкрепление Элфинстону гоняется за турецким флотом, который после двух ошибок бежит, сломя голову...»

20 июня (ст. ст.) 1770 г. императрице направляется аналогичное донесение, дескать, «неприятель везде бежит, укрываясь между Архипелажских островов» (т. е. островов Эгейского архипелага)³⁹.

Думается, братья Орловы не совсем верно оценивали ситуацию, объясняя маневры османских капитанов исключительно боязнью боя с русскими. Ту же самую ошибку, кстати, повторил и известный советский историк Е. В. Тарле, с привычной для него легкостью рассуждавший в своих работах о русско-турецких войнах о «непобедимом страхе» турецких флотоводцев и сухопутных военачальников перед русским флагом. При этом он совершенно игнорировал известные факты отчаянной храбрости янычар, проявленные ими в сражениях с русскими, полководческого мастерства многих султанских визирей. Вспомним, что Малаховым курганом в 1855 г. мощным штурмом овладел алжирский зуавский полк. А хитроумная западня, в которую попал в Прутском походе 1711 г. Петр I, настолько ловко устроенная, что не оставила ему ни единой лазейки? Ведь Екатерине Алексеевне пришлось тогда пожертвовать личными драгоцен-

³⁷ Распространенное в то время на Востоке название Гибралтарского пролива. — Ред.

³⁸ *Гольишен-и хулефа (Сад халифов)*. Истанбул. 1793. С. 871 (арабская графика). Сходное удивление, смешанное с мистическим ужасом перед русским флотом, внезапно и столь грозно явившимся в турецкие воды, испытали многие османские государственные деятели и военные. В России их записки активно переводили в период Крымской войны 1853–1856 гг. См: *Рассказ Ресми-эфендия, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией*. Пер. с турецк. СПб., 1854; О сожжении турецкого флота при Чесме, из историографа Османской империи Ахмеда Васыфа-эфенди. Пер. с турецк. *Труды и летописи Императорского Общества истории и древностей российских*. М., 1837. Ч. VII.

³⁹ Цит. по: Тарле Е. В. *Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769–1774*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1945. С. 40; Русский Архив, издаваемый Петром Баргеновым. Кн. 2. С. 278.

ностями, чтобы выручить великого супруга из того отчаянного положения, в котором он оказался вместе со всей армией.

Данные турецких хронографов конца XVIII в. свидетельствуют, что и алжирец реала-бей имел хитроумный план уничтожения русской эскадры. Свой коварный замысел он реализовывал постепенно, незаметно стягивая разбросанные по десяткам гаваней Средиземноморья корабли к проливу и острову Хиос у малоазиатского побережья Турции.

Закономерен вопрос: почему именно этот район флотоводец султана выбрал в качестве западни, в которой предстояло погибнуть кораблям «неверных»? Объясняется это целым рядом причин — и геополитического, и оперативно-тактического характера.

Припомним, что вся островная и часть материковой Греции были охвачены повстанческим движением. Массовым недовольством, по свидетельству турецких хроник, были охвачены не только греческие, но даже османские поселения на Эгейском побережье Малой Азии. Фактически пламя восстания из колоний перекинулось на метрополию. Чесма относилась к местам сравнительно тихим и спокойным на анатолийском, далеком от военных действий берегу.

Далее, Екатерина II отправила флот «поднимать» не только Грецию, но и Левант, т. е. все Восточное Средиземноморье⁴⁰. Это обстоятельство опять-таки проглядел (или проигнорировал) Е. В. Тарле, анализируя цели и задачи 1-й Архипелагской экспедиции.

Известно, что А. Г. Орлов деятельно контактировал с влиятельными христианами Ливана, с арабскими шейхами Сирии и Палестины, стремившимися проводить самостоятельную внешнюю политику. Правитель Египта мамелюк Али-бей аль-Кабир к 1770 г. твердо придерживался курса на достижение независимости от Высокой Порты, он уже два года как не платил дань Стамбулу и не поминал в хутбе — пятничной молитве — имя османского халифа-падишаха — главы правоверных, что означало дерзкий вызов султану. Абхазский выходец, Али-бей сам объявил себя независимым султаном Египта, повелителем Белого (Средиземного) и Красного морей. Он захватил область Хиджаз на Аравийском полуострове и вступил в союз с одним из арабских шейхов Палестины Дагером, устоявшим позднее под натиском самого Наполеона.

⁴⁰ Рескрипт императрицы Екатерины I, данный на имя графа Алексея Орлова, 29 января (ст. ст.) 1769 г. *Сборник Русского исторического общества*. СПб., 1867. Т. 1. С. 2–13.

Али-бей настойчиво заверял А. Г. Орлова, что его родина — далекая от Египта Абхазия — мечтает отдаться под русское покровительство, а сам он — правитель Египта — лучший и вернейший друг России!

Андреевский флаг на пирамиде Хеопса, русские моряки в Каире и Александрии, в Бейруте и Палестине, где масса арабов-христиан, — такое было для османских правителей как дурной сон. Чтобы не допустить этого, султан и капудан-паша приняли решение во что бы то ни стало отвлечь русский флот от побережья Египта, попытаться «замотать» его в узкостях бесчисленных проливов Эгейского архипелага, подставить под огонь береговых батарей, уничтожить на анатолийском берегу русские десанты, если таковые будут высажены. А уж на своей земле воевать турки умели. В этом вскоре убедились и П. А. Румянцев и А. В. Суворов. Впрочем, и А. Г. Орлов не раз «спотыкался» о приморские крепости в Греции, которые оборонялись янычарскими гарнизонами с поражающим даже его упорством и какой-то особенной цепкостью.

И еще два обстоятельства, отмеченные современниками в документах, но почему-то забытые историками. Во-первых, Хасан-бей потому намеренно привлекал русские парусные корабли в систему гористых мелких островов, что здесь они обязательно должны были «потерять ветер», маневренность, а значит, могли оказаться сравнительно легкой добычей умелых и беспощадных abordажных команд гребных галер (их было сосредоточено в намеченном районе около двух десятков), не зависевших от ветра, как парусники⁴¹. Во-вторых, в арсенале османского флота еще со времен средневековья присутствовало такое грозное оружие, как брандеры. Летом 1770 г. Хасан-бей имел под рукой не менее полутора десятков брандеров, под клотик начиненных порохом, нефтью и легковоспламеняющимся составом, унаследованным османами еще от византийцев, знаменитым «греческим огнем».

Как собирались применить брандеры, поведал русским морякам один из уцелевших в огне Чесмы и спасенный капитаном Ф. Клокачевым турецкий офицер. Его рассказ в изложении современника А. Я. Глотова был опубликован в 1820 г. в журнале «Отечественные записки». Вот его фрагмент: «Флот вашего величества многочисленнее русского флота, — докладывал султану Мустафе III свой план морских сражений с русскими Гассан-паша (Хасан-бей. — *В. III.*). — Чтобы истребить русские корабли,

⁴¹ О роли гребных галер в османском флоте, применявшейся их экипажами тактике abordажного боя подробнее см.: Селим-челеби. Султанша — сестра императрицы. *Геополитика и безопасность*. 1996. № 4. С. 39–41.

мы должны с ними сцепиться и взлететь на воздух, тогда большая часть вашего флота останется и возвратится к вам с победою»⁴².

Выполнить этот замысел, надо признать, могли только высокопрофессиональные и очень мужественные моряки. Хасан-бей деятельно следовал своему плану. И если вышло совсем иначе, то лишь благодаря превосходству русских моряков над противником в боевом искусстве, флотской выучке, наконец, мужестве и решительности.

В двадцатых числах июня 1770 г. развязка начала приближаться столь же стремительно, как налетал порывами северо-западный ветер, попутный кораблям под Андреевским флагом. 23 июня (4 июля) 1770 г. русская эскадра настигла османский флот, бросивший якоря в Хиосском проливе, в виду Чесменской бухты и крепости с тем же названием на берегу Малой Азии (Анатолии).

Пока Г. А. Спиридов и А. Г. Орлов уточняли до 10 утра 24 июня (5 июля) детали боевого построения, ветер постепенно стихал. Однако удачное кильватерное построение по ветру помогло русским, хотя и медленнее, чем хотел Спиридов, но неуклонно сближаться с османскими линейными кораблями. Последние встали (или были намеренно поставлены греческими лоцманами⁴³) так неловко, что как бы отгородили османские боевые галеры от русских кораблей. И тут русские моряки совершили поразительный по точности и слаженности действий маневр. При почти стихшем к полудню ветре русская эскадра сумела развернуться бортом к туркам и открыла убийственный прицельный огонь с 0,5 кабельтова, т. е. примерно с 90 метров!

Казалось бы, исход боя был предreshен. Однако линейный корабль «Евстафий», на котором держал флаг Г. А. Спиридов, открылся огню трех самых мощных османских кораблей из-за того, что шедшую первой «Европу» капитана Ф. Клокачева стало сносить на камни.

Для команды «Евстафия», которого в свою очередь сносило прямо на османский флагман — 100-пушечный «Реал-Мустафа» под ураганным огнем двух других турецких кораблей, оставалось лишь одно — с честью погибнуть. Парусные гиганты сближались неотвратимо, посылая друг другу ядра и ружейные залпы. Г. А. Спиридов облачился в парадный мундир, обнажил шпагу, приготовил пару пистолетов и вызвал к себе

⁴² Цит. по: Тарле Е. В. *Экспедиция русского флота в Архипелаг в 1769–1774 гг.* М.; Л.: Военмориздат, 1945. С. 1.

⁴³ Эта версия современных турецких историков еще нуждается в достаточно веских доказательствах.

на ют музыкантскую команду. Каждого из музыкантов осенил крестным знамением и приказал:

— Играть до последнего!

Чудовищный грохот столкнувшихся бортами многопалубных гигантов на миг заглушил прощальный марш оркестра. В горячке начавшегося абордажного боя мало кто заметил, что загорелась грот-мачта «Реал-Мустафы». Подрубленная кем-то из русских безымянных героев, она рухнула со всем пылающим, как факел, такелажем поперек сцепившегося с ним «Евстафия». Сильнейший взрыв зарядных погребов уничтожил оба флагмана.

За считанные минуты до рокового взрыва Спиридов спустился в шлюпку и отплыл через кипящее море огня. Эскадра не могла остаться без командира. Капитан же «Евстафия» Александр Иванович Круз до последнего мгновения оставался на юте с отважно игравшими музыкантами. Его и еще 60 человек выбросило взрывной волной в воду. Погибло более 600 русских и до 800 турецких моряков. Хасан-бей тоже встретил взрыв на капитанском мостике. Он был изранен, но спасен подоспевшими с берега шлюпками.

Бой продолжался менее двух часов⁴⁴. Шлюпки — русские и турецкие — подбирали, по свидетельству очевидцев, и своих, и чужих. Гибель флагманского линейного корабля и тяжкие раны Хасан-бея потрясли турок.

Капудан-паша тем временем лихорадочно укреплял береговые батареи Чесменской бухты. На берег выкатывались бочки с порохом, спешно догружались стоявшие в бухте брандеры. Однако поспешность и непредусмотрительность не всегда сопутствуют успеху.

Тем временем на русской эскадре состоялся совет. По предложению Спиридова и с одобрения всех капитанов было принято решение: атаковать и уничтожить османский флот, укрывшийся в Чесменской бухте. Сделать это должна была группа из четырех брандеров под прикрытием огня остальной эскадры. А. Г. Орлов, не заботясь о красоте слога и соблюдении орфографических правил, набросал краткий и предельно доходчивый приказ: «Наше дело должно быть решительное, чтоб оный (османский. — В. Ш.) флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, в Архипелаге, не можем мы иметь к дальним победам свободные руки»⁴⁵.

На русской эскадре при полном единодушии был сформирован ударный отряд под командованием С. К. Грейга: брандеры — зажигательные

⁴⁴ Соколов А. Н. Архипелагские кампании. *Записки Гидрографического департамента Морского министерства*. СПб., 1849. Т. 7. С. 283–284.

⁴⁵ Цит. по: Веселаго Ф. *Краткая история русского флота*. С. 99.

суда и корабли прикрытия. Решимость немедленно «идти в дело» была так велика, что даже бесстрашный рубака и фаталист Алехан Орлов трижды осаживал на совете горячившихся капитанов, неоднократно требуя перепроверить диспозицию.

Труднее всего оказалось отобрать командиров и экипажи для зажигательных судов-брандеров. Добровольно вызывались все, и офицеры, и матросы! А ведь идти предстояло почти на верную смерть — брандер, буксируемый десятивесельной шлюпкой, следовало вплотную подвести к вражескому кораблю и намертво сцепиться с ним крючьями. Только тогда, когда будет подорван заряд на зажигательном судне и огонь перекинется на неприятеля, команда могла сойти в шлюпку и спастись от мощнейшего взрыва, который мог последовать в любое мгновение, от пальбы батарей — чужих и своих, поскольку корабли прикрытия начинали обстрел врага тотчас после сцепления брандера с выбранной целью.

Последнее слово было за А. Г. Орловым.

Решение генерал-аншефа ворваться в Чесменскую бухту было из тех, что принимают раз в жизни. На карту ставилась и собственная судьба (ему никогда не простила бы неудачу недолюбливавшая его императрица), и само существование эскадры и, как повторял уже в преклонные годы Орлов, «на кону стоял весь европейский политик России» — авторитет российского государства, впервые выведшего свой флот в мировые воды. Человек исключительного личного мужества, который в возрасте далеко за пятьдесят участвовал в кулачных боях и, бывало, «ссаживал» бойцов на двадцать-тридцать лет моложе себя, он «ужаснулся от предстоящего», как сам признавал потом в донесении Екатерине.

И было от чего! На рейде Чесмы стояло 15 турецких только линейных кораблей, а также 6 фрегатов, «множество полугалер, фелуг, шебек и других малых судов». Неудачная атака могла стать последней для русской эскадры, тем более, что и турки готовились применить свои брандеры. Пути отхода были фактически отрезаны дюжиной крупных островов, усеявших Хиосский пролив и Чесменскую бухту...

Несколько позже Орлов писал: «Англичане, французы, венециане и мальтийцы, живые свидетели всем действиям, признавались, что они никогда не представляли себе, чтоб можно было атаковать неприятеля с таким терпением и неустрашимостью»⁴⁶.

⁴⁶ Цит. по: Тарле Е. В. *Экспедиция русского флота в Архипелаг в 1769–1774 гг.* С. 43–44.

И вот наступила ночь на 26 июня (7 июля). «Пополуночи: 1 час. Ветер посредственный, небо малооблачное, светлая луна и блистание звезд...», — так описывается состояние погоды к моменту начала атаки в шканечном (корабельном) журнале флагманского корабля «Три иерарха». Здесь уже двое суток не смыкал глаз Алексей Орлов. Спиридов и Грейг вышли в авангарде кораблей прикрытия.

Линейный корабль «Европа» под командованием капитана Ф. Клокачева (того самого, который сутками ранее «открыл» «Евстафия» врагу, сойдя с курса, и был тотчас «пожалован» Спиридовым: «Поздравляю вас матросом!») около часу ночи на всех парусах ринулся к стоявшей плотно и беспорядочно османской эскадре. Он вызвал огонь на себя — ураганный, но не прицельный. Турки никак не ждали такого самоубийственного прорыва. «Можно ли воевать с безумцами», — пытался оправдать беспечность своего флота турецкий летописец. Но это было не безумие, а хладнокровный расчет и редкое мужество.

Через полчаса подошли еще три русских корабля. А когда через час к горловине бухты стянулась уже вся русская эскадра и запылали подожженные метким огнем первые турецкие корабли, мишенями стоявшие на зеркальной глади бухты, вперед рванулись брандеры. Три из них целей не достигли, но один — под командованием лейтенанта Д.С. Ильина — буквально прилип к борту 84-пушечного турецкого корабля и поджег его. Каково же было самообладание Ильина и его команды, если, «отъехав на шлюпке от горящего гиганта, он остановился и посмотрел, каково будет его действие». Так записал очевидец.

К трем часам ночи ветер совсем стих, возможности маневра у турецких парусных кораблей не было никакой. К исходу ночи Чесменская бухта превратилась в море огня. Горели и взрывались турецкие брандеры, так и не использованные неприятелем, огонь с загоревшихся парусных кораблей от полыхавшего факелами такелажа перебрасывался на еще не тронутые пламенем. «Пожар турецкого флота сделался общим... — записал в “Собственноручном журнале” С. К. Грейг. — Легче вообразить, чем описать ужас, остоленение и замешательство, овладевшие неприятелем. Турки прекратили всякое сопротивление, даже на тех судах, которые еще не загорелись; большая часть гребных судов или затонула, или опрокинулась от множества людей, бросавшихся в них»⁴⁷.

⁴⁷ *Морской сборник*. 1849. Т. II. С. 811.

Население городка Чесма и прилегающих селений в панике покидало свои дома. Западная Турция содрогнулась, ожидая вторжения русских войск.

Орлов, действительно, вскоре высадил десант; не встречая сопротивления, моряки прошли по горящему городу, где полыхали склады боеприпасов. Забрали 19 медных пушек и, как своеобразный военный трофей, «довольно штук шелковой материи с казенной султанской мануфактуры». Затем «в порядке удалились на свои корабли». Порядок в полумертвом от страха городе еще двое суток поддерживала специально отряженная Орловым команда.

«Разора и бесчинств не замечено, раненых турок перевязали. Многих спасали от огня себе в риск», — доложили А. Г. Орлову.

Линейный корабль турок «Родос» и пять боевых галер были взяты в качестве трофеев. Остальные сгорели. Флот — слава и гордость Османской империи — перестал существовать.

Султан Мустафа III после Чесмы занемог, устранился от дел. Подолгу уединялся в серале с любимой женой Михри-шах и маленьким сыном, будущим султаном-реформатором Селимом III (правил в 1789–1808). Он угасал, печально повторял, обращаясь к сыну: «Мой шахзаде, наследник и опора трона Османов, тебе надлежит изучить приемы франков и москвитов и превзойти их». Мустафа III скончался в 1774 г. — не вынес катастрофы военного поражения, предопределенной Чесменским сражением...

Триумф русского оружия был полный. На наградной медали участников Чесменской эпопеи изображен горящий турецкий флот и выбито одно слово: «Был». Считают, что так предложил Алексей Орлов. Г. А. Спиридов, оценивая результаты Чесмы, писал в Петербург: «Честь Всероссийскому флоту! С 25-го на 26-е неприятельский военный флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили, а сами стали быть во всем Архипелаге... господствующими»⁴⁸.

Потерь кораблей в русской эскадре в сражении при Чесме не было. В личном составе — 11 человек убитыми. Турки потеряли убитыми и ранеными от 11 до 12 тыс. человек⁴⁹. Чесменское сражение 1770 г., как и Синопский бой 1854 г., являются блестящими примерами уничтожения неприятельского флота в собственной базе.

Русские моряки при Хиосе и Чесме, а эти сражения следует рассматривать в единстве, смело отошли от шаблона линейной тактики, в то время

⁴⁸ Цит. по: Золотарев В. А., Козлов И. А. *Флот государства российского*. М.: АВИАР, 1992. С. 97.

⁴⁹ *Морской атлас*. М.: Изд. Главного штаба Военно-Морского флота, 1958. Т. III, военно-исторический. Ч. I. Л. 16, табл. Г.

незыблемой для флотоводцев Западной Европы и Турции. Прекрасное взаимодействие корабельной артиллерии и брандеров в ходе ночной атаки, флотоводческое искусство Г.А. Спиридова, С. К. Грейга, А. И. Круза, Д. С. Ильина и многих других капитанов, помноженное на массовый героизм матросов, обеспечили блестящую победу.

Несомненна выдающаяся роль главнокомандующего экспедицией А. Г. Орлова, заслуженно получившего титул графа Чесменского. Он умел воодушевлять командиров, ставил им ясные оперативные задачи и в то же время показывал масштабные стратегические перспективы. Не досаждал подчиненным мелочной опекой, не подменял их в том, что касалось флотского дела, организации морского сражения и управления боем. Он давал широкий простор инициативе подчиненных. Вот строки из его приказа накануне дела при Хиосе.

«По неизвестным же распоряжениям неприятельского флота, каким образом оный атаковать, диспозиция *не предписывается* (курсив мой. — В. Ш.), а по усмотрению впредь дана быть имеет»⁵⁰.

В эпоху заорганизованности и муштры это был незаурядный поступок. Но при этом Орлов относился к руководству экспедицией с величайшей ответственностью и поправлял флотских начальников, когда это было необходимо. Так, он в корне пресек самоубийственную идею Г. А. Спиридова тотчас после Чесмы прорываться через Дарданеллы и одним ударом флота с высадкой десанта в район Стамбула попытаться закончить войну. Ничем, кроме гибели кораблей и людей под огнем береговых батарей, эти действия закончиться не могли.

Оценив обстановку, Орлов обеспечил плотную блокаду Дарданелл, что дало возможность отрезать дунайскую турецкую армию от баз снабжения в Греции и Восточном Средиземноморье. Сковав здесь значительные силы турецких войск, он существенно помог русским войскам разгромить полевые турецкие армии на Дунае. За 1771–1773 гг. русские корабли в Архипелаге перехватили свыше 360 торговых турецких судов, осуществлявших перевозки в интересах действующей армии.

Активность флота, нарушившего морские коммуникации турок, предопределила многие славные победы сухопутных войск России. В 1774 г. был заключен выгодный для России и всего славянского мира Кючук-Кайнарджийский мир.

⁵⁰ В память Чесменской победы. Сб. документов. Одесса, 1886. С. 9.

После Чесмы последовало трехлетнее пребывание Андреевского флага в греческих водах. Эллины вооружались, а главное, поверили в свои силы и уже не прекращали вооруженной борьбы с угнетателями вплоть до завоевания независимости после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Балканы становились на путь освободительной войны с османским гнетом.

Более демонстративный, нежели военный, характер имели десантные операции русского флота по взятию Бейрута в мае 1772 и июне 1773 г. Цель их была достигнута — дружественным шейхам помогли поверить, что Россия союзников не оставляет. Ливанские друзья получили захваченные у турок пушки и оружие, русские — несколько сот тысяч курушей из захваченной казны местного турецкого паши, которые пошли на жалованье и продовольствие матросам эскадры. Но Орлов при этом категорически отверг как «невместную» просьбу о русском протекторате над Ливаном ливанского эмира Юсефа Шахаба, который после Чесмы осаждал просьбами о принятии его в подданство Екатерины⁵¹.

Чесма знаменовала мощный и необратимый геополитический прорыв российской державы и на Западе, и на Востоке. Россия стремилась при этом не к расширению своих границ, а к их укреплению.

Благодарные современники высоко оценили героизм отважных сынов Отечества. По горячим следам в Екатерининском парке Царского Села гениальный Антонио Ринальди воздвиг три величественных монумента в ознаменование побед русского оружия. Два из них в память Архипелагской экспедиции — Морейскую и Чесменскую колонны.

В сознании россиян Наварин, Хиос и Чесма запечатлелись навечно. Память об этих подвигах воодушевляет все последующие поколения русских военных моряков.

⁵¹ Этот факт не единичен. Еще в январе 1771 г. население 25 островов Архипелага по собственной инициативе приняло российское подданство. Правда, ненадолго.

Россия и Мальта⁵²

В ночь на 12 мая 1698 г. на берег Мальты, небольшого острова в Средиземном море, сошел с корабля Борис Петрович Шереметев, неофициальный посланник русского царя. 14 мая он был принят тогдашним великим магистром Мальтийского ордена Раймоном де Переллосом, которому вручил грамоту Петра I.

Чем же привлек к себе внимание Петра полузабытый Европой островной мирок? Привлек настолько, что туда был послан один из его доверенных людей, заслуженно имевший титул «ближнего боярина»? Почему именно там за полгода до Шереметева побывал, говоря по-современному, один из руководителей российской внешней разведки – граф Петр Андреевич Толстой, оставивший подробнейшее описание крепостей и портов Мальты и Гозо? Чтобы ответить на эти вопросы, надо разобраться в международной обстановке того времени.

В конце XVII в. в Восточном Средиземноморье шла длительная война (1683–1699). Против Османской империи выступила Священная, или Антитурецкая, Лига — Польша, Венеция, Папское государство, Священная Римская империя германской нации, Мальта. С 1686 г. в Лигу вступила Россия, которая уже имела дипломатические и военные связи со всеми членами антиосманской коалиции, кроме Мальты, которой рыцарской рукой правили иоанниты, или, иначе говоря, госпитальеры.

В сущности, этот крошечный союзник не обладал ни войсками, ни деньгами, ни значительным политическим влиянием. Однако в России эпохи царевны Софьи, а затем ее прославленного брата царя Петра I очень интересовались Мальтой. Много разговоров было об особом «рыцарском коварстве» и интригах, о чрезвычайной опытности мальтийских рыцарей во всем, что относится к делам военным и полити-

⁵² Статья написана в соавторстве с Л. В. Зелениной. — *Прим. Ред.*

чеким. Говорили всегда уважительно, но... с опаской: таинственных мальтийцев побаивались.

Мальта с 1530 г. была центром Ордена рыцарей Святого Иоанна, основанного в Иерусалиме в 1048 г. Первоначальной заботой этого рыцарско-монашеского братства был скромный уютный госпиталь во имя Святого Иоанна для паломников, прибывавших в Иерусалим поклониться Гробу Господню. Именно поэтому рыцарей называли не только иоаннитами, но и госпитальерами.

С 1118 г. рыцари-иоанниты взяли на себя защиту христианских паломников на дорогах Святой Земли. Сопровождали их усердно и деятельно. Защищали мечом, молитвой и врачеванием. Они составляли надежнейшие эскорты для всех, кто шел с миром древними дорогами Палестины. Причем защищать путников приходилось и от «чужих» — мусульман, и от «своих» — от христиан. Известно, что Крестовые походы, проходившие под эгидой Папы Римского, как правило, оборачивались кровавыми столкновениями католиков из Западной Европы с православными христианами, составлявшими значительную, если не большую часть подданных Византийской империи. Сколько же боев приняли рыцари-иоанниты, сколько накопили тайных знаний и богатств, защищая пилигримов, а нередко и наследуя их имущество, главным образом драгоценности, которые, как правило, брали с собой в дорогу путники многих стран и разных сословий.

Боевая выучка, мастерство врачевания своих и чужих ран прекрасно совмещались с особым духом Ордена — отрешенностью и обособленностью. От всего и от всех! Им, владевшим поголовно (!) основами гипнотического внушения, не составляло труда остановить мановением руки, да и просто взглядом безумца-рыцаря или фанатика-сельджука! Они, постигшие тайные врачебные познания халдейских мудрецов и уже в XII в. имевшие от древних арабов знания о строении человеческого тела примерно на уровне начала XX в., умели многое — зашить рубленую рану, остановить (или открыть) кровь, вылечить кишечные расстройства и прочие хвори, поражавшие паломников. Были среди рыцарей и такие, которые владели приемами психотерапии, — совсем не лишнее умение, ибо средневековые психозы, включая экстазные состояния паломников, бывали порой пострашнее песчаных бурь и скоротечных схваток с сарацинами.

Почти два века иоанниты врачевали, молились, собирали знания и вполне мирно уживались с местным населением — и мусульманским, и православным... В 1238 г. появилась папская булла, обвинившая иоан-

нитов в нарушении благочестия. Ватикан был взбешен тесными и благополезными связями рыцарей со всемирно знаменитыми сирийскими врачевателями, преимущественно мусульманами.

Отличительна почти забытая особенность этих рыцарей: они не миссионерствовали, не стремились обратить в католицизм местное население. Не потому ли обрели госпитальеры долгую, до наших дней, жизнь в истории? Во всяком случае, это была сила, которую уважали в Средние века и на Западе, и на Востоке.

С ними будут негласно сотрудничать, выказывать уважение и стараться не сталкиваться даже легендарные исмаилиты-ассасины — ночной ужас крестоносцев. То была особая каста профессиональных убийц, положившая начало террору и выработавшая основы конспирации, не знавшая жалости в своих акциях устрашения. Но мальтийский супервест — короткий рыцарский плащ с восьмиконечной звездой госпитальера — надежно охранял тех, кто носил его, от безжалостного кинжала ассасина.

Три монашеских по форме и высокочеловечных по сути обета, которые с конца XI в. принимали (и принимают) на себя госпитальеры, просты:

Послушание.

Благочестие.

Нестяжание.

Это было близко и понятно и католику, и православному, и иудею, и мусульманину. Всем!

Происхождение знаменитого Мальтийского креста теряется в III–IV вв. нашей эры. Восемь углов символизируют добрые качества христианина.

Есть и другое объяснение. Согласно древней легенде, такой крест был нашит на плаще рыцаря, изрубленного врагами. Рыцарь пал, залитый кровью, а крест на его супервесте остался безупречно белым. И почти тысячу лет рыцари носят алый супервест с белым крестом тех же очертаний, — но только в походах. В обычной жизни (и до сих пор) на них черный плащ с белым крестом на левом плече.

Безупречность репутации первых поколений госпитальеров была столь велика, что они становились третейскими судьями в спорах тех, кто не признавал подчас ни Бога, ни черта, ни своего короля. Порой рыцари-иоанниты выполняли роль военной полиции, умиряя словом и мечом оголтелых, одуревших от крови и грабежей крестоносцев.

По мальтийской легенде, иоаннитов не было среди крестоносцев, в 1099 г. заливших кровью и разграбивших Иерусалим, причем не только древнюю иудейскую и мусульманскую его части, но и христианскую.

И еще одна легенда. Когда в 1187 г. великий предводитель мусульман Салах ад-дин (Саладин) изгнал крестоносцев из Иерусалима, в плен попал один госпитальер. На допросе гневный вопрос задал ему Саладин:

— Как допустили вы, сыны Святого Иоанна, беззаконие в Святом Городе? Или забыли вы все три обета?

Молчание было ответом иоаннита победителю крестоносцев. Трижды задавал свои вопросы рыцарю воин ислама.

Молчал рыцарь-госпитальер. И ничего не понял разгневанный султан. Не заметил отрешенного взгляда за горизонт...

— Кинжалом взломайте уста нечестивцу! — велел Саладин.

Бросились к стоявшему на коленях госпитальеру... И отшатнулись. Он был мертв. Последним усилием рыцарь остановил свое мужественное сердце.

Велик в боях, но несправедлив в гневе был знаменитый султан. Затмила ему разум непокорность госпитальера. Увидел врагов в тех, кто ими не был. И началось!

— Убивайте собак-госпитальеров, где застигнете!

Алый супервест стал приговором к адским мукам, если раненый рыцарь попадал в плен к воинам Саладина и его преемника Бейбарса. Заметили ли они, что в определенный момент рыцари уходили из жизни по собственной воле, с улыбкой на устах, не нарушая, впрочем, христианского запрета на самоубийство. Останавливали сердце, когда палач мог бы вырвать унижающий рыцаря стон или мольбу о пощаде...

Тогда султаны придумали нечто худшее, чем смерть. Госпитальеров продавали на галеры. Однако феноменально закаленные и выносливые, целители по духу и навыкам, иоанниты выживали чаще, чем ожидалось.

Кроме того, Орден стремился выкупить всех своих рыцарей — и живых, и мертвых. По одной цене! Невероятной удачей для алжирских и тунисских галер было заполучить такого гребца в кандалах — он становился живым талисманом...

Испытав галерный кошмар и изучив ломаными ребрами и разодранными руками все тайны гребного дела, иоанниты создали свой гребной флот. И в течение шести веков были непревзойденными мастерами военного галерного флота. Причем искусство управлять ресурсами человеческого тела иоанниты успешно сочетали с боевыми искусствами. Сражаться голыми руками и тем, что попадало под руку, они умели, как никто на Западе. Мало кто — на Востоке.

Когда работороговец покупал рабов для рыцарских галер на невольничьих рынках Измира, Крита или Александрии, отчаянные крики и вопли

заполняли базары до высокого средиземноморского неба. Рабы с Востока и Запада хотели, чтобы их заметили и отобрали именно на те галеры, где суровые рыцари с белым крестом были беспощадны... и давали шанс душе и телу раба-галерника. Только на галерах госпитальеров у рабов был шанс выжить и вернуться на родину.

В боях, которые вели крестоносцы, именно госпитальеры всегда прикрывали отступавших, оказывали помощь раненым, причем и своим, и чужим. Отступая, иоанниты уходили налегке — унося с собой только оружие и древние рукописи. «Знания порой дороже жизни», — повторял великий магистр (гроссмейстер) Ордена Элион де Вилленёв.

В начале XIV в. король Франции Филипп Красивый уничтожил орден рыцарей Храма — тамплиеров. Многих из них пытали, чтобы узнать, какие сокровища хранят, в частности, госпитальеры — их собратья в алых супервестах. Но откуда это было знать развращенным богатством храмовникам — ведь честью и мудростью иоанниты не делились ни с кем!

Тевтонский орден не раз предлагал госпитальерам, «собратьям по Воинству Христову», объединить усилия, чтобы уничтожить «диких славян», живших в сказочно богатых землях Великого Новгорода и Пскова. Иоанниты не участвовали в походах рыцарей-католиков на Русь и Балтику (по крайней мере, организованно). Они, благодаря связям с Ираном и Китаем, знали, что с 30-х гг. XIII в. надвигается черная туча полчищ Чингисхана. А перед войсками степняков Центральной Азии прокатилась еще одна сокрушительная волна тюркского — сельджукского — нашествия на Европу. И после них тоже.

Турки-османы вышли к Босфору и Дарданеллам, начали вторжение на Балканы. На пути этого нашествия и встали рыцари-госпитальеры.

На Кипре до 1308 г., на Родосе до 1522 г. они создали мощные опорные базы-крепости, которые стали труднопроходимым барьером для установления османского господства на всем Средиземноморье.

В русском повествовании о «хожениях» (т. е. путешествиях) в Святую Землю, о злключениях наших паломников в турецком плену можно встретить немало упоминаний о могущественных и таинственных рыцарях с белым крестом на плащах. Кого-то, брошенного в выгребную яму, они спасли и вылечили, кого-то выкупили с турецкой галеры, кого-то отбили, помогли бежать, и не только от турок...

В одном из величественных храмов современной Мальты — в кафедральном соборе Святого Иоанна (1573) есть потрясающее по выразительности надгробие одного из великих магистров Ордена — Никола

Котанера (1660–1663). Оно покоится на плечах двух согбленных гребцов. Одна фигура изваяна из черного мрамора — явно африканец. Глядя на другую, авторы содрогнулись. Безмерная боль и непоколебимая сила застыли навечно в беломраморной, филигранно проработанной фигуре нашего соотечественника — несомненно, славянина.

Согласно одному из преданий, это символ Запорожской Сечи, одно время находившейся в боевом содружестве с Мальтийским орденом. Другое предание говорит, что это польский магнат, князь Радзивилл, раб-галерник у османов, освобожденный рыцарями и долго живший при Ордене на Мальте.

По третьей версии это своего рода признание особой роли наших предков в истории мальтийского гребного флота. Выносливые, неприхотливые, не подверженные многим болезням, косившим народы Запада, наши русские предки чрезвычайно ценились как «двигательная сила» на боевых галерах рыцарей.

Весьма неоднозначно складывались стародавние отношения Ордена с Русью, Россией. Госпитальеры очень внимательно следили за возрождением Руси после ордынского ига. Видели в Московском княжестве союзника по борьбе с турками-османами. Они (во всяком случае, так гласит легенда) помогли Софье-Зое Палеолог и ее братьям покинуть Константинополь, разгромленный османами в 1453 г., и приветствовали брак Софьи с великим князем Московским Иваном III в 1472 г.

По некоторым восточным хроникам, госпитальеры полувеком раньше вошли в контакт со злейшим врагом османов — Тамерланом, отговорили его от походов на Север, то есть еще на жившую «под Ордой» Русь, передали через лазутчиков ценные оперативные сведения и тем самым помогли разгромить османов в 1402 г. под Анкарой...

Легенды и предания минувших эпох... Они объясняют по меньшей мере две ситуации — многовековую вражду госпитальеров с турками и осторожность в делах и связях с Восточной Европой.

...В 1522 г. 700-тысячная армия султана Сулеймана Великолепного сумела принудить к сдаче пятитысячный отряд госпитальеров, защищавших Родос. Опять же по легенде, султан Сулейман обещал «розе своего сердца», любимой жене Анастасии Гавриловне (Роксолане, Хуррем-султан) в подарок именно Родос, остров Роз, «мечту Средиземного рая». Хуррем-султан, или Смешливая султанша, подарок получила, но была разочарована. Она имела пристрастие поигрывать... ушами врагов своего возлюбленного супруга. Хорошо просоленные и просушенные, аккуратно отрезанные уши

врагов падишаха нанизывались на шелковые нити вперемешку с драгоценными камнями... С Родоса она не получила ни одного уха.

Рыцарь по духу и воспитанию, Сулейман Великолепный за невиданное мужество отпустил на свободу всех рыцарей Родоса. И не сожалел, что они ушли с оружием. Все они, пять тысяч человек, кое-как разместились на тридцати судах, а на двадцати остальных увезли... архивы, рукописи, книги, древнее которых были разве что египетские свитки.

Вот об этом утраченном трофее Сулейман Законодатель жалел до конца своих дней...

...В 1530 г. император Священной Римской империи Карл V передал иоаннитам свои коронные владения — острова Мальта, Гозо и Комино. С тех пор Орден стал именоваться Мальтийским.

Рыцари продолжали борьбу на море — с турками-османами, алжирскими пиратами, корсарами-ренегатами. Не забывали и о своей первоначальной миссии госпитальеров: больницы Мальты славились по всему Средиземноморью и Магрибу. Морская академия Мальты считалась лучшей в мире. Мальтийский коллеж вскоре получил статус университета. А общедоступная публичная библиотека в столице Мальты Валете была одной из крупнейших не только в Европе, но и на Востоке. Причем здесь, на Мальте, свободно общались с европейскими коллегами ученые из Османской империи — географы, историки, алхимики, медики. В напоминание об арабских и турецких поселениях остались на современной карте Мальты кварталы Мдина (Медина), Рабат, Зейтун, Мджар (Маджар) и другие. Мальта всегда умела хранить чужие тайны, — как, впрочем, и вклады. Не хуже, а порой и лучше, чем Швейцария...

Что касается Ордена, то он в эти годы объединял в своих рядах до 10 тысяч человек, разделенных на восемь «языков». Ему принадлежали огромные земельные владения по всей Европе. Первый серьезный удар по Ордену нанесла Реформация: как правило, в протестантских землях его имущество конфисковывалось. Но военное могущество Ордена, особенно в Средиземноморье, оставалось неоспоримым, а многовековые тайные связи и знания поражали.

Не удивительно, что Петр I, придя к власти и вскоре приняв решение ехать в Европу за опытом, послал близких ему людей — П. А. Толстого и Б. П. Шереметева — именно на Мальту. Борис Петрович Шереметев стал первым русским кавалером ордена Святого Иоанна Иерусалимского. А сопровождавший его советник Алексей Курбатов даже принял там капище. Того же ожидали и от Шереметева, но тщетно.

Личному посланцу русского царя была оказана единственная в своем роде честь: Шереметев на сутки стал адмиралом мальтийского флота и удачно командовал боевой операцией против турецкой эскадры. Есть все основания полагать, что умница Борис Петрович «смотрел» мальтийских мореходов «в деле» перед тем, как пригласить их на русскую службу. Что-то не сладились... Впрочем, была достигнута негласная договоренность, что Мальта не станет укрывать сановных беглецов из России. Кого боялись упустить? Загадка Петра!

После поездки Шереметева на Мальту, которая и по сей день неизменно включается во все обзоры истории Мальтийского архипелага, военная и политическая жизнь Мальты надолго оказывается в фокусе большой морской политики держав. На то были очевидные политические причины, а также «резоны деликатные», не столь явные. Со времен вольтеровской «Истории Петра Великого» бытует версия, что в свите Шереметева был некий молодой человек, ростом на голову выше прочих; он отличался особой любознательностью в делах корабельных и держался со свободой и непринужденностью, которых другие свитские Бориса Петровича как бы и не замечали... Не забудем, что все материалы Вольтеру посылала сама Екатерина II, в российской истории весьма сведущая.

Во всяком случае, в кругах самого Ордена сейчас никто не сомневается, что Петр инкогнито посещал Мальту, разрабатывая свой план выхода к теплым морям.

Но вернемся к европейской политике рубежа XVII–XVIII вв.

Англия и Турция (Османская империя); Франция и Турция; Россия, Турция и державы — все эти и многие другие комбинации государств, включая Испанию, Португалию, Неаполь и другие итальянские земли, свои средиземноморские интересы неизменно увязывали с Мальтой и Орденом.

Стратегическое положение Мальтийского архипелага очевидно, но исследователи нередко упускают из вида то огромное влияние, которое оказывал Орден на арабских североафриканских правителей. Полунезависимые от османских султанов деи и беи Магриба — Алжира, Туниса, Марокко и даже мамлюкского Египта — вынуждены были считаться с позицией мальтийских владык. Мощный галерный флот, неприступная крепость в Валете (при отменно защищенной бухте) превращали мальтийцев либо в желанных союзников, либо, что бывало чаще, в противников, которых лучше не иметь. Посредниками же рыцари были безупречными — молчаливыми и точными во всех обязательствах.

В России в то время вырабатывалась новая стратегическая линия взаимоотношений с державами — близкими, как Швеция и Турция; дальними, как Англия, Голландия и... Мальта.

Примечательно, что первому постоянному посланнику России в Константинополе П. А. Толстому перед этим важнейшим назначением была поручена миссия именно на Мальту: боевое мастерство мальтийского галерного флота и непревзойденный трехвековой кровавый и героический опыт отражения осады прибрежных крепостей — вот что было в центре внимания одного из руководителей петровской военной разведки. Ведь, собственно говоря, именно традиции мальтийского флота легли в основание боевого пути флота российского, галерной его части.

Уже в бытность свою на посту «орта ильчи» — полномочного посланника России в Османской империи (с 1701 по 1713 г.) П. А. Толстой не раз возвращался к своим двухлетним мальтийским впечатлениям. Одним из итогов его поездки (1697–1699) на Мальту стал общий негативный отзыв о перспективах галерного флота, даже оснащенного современными орудиями.

Исследователи в России и за рубежом неоднократно отмечали, что так называемые статейные списки Толстого (посольские отчеты) отличались высоким уровнем осведомленности по кораблестроению и организации морского дела. Информация по этим вопросам к нему и его преемникам П. П. Шафирову, А. И. Дашкову, И. И. Неплюеву стекалась ручейками тонкими, но живительно важными от венецианцев и мальтийцев. Лишь на исходе своего пребывания в Турции, причем под сильным давлением Петербурга, Толстой постепенно смещает акценты в контактах на торговцев и ученых из Рагузы (Дубровника).

Ослабление связей России с Мальтой объясняется не только переменами в политике Петра и его ближайших преемников, когда крошечному архипелагу оказалось сложно привлекать внимание вышедшего к Балтике северного исполина. К тому же вплоть до того времени, когда великим магистром Ордена был избран португальский рыцарь Манозль Пинто де Фонсека (1741–1773), мальтийцев раздирали внутренние распри. Не слишком способствовало контактам с Россией и то обстоятельство, что великий магистр Марк Антуан Зондари (1720–1722 гг.) являлся племянником Папы Александра VII и укреплял, как мог, позиции Ватикана на Мальте.

Португалец, родственник королевского дома Антуан Манозль де Вильена (1722–1736 гг.) и его преемник, выходец с острова Минорка

Раймон дю Пьюи (1736–1741 гг.) весьма успешно боролись с алжирскими пиратами, активно торговали рабами, в том числе и перепроданными через Стамбул несчастными жертвами набегов крымских ханов на южно-русские земли. Но им были далеки соображения, как мы бы сейчас сказали, геополитического порядка. О России как бы забыли.

При Пинто де Фонсеке поток информации о России на Мальту несколько усилился, хотя имел весьма специфическую окраску. Ученый-алхимик и любитель-биолог, великий магистр Пинто много общался с кудесником и путешественником Калиостро. Последнего, как известно, неукротимо влекло в Россию. Калиостро одно время выдавал себя за незаконнорожденного сына великого магистра и мага — все того же Пинто де Фонсеки и вещал об этом в салонах России, вызывая восторженное дамское «ах!». Часто экспансивного мага сопровождали двое скромных спутников: поразительной красоты молодая женщина и ее застенчивый, чуть косивший правым глазом супруг. Это были родная сестра Калиостро Джулия и ее муж Антонио Канова (1757–1822). Джулия и Калиостро записали для Ордена интереснейшие наблюдения о екатерининской России. Ну, а Антонио — тот самый великий скульптор, который своими работами (лучшие из них хранятся в Эрмитаже) обессмертил любимую им Мальту и Россию.

Ситуация с Калиостро, Россией, Мальтой и сейчас не вполне ясна. Впрочем, когда через пару лет после восшествия на престол Екатерина II поручила своему посланнику в Вене князю Д. А. Голицыну возможно скорее отыскать среди рыцарей на Мальте человека, способного возглавить строительство нового галерного флота в России, при поддержке Пинто таковой нашелся моментально. Напомним, что это было в 1764 г. Однако вмешались постоянные представители Франции, Испании, Австрии и Неаполя на Мальте. Они «разъяснили» командору Р. Мазену, опытному мореходу, что в России жутко холодно, апельсинов нет совсем, а на троне и вовсе мужеубийца воссела... Боевой адмирал заскучал и ушел в поход к алжирским берегам. За апельсинами?..

Суть дела, скорее всего, в том, что влияние держав, особенно Франции и Испании, в середине века существенно возросло, а легендарная морская выучка мальтийских мореходов падала по мере вовлечения великих магистров в политические интриги Европы и отвлечения от проблем флота.

Однако Манозль Пинто де Фонсека настоял на своем. На боевых галерах Ордена в течение последующих лет, вплоть до начала войны России с Турцией (1768–1774), проходили службу шестеро русских морских офи-

церов. Известна переписка великого магистра Пинто с Екатериной относительно прекрасных моральных и профессиональных качеств этих русских офицеров. Все шестеро россиян — А. Козлянинов, Н. Селифанов, А. Скуратов, Б. Мосолов, Х. Коковцев, Ф. Rogozin — вошли в состав экипажей русской средиземноморской эскадры Г. А. Спиридова. Среди них были участники легендарной Чесмы (1770), десанта на Бейрут (1773), совместной русско-турецкой экспедиции Ф. Ф. Ушакова и Кадыр-бея против Наполеона в Средиземноморье (1799).

Тем не менее разыскания авторов свидетельствуют, что Мальта не слишком много значила в планах Екатерины — ни в период так называемых двух екатерининских войн, ни позднее, в годы борьбы коалиции европейских держав с Наполеоном.

В планах Петербурга довольно четко просматривались такие близко расположенные к турецким Дарданеллам территории, как Египет, даже Сирия, некоторые острова Греческого архипелага. Примечательно, что в переписке Вольтера с Екатериной Египет упоминается много раз, но Мальта — ни разу. Екатерине был нужен прорыв в Черное и Средиземное моря, а не столкновения с державами, имевшими на Мальту свои виды.

Впрочем, напряжения избежать не удалось. После победоносной для России войны и Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Османская империя начала готовиться к реваншу, а Россия — к овладению Крымом и мощными турецкими крепостями на Дунае.

Из радужных планов императрицы, горестных вздыханий султана Абдул Хамида I и алчных амбиций австрийского императора Иосифа II в середине 80-х гг. XVIII в. начало материализовываться нечто химерическое, пугавшее почти два столетия все державы Европы, — «Греческий проект» Екатерины и Иосифа II. Венценосцы задумали ни много, ни мало раздел Османской империи, воцарение второго внука Екатерины Константина в Константинополе и т. д. Под раздел попали бы и африканские владения Турции, расположенные вблизи Мальты.

Ответом «Греческому проекту» стало обновление идеи османского халифата, или султанского «патронажа» над всеми мусульманами в мире.

Халифат рыцарей не волновал, но «Греческий проект» встревожил крайне. Тем более что в то время откровенно враждебными были отношения Валеты и Лондона, поскольку около сотни мальтийских рыцарей воевали в Америке на стороне Соединенных Штатов в борьбе за независимость от Англии (1775–1781).

Неугомонный прожектер Иосиф, находившийся под сильным впечатлением от встреч с российской самодержицей и совместных поездок с ней по Югу России, побывав в Неаполе. И на Мальте заговорили, что Королевство обеих Сицилий, как формальный сюзерен Мальты, передаст Мальтийский архипелаг России, а Австрия, в свою очередь, получит в обмен... Впрочем, рыцарям было все равно, что отойдет Вене: Москва, Галиция, Краков или Нижний Новгород. Главное — они не хотели попасть под руку всеильной императрицы! Это уж точно, тем более что из первых уст им было известно, что некоторые из христианских правителей дружеских племен в Сирии действительно предлагали свои земли России. Знали в Средиземноморье и о Георгиевском трактате 1783 г. о покровительстве России Грузии. В том же году Крым — изумруд в рукояти кинжала османского падишаха — стал российской провинцией.

Всем также была известна угроза австрийского министра иностранных дел графа В. А. Кауница провести реформы на Мальте («так, как они нам видятся»). В свете «Греческого проекта», австро-русского альянса, следовавших разделов Польши можно себе представить, о чем толковали мальтийские рыцари в эти переломные для всей Европы годы.

Ситуация разрядилась с появлением на острове в январе 1770 г. первого постоянного дипломатического представителя России в ранге посланника — маркиза Кавалькабо, венецианца по происхождению.

В задачу маркиза входило, как значилось в его инструкциях, «стараться склонить (гроссмейстера Пинто. — *Авт.*) к вооруженному содействию России против Турции, выставляя на вид, что Орден Св. Иоанна Иерусалимского в самых обетах своих объявил постоянную войну неверным»⁵³. Фактически это означало, что Екатерина обращалась к мотивации Священной (Антитурецкой) Лиги конца XVII в., а не к политическим реалиям своего времени.

В конечном счете, даже не военные действия против османов, а неучастие Мальты в каких-либо совместных с Францией (инициатором войны Турции с Россией в 1768 г.) акциях против России было в центре внимания маркиза Кавалькабо.

Два личных послания императрицы к гроссмейстеру содержали благодарность Ордену за подготовку шести флотских офицеров и обещание оказывать помощь мальтийским рыцарям в их экспедициях. Долг вежливости? Не совсем, если учесть прочные тогда еще русские позиции на

⁵³ Цит. по: Перминов П. *Под сенью восьмиконечного креста*. М.: Международные отношения, 1991. С. 78.

Аляске и севере Калифорнии и активность рыцарей в борьбе Соединенных Штатов за независимость...

Мальтийские галеры ходили не только на север Атлантики, но и гораздо ближе — к Святым Местам Палестины. Рыцари сопровождали паломников из Европы за весьма значительное вознаграждение, достигавшее 300 золотых крон. Русское влияние в Сирии и Палестине было в эти годы в зените, поэтому плавание в водах Восточного Средиземноморья тоже могло рассматриваться как «экспедиция», которую поддерживает Россия.

Ответ Ордена Екатерине был почтительным, благодарным и очень осторожным. Рыцари обязались соблюдать нейтралитет, особо отметив, что военные действия на Леванте с их участием могли бы поколебать общий принцип невмешательства держав в войну России с Турцией. Орден разрешал стоянку и ремонт кораблей в Валете, ограничив их число — не более четырех одновременно.

Екатерина была несколько раздосадована, но, как всегда, сумела довольно скоро отделить дело от амбиций. Тем более что и А. Г. Орлова, инкогнито побывавшего на Мальте летом 1772 г., приняли чрезвычайно пышно, и ремонт русских кораблей осуществлялся быстро и качественно. Русскую миссию в Валете окружили почетом и уважением. Боевой корабль мальтийских рыцарей-добровольцев под командованием бывшего наставника русских офицеров графа Р. Мазена до конца войны сражался в составе эскадры Г. А. Спиридова.

В Петербурге в 1769–1776 гг. успешно осуществилась миссия видного мальтийского дипломата Мишеля Саграмызы, уроженца Вероны. По прямому указанию Екатерины II в пользу Ордена разрешился почти двухвековой спор о собственности рыцарей в Польше. Было учреждено приорство Польское с шестью командорствами. Известно, что еще великой княгиней Екатерина Алексеевна, в обход не жаловавшей мальтийцев Елизаветы Петровны, поддерживала приватные контакты с Орденом и его людьми в Варшаве.

В 1784 г. на Мальте было учреждено русское генеральное консульство. Это отвечало сразу двум целям русской политики в Средиземноморье: были пресечены распространившиеся было слухи о внедрении России на Мальте. «Наблюдение интересов коммерческих» (это относилось к портам Леванта и Южной Италии) и политических (повсеместно) стало делом дипломатов-профессионалов.

Правда, сначала казалось, что выбор генконсула был не очень удачен. В ранге «поверенного в делах» на должность был назначен капитан

II ранга Антонио Псаро. Кавалер ордена Георгия IV степени за войну 1768–1774 гг., он не был кавалером Ордена Святого Иоанна.

Случай редчайший: как правило, представитель какой-либо страны на Мальте должен был быть иоаннитом. Мало того, российский посол был грек, значит, православный, а не католик. Еще «хуже» — Псаро был родом из греческих торговцев-корсаров, врагов Ордена на протяжении столетий.

Но что делать — политические связи с Петербургом были для мальтийцев важнее формального рыцарства. Хотя и неохотно, Мальта согласилась на Псаро. И не ошиблась.

Грек был умелым моряком — он и сам садился на весла вместе с рыцарями, и командовал галерами во время показательных рейдов.

Кроме того, Псаро сделал два шага, которые вошли в историю отношений Мальты и России. Во-первых, демонстративно отправлял свои депеши в Петербург через почту Ордена: хотите — читайте, хотите — не вскрывайте! А во-вторых, договорился с начальником мальтийской таможни (он же — крупнейший банкир на острове) о чрезвычайно выгодном Ордену кредите для развития русской торговли в Средиземноморье. Раз другой он «невзначай» дал видным людям Ордена почитать депеши из Петербурга, в которых говорилось как раз о строгом соблюдении Россией интересов Мальты в «вооруженном нейтралитете» на морях.

Рыцари были растроганы. К тому же получили свои проценты в золотой монете. «Лучшего посла, чем грек Псаро, на острове еще не было», — констатировал Орден и поднес потомку греческих корсаров рыцарский меч. Но в члены Ордена его не приняли. А он-то даже пожаловал на ремонт Госпиталя свое годовое жалованье!

Великий магистр Эммануил Мари де Неж граф де Роган-Полдю (1774–1797) послал Екатерине II, совершавшей в 1787 г. свою триумфальную поездку по Крыму и южным губерниям, «Пальмовую ветвь» — символ бессмертной славы и побед. Жест, с политических позиций, очень смелый, если учесть, что Европа, как писал современник, «набычилась», а «Джон Булл» (т. е. Англия), тот и вовсе сжимал кулаки от ярости при одном упоминании о Севастополе, Крыме и Черноморском флоте России.

«Ветвь» эту доставил в Россию, по личной просьбе великого магистра, именно Антонио Псаро. Императрица торжественно вручила ее своему сподвижнику и тайному супругу Г. А. Потемкину для водружения на самом подходящем месте — на флагманском корабле нового Черноморского флота России.

Ошибка императрицы

Дорога домой не бывает слишком длинной. Так гласит молва. Так говорят старики, что в своих бурках, накинутых на сухие, но еще гордо расправленные плечи сидят в ожидании вестей. Своими крючковатыми носами, запавшими цепкими глазами и неспешной мудростью усталых воинов, повидавших жизнь, даривших радость и смерть, были похожи на орлов, подлинных властелинов долин и гор, что вместе с серовато-зеленым в этих краях Каспием составляли ханства Кубинское и Дербентское.

Шел палящий август 1775 года. Пыль над трактом, что ведет из чуть охлаждаемого морским ветерком Дербента на север, к русскому Кизляру, была так прокалена жаром, что уже не оседала.

Клубилась пыль, туманилась от зноя голова. Посланцы Фатали-хана Кубинского и Дербентского возвращались в родные края из поездки к русской царице.

Взметнулись чем-то встревоженные орлы. Взмах-другой могучих крыльев — они поплыли в высоком белесом небе, коротким клекотом обозначили недовольство: нет добычи здесь, будем искать... Старики были терпеливее, выдержаннее, мудрее. На все воля Аллаха Всевышнего! Иншалла! Образуется...

Посланцам хана было много хуже. В радостную пору цветения гранатов весной 1775 г. в далекую русскую столицу на Неве-реке, такой стылой, что на ее берег и летом без бешмета не выйдешь, отправились семеро (благословенная цифра!) храбрецов. Во главе их стоял Назир Кубинского ханства (первое лицо после хана) и правитель Дербента — мудрый и осторожный Мирзабек Фархадбеков, тень и меч воителя и устроителя земель северо-восточного Азербайджана Фатали-хана. «Первого человека при хане», как называли Мирзабека русские источники, сопровождали «мужи пера», что разумом светлы, знанием богаты, а преданностью хану прослав-

лены от реки Самур до реки Куры. Это были кятибы — письмоводители: Мирза Садых Мухаммадвелиев, Мухаммедабек Алибеков и Пири Саид Ахмедов. С ними также ехали «мужи меча» — славные в боях и переговорах Новруз Мурадов, Али Машанкулов и Сафарали Оджах Гулиев.

Уехало семеро джигитов, возвращалось шестеро. Да с таким настроением, что павлину без веера-хвоста и то на душе легче. Назира Мирзабека задержал в Кизляре вздорный, как больной евнух, и лукавый, как торговец несвежей халвой, русский воинский начальник генерал де Медем. Даже переводчик Василий Валуев, служилый русский дворянин, и тот пропал, как только Терек миновали. Главное же — они не смогли не только увидеть русскую царицу, но даже попасть в столицу Петербург. Дальше Москвы их не пустили, выше московских градоправителей не приняли. От того и дорога домой длиннее ночи без луны и душа болью звучит, как надтреснутый ребаб. А ведь как все выстраивалось!...

Присядь, о читатель, на ковер благосудия в шатре размышлений, и я, недостойный, разверну перед тобой диван надежд и печали наших предков.

В 60-х — начале 70-х гг. XVIII в. императрица Екатерина II утвердилась в намерении обезопасить Юг России от крымско-турецких набегов и открыть, наконец, Босфор и Дарданеллы для русских торговых кораблей, чтобы те шли в Европу и далее, куда получится. Азербайджанские земли в то время претерпевали большие трудности. Их зажимали с севера воинственные южно-дагестанские и вайнахские (чеченцы, ингуши и др.) соседи, с юга и юго-востока — турки и персы, беспощадные друг к другу, а уж тем более к южно-кавказским азербайджанским ханствам-султанствам. Правители Северо-Восточного Азербайджана были вынуждены выстраивать политику сложную и долгую, как сказание певца-ашуга.

Наиболее деятельным, прозорливым и гибким показал себя Фатали-хан Кубинский и Дербентский. Опираясь на свой центр торговли и политики — древнюю Шемаху, царица которой, как было известно Пушкину, пленила царя Дадона, Фатали-хан был последователен в выборе основных военно-политических ориентиров. Традиционные многовековые связи (торговые, культурные, меньше — военные) Шемахи и Дербента с Московским государством стали для собирателя Северо-Восточного Азербайджана Фатали-хана основой политического курса, тернистого, но непреложного, как Великий Шелковый Путь.

На Большой государственной печати Фатали-хана явственно читаются (теми, кто владеет арабской графикой, разумеется) слова: «Судьба

начертана на зените неба, развернулось знамя Фатали»⁵⁴. Он с достойной твердостью отверг предложения османского султана Мустафы III о совместных действиях против русских войск во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., равно как и просьбу Стамбула, — по крайней мере, не допускать русские войска через территорию Кубинского ханства в Грузию. Рискуя столкнуться с сильными соперниками – ереванскими и бакинскими ханами, склонными к союзу с османами, Фатали-хан устоял, чем заслужил уважение ряда других азербайджанских ханов и грузинских картли-кахетинских правителей.

Екатерина «доброхотство» шемахинского владыки оценила. Коллегия иностранных дел России в феврале 1770 г. через консула в Сальянах (на р. Кура) передала ему «монаршее благоволение» и неопределенное обещание «достойного воздаяния»⁵⁵. Не Бог весть что, но хана и это вдохновляло.

Ему приходилось думать о ближайших противниках. В Персии (Иране) в то время грызлись, как шакалы у павшей газели, племенные вожди из зендов и каджаров. Наемники, лошади, провиант, — все это они так и норовили урвать на азербайджанских землях. Справедливо отмечал полузабытый источник «Асари–Дагестан» (издан: Махач Кала, 1927), что распространение своего влияния на Шеку, Гянджу, Карабах, Ардебиль, Тебриз (Тавриз) для Фатали-хана есть средство для спасения Кубы, Шемахи, Дербента и других его земель.

Любопытно, что в разгар Крымской войны (1853–1856) российская газета «Кавказ» (№ 94, 1854) опубликовала архивные записи рассказов русских купцов, торговавших в Шемахе и Дербенте: Егора Замятина, Степана Шарипина и Ивана Матвеева, — относящиеся к сентябрю 1769 г. Российские негодянты с большой симпатией и сочувствием говорили о попытках Кубинского хана утвердить «порядок без разбоя на дорогах и меру в торговле, чтобы в Тебриз, Решт, Казвин и куда далее ходить...».

Однако в 1771–1773 гг. ситуация сложилась для Фатали-хана неблагоприятная. Коалиция соперников – местных азербайджанских и аварских ханов оставила его, как грустно заметил русский консул А. Боголюбов, «в печали и молчаливости».

В июле 1774 г. произошли два разновеликих, но для нашего «дивана мыслей» примечательных события. Был подписан русско-турецкий мир-

⁵⁴ Указы Кубинских ханов. Тифлис, 1937. С. 61.

⁵⁵ Документы эти историкам известны. См.: Маркова О. П. *Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке*. М.: Наука, 1966. С. 141.

ный договор в Кючук-Кайнарджи, а за три тысячи верст от этой деревушки, на Гавдушанской равнине близ нынешнего г. Худата войска Фатали-хана были разгромлены объединившимися против объединителя врагами.

Шамхал (правитель, князь) Тарковский, что прислонялся тогда спиной к Каспию, владея землями к югу от реки Сулак, и по необходимости (поскольку был «сильно утесняем» кумыкскими и чеченскими набегами) остававшийся союзником Фатали-хана, почел важным сообщить в Петербург: «Фатали-хана разбили, более теперь он надеяться не может, как на Россию»⁵⁶.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. поражал современников (и в том пример нам, грешным) тем, как удачно русская дипломатия добилась «собственных видов и выгод». Например, ей удалось увязать открытие Черноморских проливов для торгового мореплавания под российским флагом с идеей формального права защиты православного населения Османской империи. Кавказские проблемы были сформулированы в трактате в самом общем виде и касались, прежде всего, Западной Грузии, где власть османской империи упразднилась. В то же время Восточная Грузия (Картли-Кахетия в своей основе), граничившая с владениями Фатали-хана, сохраняла свои довоенные границы и статус. И при этом турки согласились признать независимость Крымского ханства от власти турецкого султана, исчислявшейся с 1472 года.

Фатали-хан, как сообщали наблюдательные русские консулы, «с вниманием первостатейным» относился к трем вещам: ухоженности личного оружия, состоянию лошадей — своих и охраны, и... своевременности сведений от властительных соседей. Он, как пишут все источники, внимательно следил за развитием событий на русско-турецком фронте. Из числа первых ханов уяснил значение мирного договора и обратил внимание на то, что оба царя — и Западной Грузии, и Грузии Восточной — рассчитывают получить «подданство» России или какое-то покровительство, на манер того, что распространено над балканскими христианами⁵⁷.

Фатали-хан знал также, что обеты Петербурга царям Ираклию II и Соломону I были более чем сдержанными, но ведь и Египет и Сирию с Ливаном Екатерина в подданство принимать отказалась⁵⁸, а уж как еги-

⁵⁶ *Архив внешней политики Российской империи. Ф. Персидский стол. Д. 470. Л. 75; Абдуллаев, Гаси. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 525.*

⁵⁷ Цагарели А. *Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии*. Т. II. Вып. 2. СПб., 1902. С. 1–2, 4–6, 267–268.

⁵⁸ См. в настоящем сборнике статью «Россия и Турция: развитие взаимных представлений народов».

петское мамлюки того «искали»! Сам Вольтер в том пользу для России обнаруживал и за мамлюков перед государыней заступался...

Мнение великого вольнодумца о делах в безмерно далекой от него Кубе нам неизвестно. Документально подтверждены и давно опубликованы оценки ситуации в Северо-Восточном Азербайджане академиков Российской Академии наук С.-Г. Гмелина, Г. Гильденштедта, М. Биберштейна, И. Лерха.

В составе нескольких исследовательских экспедиций Академии наук, оплаченных такими известными меценатами, как А. А. Мусин-Пушкин и Вл. Орлов, в 1760-х – 1770-х гг. академики несколько раз проехали по охваченным междоусобной войной землям Азербайджана и Северного Кавказа⁵⁹. Авторитет российских ученых был столь высок, их лояльность и компетентность вызывали такое глубокое уважение у местного населения от хана до простого нукера, что посвист пуль над головой рассеянный Самуил-Готлиб Гмелин нередко принимал за полеты шмелей.

Человек достаточно доверчивый и искренний для своего положения, когда даже ишак мог лягнуть хана, Фатали-хан, тем не менее, не без основания сомневался в подлинных целях экспедиции С. Гмелина. Хан, добросовестно обеспечивавший конвой, провиант, короче – безопасность Гмелина, однажды все-таки не удержался (1770):

— Ваше собиране трав основано на сущем обмане и служит прикрытием для сбора совсем иных сведений. Как связаны между собой время восхода луны и число нефтяных колодцев? При чем тут подсчет их общих «доходов» и план бакинской гавани?

«Фет Али-хан... — писал Гмелин в очередном отчете в Петербург, — действительно помогал в моем путешествии... Между тем я старался убедительными доводами отвести его от ложного мнения, но из всего ясно приметил, что он при нем и остался».

Ситуацию тогда разрядила не сказочная, а живая, «во плоти, кружащей разум и лишаящей сна», жена Фатали-хана, красавица Туту-Бике, которая с 1766 г. самостоятельно управляла Дербентом и даже успешно отбила осаду города, учиненную осенью 1774 г. ее родным братом, уцмием (т. е. правителем) Каракайтага. А тогда, в 1770 г., мудро заметила, послушав про «петербургского сказителя»:

⁵⁹ См.: Гильденштедт А. *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа*. СПб., 1809; Гмелин С. *Путешествия по России*. Ч. 3. Экспедиционная комиссия 1768–1774 гг. *Вестник АН СССР*. 1931. № 7.

— Я служу тебе, мой хан, и храню Дербент. А он служит своей царице и протаптывает ей дорогу в Северный Иран. Беспокойная женщина — царица Екатерина. То в Крым смотрит, то... Одним словом, без мужа. Вах!

На исходе зимы 1775 г., когда солнце военного счастья Фатали-хана и Туту-Бике ушло за тучу сомнений, а враги умножились саранчой, случилась беда. Злой и опасный, как неперелинявшая гюрза, умций Каракайтага, чтобы уж вконец досадить Фатали-хану и непокорной сестре, захватил в плен всю экспедицию Гмелина. Зиндан не Большая гостиная в здании Академии наук... Умер академик.

Императрица в праведном гневе повелела «сделать надлежащее к освобождению» других членов экспедиции и уцмий Амир-Хамзу наказать. Отряд русских войск только начал выдвигаться из Кизляра в направлении злополучного Каракайтага, как Фатали-хан выслал упомянутую делегацию своих вернейших людей. Навстречу выступавшим, как бы заявляя: вот я, здесь, и буду с вами. Конечной целью этого первого посольства азербайджанских ханов было обратиться напрямую к Екатерине с просьбой о покровительстве России над Кубинским ханством.

Пространное послание на фарси, богато и изящно исполненное в лучших традициях восточной каллиграфии, и поныне хранится в Архиве внешней политики Российской империи.

Письмо до царицы дошло. Послы — нет. Почему?

Фатали-хан пространно, но четко и убедительно возводил к Петру I, к эпохе его Дербентского похода дружбу России и правителей Кубы — деда и отца Фатали-хана. Объяснял, что ни посулы и дары Стамбула, ни выгоды союза с Ираном, обещавшим помощь против внутренних врагов, не могли поколебать твердой решимости «...пребывая под стягом великой державы — России, найти убежище в милосердии ее высокого двора».

Дальше шло главное. Ссылаясь на «спокойствие, благополучие и самостоятельность в делах собственных [читай — внутренних. — В.Ш.]», обретенные крымским ханом в Крыму, а грузинами в Грузии, Фатали-хан просил у императрицы, по сути, немногого.

«Дать указание его превосходительству генерал-порутчику [де Мемеду, что стоял в Кизляре. — В. Ш.], дабы он в этой ...обстановке наказал и усмирил моих врагов и отвоевал полностью от неприятелей весь Ширванский край по эту сторону от реки Куры и предоставил мне с тем, чтобы я в

правлении большими делами был спокойным и самостоятельным в делах упомянутых вилайетов»⁶⁰.

По некоторым свидетельствам, изумруд души хана, нежная, как лунный свет на ланитах юной девы, многомудрая, как Шехерезада, свирепая, как волчица в гоне, Туту-Бике посоветовала вместе с письмом и богатыми дарами послать владычице Севера ключи от Дербента, которые она хранила в тени своих грудей... Мирзабек — глава миссии, так и сделал.

С мая по июнь 1775 г. через Астрахань, долго и трудно — в стране догорали пожары Пугачевского восстания — посольство добиралось до Москвы. Там их и задержали. В Петербург помчалось только письмо и ключи от Дербента. Ключам Екатерина умилилась — великий Петр держал их в своих руках, но оставил по принадлежности! Письмо изучали долго и основательно. Дабы на Москве гости не скучали, им отпустили кормовых 3439 рублей да 90 копеек. Огромные деньги! Ублажали в рамках дозволенного предписаниями ислама, показывали посланцам все красоты Москвы и Подмосковья.

За это время произошли серьезные подвижки в оценке ситуации самой Екатериной. Дело в том, что еще в середине июня 1775 г. в Петербурге был получен рапорт де Медема, сразу названный императрицей «престранным». Де Медем докладывал (рапорты из Кизляра на берега Невы шли, точнее, летели менее двух недель!), что противники Фатали-хана отступили, что хан при поддержке его воинского отряда обрел всю полноту власти и «вступил со всем владением под покровительство России».

Генерал ждал Андреевской звезды, славы, присылки войск и денег для приведения в порядок расстроенных дел в Кубинском ханстве. Схлопотал раздраженную резолюцию императрицы: «Чорт велел к Дербенту идти!»

Спустя четыре месяца, когда в «дело о нечаянном и ненужномобретении Дербента» был вынужден вмешаться Г. А. Потемкин, чтобы вызвать из окружения войско «незадачливого расширителя пределов российских», Екатерина II написала по поводу неуместного вмешательства де Медема в конфликт местных азербайджанских властелинов: «Советую возвратить [де Медема в Кизляр, на территорию России. — *Авт.*]: его превосходительства кратчайшее дурачество из дурачеств есть лучшее»⁶¹.

Мирзабек со товарищи пребывал в изумлении от непривычного быта и облика москвичей и Москвы, предавался долгим и многозначительным,

⁶⁰ Перевод XVIII века. Цит. по: Абдуллаев, Гаси. Азербайджан в XVIII веке... С. 545; Архив Государственного Совета. Т.1. Ч. 2. Стлб. 787.

⁶¹ См.: Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 27. СПб., 1880. С. 59-80.

но ничего не значившим беседам с русскими должностными лицами, кои выполняли краткое царское повеление: «обнадежить покровительством». За семьсот верст от преспокойной Москвы, в Петербурге, кипели страсти воистину государственного уровня. Были получены и деятельно обсуждались и в узком кругу — Екатерина II, канцлер Н. И. Панин, еще два-три человека, — и на Государственном Совете многочисленные послания.

Муртуза Али, шамхал Тарковский, засыпал Петербург и своего конфиденнта Г. А. Потемкина просьбами принять **непосредственно в российский подданство**. Деятельно помогался «совокупиться с Российской армией» ради сокрушения смутьянов и ниспровергателей друга России наивернейшего — Фатали-хана. Шамхал справедливо подчеркивал, что земли получил не из рук сюзерена — шаха Ирана, а от кубинского хана лично, значит, Ирану не место в делах, что меж верных друзей.

Не забудем, что Северный и Северо-Восточный Кавказ не были напрямую охвачены движением Е. И. Пугачева. Однако Пугачева поддерживал, и это все знали, причем не только грамотами и обещаниями звания паши, османский султан Мустафа III. Зловещий призрак присоединения к бунту недовольных русской политикой горцев Предкавказья являлся Екатерине не только по ночам, но и наяву в течение 1772–1774 гг. Куба, Дербент, Баку, Тарки — это, конечно, хорошо, но дагестанские войска подступают к Кавказской линии отнюдь не с барашками, халвой и пахлавой!

«Убийственной вестью» назвал Н. И. Панин восторженное письмо от Ираклия II, формально подданного Стамбула под именем Эрекли-хана, о нечаянной радости по поводу рейда де Медема на Дербент и желательности войны в Дагестане. Все во имя скорейшего принятия русского подданства⁶². Со стороны Екатерины и Панина тотчас последовала краткая резолюция: «невместно!» — и пространные рассуждения на очередных заседаниях Государственного Совета. Витиеватые, но благорасполагающие ответы пришлось давать Стамбулу, который очень внимательно отслеживал ситуацию на своих анатолийско-закавказских границах. Высокая Порта намеревалась при случае добить разобщенный Иран, и «русское ханство» на возможном пути янычар в земли кызылбашей было султану, что колючка саксаула в бешбармаке.

Высокую Порту умиротворили специальным посланием Екатерины о нерушимости всех статей и положений Кючук-Кайнарджийского мирного трактата. Чрезвычайный посол Н. В. Репнин письменно и устно

⁶² Цагарели А. *Грамоты...* Т. II. Вып. 2. С. 268–269.

заверял в Стамбуле Августейший Диван и вдумчивого Абдул Хамида I в том смысле, что на Кавказе — все спокойно, «никаких приращений не измысливается», а Турции с Персией воевать как-то не ко времени, лучше на Австрию, которая Дунайские княжества и сербов «мутит», обратить внимание...

Императрица и Государственный Совет, документы которого на сей счет доступны вам, о читатель, ибо полностью опубликованы, судили здраво. Мир с турками? Важно! Мир с Персией? Насколько возможно. Укрепиться в Крыму, потушить пугачевщину? Важнее всего! Славянам и грекам на Балканы идут успокоительные послания — Россия не забудет о судьбе своих православных братьев, а пока — потерпите ярмо турецкое, 400 лет носите, притерлось...

Мягко, но с приличной твердостью осадили грузинских ревнителей ярма российского — у вас есть свои законные властители в Тегеране и в Стамбуле. Договаривайтесь! Очень непросто оказалось с Азербайджаном. Пришлось вводить в операцию «тяжелую артиллерию» — замотанного благоустройством Новороссии светлейшего князя Г. А. Потемкина. Императрица предписала: «...чтобы со славой поправить усердный, но неосторожный и хлопотливый поступок де Медема, надлежит возвратить ключи Дербенту и восстановить Фет Али-хана»⁶³.

Все выстроено корректно, вполне в «екатерининском духе». Крымский вопрос, Черноморские проливы, будущий флот на Чрном море, умиротворение негодующих и не получивших поддержки балканских христиан, хорошая мина перед Западом, особенно Австрией, поскольку вызревает «Греческий роман» (ах, простите, «греческий проект» России с Австрией), а там и Польшу делить... Опять же Австрия, Пруссия... Турция...

Все верно, все во благо России.

— Так где же, в чем она — ошибка императрицы? — спросил, досадливо поморщившись, читатель.

— В деталях. И у великих бывают предосаднейшие оплошности. Либо — скрупулезно рассчитанные проколы, — так отвечал бы автор. — Судите сами.

Екатерина сформулировала свое отношение к ситуации, которое и легло в основу решения Государственного Совета⁶⁴, следующим образом:

⁶³ *Сборник РИО*. Т. 42. СПб., 1885. С. 401.

⁶⁴ Документы см.: *Архив Государственного Совета*. Т. I. Ч. 2. СПб., 1869. С. 788–789; *Сборник РИО*. Т. 45. С. 298.

«При всем истинном здесь императорского двора благоволении к хану Кубинскому и Дербентскому в рассуждении давно известного усердия его, и при [по]желании ему всяких выгодностей и успехов... ключи персидского [так в тексте, подчеркнуто нами. — В. Ш.] города Дербента... здесь ни к какому употреблению неудобны. Оные для доставления в их место при сем почтенному наибу дербентскому Мирзабеку и отдаются назад».

Пилюлю надобно бы позолотить да подсластить. Слегка.

«Давно от здешних пограничных [российских. — В. Ш.] начальников похваляем [Фатали-хан. — В. Ш.] за доброе свое обхождение... в его местах подданными здешней империи разного звания людьми. По такому основанию... сей персидский [так в тексте. — В. Ш.] начальник [Фатали-хан. — В. Ш.] может иметь совершенную надежду на высочайшее ея императорского величества покровительство во всех случаях, настоящее Российского императорского двора положение дел с Персиею не отменяющих».

Вот оно — Фатали-хан признан подданным Персии (Ирана) со всеми проистекающими последствиями. Все доводы Фатали-хана в пользу отсутствия контактов с Ираном, определенность выбора: русская ориентация, — приняты во внимание не были. Призрак мира с полуразрушенной Персией обрел реальную силу, а фактически независимый азербайджанский правитель возведен в персидские пограничники.

Пилюля была не только горькой, но и с ошибками в ингредиентах. Невместно, считала Екатерина, усматривать связь между положением Крымского и Кубинского ханств: «...Татары [крымские. — В.Ш.], кроме единозакония, совсем разной от турков народ и всегда в собственных своих местах обитавший ...почему и Высокая Порта согласилась, наконец, по здешнему требованию, на отлучение их из-под своей власти...».

Вах, лукавый калем нашей малики-императрицы, что вывел ты! Турки-татары «столь разные», что несколько лет спустя Дом Гиреев Крымских будет претендовать на трон османских султанов! И не без основания — чингизиды, пришельцы в Крым из Центральной Азии...

Раскуси пилюлю, мудрый Фатали-хан, узри суть. Не следует, внушала Екатерина верному хану, на послов которого и не глянула, *«и заглядывать-ся на крымского хана, ибо он был в неравном с ним [Фатали-ханом. — В. Ш.] положении».*

И «венец» — азербайджанцы, уверяла хана «русская немка» на престоле, с персиянами (иранцами) «по природе единой народ» и Персия — их Отечество. Не больше и не меньше.

Человек образованный, окруженный выдающимися, воистину образованнейшими людьми своего времени, Екатерина II не могла не знать о тюркской общности азербайджанцев, турок, татар. И об обособленности иранской этно-языковой группы. Да и шиитская ветвь ислама, господствующая в Иране, далеко не полностью доминировала в азербайджанских землях.

«Ошибки» просто быть не могло. Государственный Совет прояснил ситуацию, но не в послании к Фатали-хану, а в протокольной записи. Кубинский хан не может быть «приведен в независимое состояние». Все просто и ясно. Не подданства и властей российских на своей земле, а независимости и поддержки в борьбе против турок или персов, а также и своих соседей хотел строптивый хан. И это стало «непреодолимым препятствием» в поисках Фатали-ханом поддержки в строительстве сильного и единого государства.

Государственный Совет Российской империи постановил: «Советуется ему [Фатали-хану. — *В. III.*] искать всей помощи от Персии, по его от нее зависимости»⁶⁵.

Последовало также пространнейшее письмо канцлера Н. И. Панина Фатали-хану. Благожелательное до елейности и беспощадное в конце, как удар кинжалом под левую лопатку: «ни участвовать, ни помогать вам [императрица. — *В. III.*] средств не находит». Панин переписал с присущей ему точностью *личную* запись Екатерины.

Государственный Совет, однако, внял осторожным предложениям князя А. Вяземского (десять лет спустя он будет принимать в своем доме в Москве турецкого чрезвычайного посла Мустафу Расыха). Дескать, надо «умягчить присоветование хану в искании помощи от Персии... дабы оставить ему всегдашнюю на нас надежду...». Сошлись на «пристойном награждении» послам, богатых дарах хану и супруге его, на некоторых облегчениях общего торгова в Астрахани и на Кавказской линии.

Шел уже сентябрь 1775 г., посольство с дарами, обременившими не хурджуны, но души гордых и сильных людей, возвращалось в свои многострадалные земли. Орлы улетели... Старики ждали. Иншалла! Все обзается!...

Нет повести печальнее, чем та, в которой в простёртую за помощью руку кто-то сильный и властный вкладывает походя блестящий камешек...

⁶⁵ Архив Государственного Совета. Т. I. Ч. 2. С. 789.

Отчего так тянуло русских правителей к «шемаханским царицам»

Достоверные сведения об устойчивом интересе наших предков к землям и народам современного Азербайджана восходят еще к IX веку. Предприимчивый торговый люд Древней Руси столь усердно осваивал западное побережье Каспийского моря, особенно район Баку, что аль-Масуди, арабский путешественник рубежа IX–X вв., не без удивления отметил, что «никто, кроме них [русов. — *В. III.*], не плавал по этому морю»⁶⁶.

Тюджары-торговцы из легендарной Шемахи тоже были людьми энергичными и деловитыми, дома не сидели, иной раз даже основывали целые торговые колонии. Селились большими семьями, но под сказочной красоты шелками-платками тщательно скрывали лучезарную прелесть своих лукавых жен и дочерей. Тех самых, которые с легкостью лишали самообладания властителей Руси — от царя Дадона и позже... Известный исследователь русской торговли М. Чулков еще в конце XVIII в. писал, что из найденных в устье Волги мусульманских надгробий самые многочисленные и богатые принадлежат торговым людям из Ширванского ханства и его столицы Шемахи⁶⁷.

Старые, за века сложившиеся торговые пути соединяли Шемаху с Дербентом, Баку и Ленкоранью на побережье Каспийского моря, с Тифлисом и Ереваном — на суше. А оттуда торг шел на всю Азию... Но и Европу правители Ширвана не забывали.

Ценивший красоту, но головы от нее не терявший Иван III Великий (1462–1505) обменялся посольствами с шемахинским правителем (ширваншахом) Фаррухом Яссаром в 1465–1467 гг. Уезжавшему в Шемаху русскому послу Василию Папену было наказано «товар смотреть», а пуще всего с людьми добрыми крепко дружбу водить.

⁶⁶ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Т. 38. С. 38.

⁶⁷ Чулков М. *Историческое описание российской коммерции*. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1781. С. 57.

В отчетах шемахинского посла на Москве тех же лет Хасан-бека едва ли не самые частые слова — «краса» да «гульбище». Что именно за этими выражениями стоит, мне не ведомо. Только вот занятно, что после приезда на Москву к Ивану III Софьи-Зои Палеолог, навязавшей на нашу голову в качестве герба свою двуглавую птичку, в отчетах очередного шемаханского посла Шахабеддин-бека (1499) уже одно только скучное благолепие, слегка приправленное восхищением от размаха московского каменного строительства...

Шли годы. Русь росла. К Московскому государству была присоединена Казань (1552), затем Астрахань (1556). Крахом окончилась попытка осуществить детскую мечту султана Селима II Пьяницы (1566–1574), сына Сулеймана Великолепного и его незабвенной прелестницы Анастасии Гавриловны Лисовской (Роксоланы, или Хуррем-султан), — прорыть Волго-Донской канал (1569) и пройти через Кавказ на Иран. Все эти события сметливый «шемахинский царь», как называют его документы русских архивов, — беглярбек (правитель) Ширвана Устаджлу Абдуллахан оценивал быстро и точно.

Еще дымилась Москва (1569), последний раз подожженная крымским ханом, а к Ивану IV Грозному уже засобиралось посольство от Абдуллы-хана. Возможно, первым из правителей Кавказа и всего Ближнего Востока беглярбек оценил принципиальность происходивших в регионе изменений.

Османы крепко увязли на Балканах. При Лепанто был разгромлен их огромный флот. Без флота империя — что янычар без ятагана. Персидские кызылбаши озираются то на османов, то на Великих Моголов — кто ударит первым. Москва овладела Великим Волжским путем, вышла на прямое пересечение с Великим Шелковым путем Китай — Индия — Персия — Европа. Благодаря этому появилась возможность укутывать прелести «шемахинских гюзелей» не только в русские соболя, но и даже в мануфактурные изделия ингилизов — мастеров далекой Британии. Далеко-далеко, за моря смотрел беглярбек, когда давал грамоты на свободную торговлю, да еще с обещанием лично оберегать безопасность московских и английских негоциантов в своем сказочном Ширване. Об одном просил Абдулла-хан, богатыми дарами услаждая злую душу царя Ивана: «...Чтобы царь и великий князь торговым людям Шемахи велел дорогу отворити и торг бы им велел давать поволной»⁶⁸.

⁶⁸ Цит. по: Кушева Е. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. *Исторические записки Института истории АН СССР*. Вып. 34. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 268.

Вах, как же не хватало достойного гарема московским великим князьям! Одна жена Ивана III — византийская принцесса Софья, но второй могла бы стать дочь великого покорителя Константинополя (1453 г.) Мехмеда Фатиха. Да, была у османского султана в запасе дочь для османского государя, была... И тогда не стало бы проблем у русских и османов — свояки! С царем Иваном IV дело обстояло бы и того проще. Ведь была же у Грозного жена из земель Северного Кавказа. Увы, одна! А если бы еще и из Шемахи привезли ему «гуляющий кипарис», «луноликую пери с телом, на которое молодой месяц взирает с вожделением»... А к тому времени, может быть, удалось бы и ледышку-англичанку сосватать?.. Было ведь дело, предлагал Иван Грозный, один из последних Рюриковичей, руку и сердце Елизавете Девственнице, последней из славной династии Тюдоров! Не сладилось дело, а жаль... Право же, гарем всегда был путем решения если не всех, то многих геополитических проблем. На Востоке, разумеется. Может быть, наши думы не зря этот вопрос перекашивают во рту, словно шекерлю фындык, орех в сахаре... И еще раз, вах!

В то далекое время, несмотря на отсутствие связей по женской линии, в Москве и Шемахе все же решили согласно: торговать для пользы обеим нациям, а людей Абдуллы-хана беспрепятственно и почетно в Архангельск пропускать, чтобы через Студеное море в Англию ходить и везде, где потребуется...

Вдумайтесь, читатель! Конец эпохи Ивана Грозного. Лютуют опричники. Поляки-шведы-крымчаки так и норовят загрызть Москву. И в это кроваво-смутное время далекая Шемаха, о которой Афанасий Никитин, наш первопроходец по Восходу Солнца, сказал с изумлением: бесподобна! — дает поразительные примеры компромиссов и торговых преференций! Нам бы так, господа в думках и меджлисах! У предков бы поучиться взгляду на мир и на будущее мира...

Однако в то время для местных правителей, как, впрочем, и всего населения азербайджанских земель (Ширвана, Шеки, Гянджи и других), главной заботой была отнюдь не перспектива вывозить шелк-сырец и шелковые изделия, хлопок и красители, фрукты и лошадей. Они были озабочены, прежде всего, проблемой физического выживания. Земли были плодородные, многочисленное население отличалось своим трудолюбием. Недаром славились местные земледельцы, скотоводы, умелые ремесленники, воины и мореходы. Стратегически перспективные азербайджанские земли издавна были яблоком раздора между османскими султанами и персидскими (иранскими) шахами.

Во второй трети XVI в. Ширванское ханство, утратив самостоятельность, стало провинцией Персидской державы. Но на этом злключения только начинались.

Стамбул и Тегеран делили, захватывали, разменивали азербайджанские долины и горы. Причем и та, и другая сторона стремилась внедрить в сознание местного мусульманского населения свое толкование исламских канонов. Османы — ортодоксальный *суннизм* с его приматом подчинения стамбульскому султану-халифу, единовластному владыке правоверных от Боснии до Теплых морей. Персы — *шиизм* с идеей подчинения богоизбранным имамам, воплощавшим всю полноту власти над разумом, душой и телом уверовавших.

Смена далеких претендентов на сюзеренитет: султана на шаха и наоборот, — приводила к обострению противоборства отдельных толков ислама со всеми насилиями, сопровождающими борьбу с «инакомыслием» где бы то ни было — хоть в Тюрингии и Саксонии, хоть в Тебризе и Гяндже. Оставаясь сугубо в рамках учения Священного Корана, местное население во имя физического выживания обращало свои взоры туда, где уважали их верования, могли помочь спастись от братоубийственных конфликтов и избежать участи жертв в бесконечных разделах между могущественными соседями — Турцией и Ираном.

Не удивительно, что в сообщениях русских воевод с застав на реке Терек в XVI–XVII вв. чередой шли в Москву такие строки: «...басурмане [общее название мусульманского населения в документах. — В. Ш.] в тех [азербайджанских. — В. Ш.] городах жилецкие люди говорят и желают все, чтоб им быти за великим государем» российским⁶⁹.

Многочисленность подобных сообщений известна, достоверность — неоспорима.

Однако! Нет прямых доказательств того, что «губерния, находящаяся по ту сторону Аракса от Персии», т. е. обширные азербайджанские территории ни о чем другом, как о «руке московского царя», и не мечтали. Скорее, об этом мечтали военные и дипломатические представители России в этих благословенных краях, а также путешественники и проезжавшие из России в Персию иностранцы на русской службе. Например, Корнелий де Бруинн, посетивший в 1707 г. Северо-Восточный Азербайджан, оставил восхищенные до умиленности описания «шемахинских гурий», «...коим не чаршаф и не паранджа, а собственная их

⁶⁹ Цит. по: [Веселовский Н. И., сост.]. *Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией*. Т. 1. СПб., 1890. С. 943.

природная красота, целомудрие и мужского сословия всячески изъясляемое уважение суть лучшие покрывала». Впрочем, и он возвращался порой в состояние вменяемости, столь нужное для дела, к которому был приставлен. Шемахинцы, как писал де Бруинн, «открыто заявляют, что защищаться не будут в случае прихода русских и ... даже молятся, чтобы это время наступило... Присоединение области, где имеется прекрасный порт в Баку... было бы очень кстати для его царского величества и очень выгодно для его подданных, уже издавна ведущих там дела»⁷⁰.

Однако отнюдь не «чувствовосхитительные прелести» шемахинских райских дев, а трезвые торгово-политические расчеты вовлекали государя нашего Петра Алексеевича, известного на Востоке под именем «Дели Петро» (Петр Отчаянный, вспомните небезызвестных «делибашей» пушкинского Арзрума), в поход на Прикаспийские земли — Дагестан, Азербайджан, Гилян (1721). Азербайджанский историк профессор Гаси Абдуллаев относит появление у Петра «шемахинских мечтаний» еще к 1694 г. А царь Петр мечтал, как известно, предметно и деятельно. Между 1715 и 1721 г. он трижды направлял высокопоставленных и доверенных лиц на западные берега Каспийского моря, в Баку, Тарки и Шемаху, — для «наблюдения путей», а также для содействия улучшению условий русской торговли⁷¹.

Падение контролировавшей Северо-Восток Азербайджана династии Сефевидов в Персии (Иране) (1721–1722) и массированное вторжение турецких войск в Грузию и Шемаху (1723) заставило русских военных и дипломатических деятелей серьезно задуматься о системе своих геополитических предпочтений. Увы, судьбы азербайджанских земель решались не в Баку и даже не только в Санкт-Петербурге. При участии английской дипломатии, крайне заинтересованной в том, чтобы держать русского солдата подальше от каспийских берегов, в 1724 г. в Константинополе был подписан русско-турецкий договор. Произошел очередной территориальный размен: турки остались на оккупированной ими части Азербайджана, а также в Грузии, в Армении и в Курдистане. Вскоре, нарушая договор, они заняли и весь Южный Азербайджан, включая города Хай и Тебриз.

Россия по договору разграничения 1724 г. получила (эта ситуация продержалась до 1735 г.) узкую полосу Прикаспийских губерний, а также невнятное обещание султана-халифа Ахмеда III (1704–1730) в будущем

⁷⁰ Цит. по: Левиатов В. *Из истории Азербайджана XVIII века*. Баку, 1945. С. 65.

⁷¹ Соймонов Ф. *Описание Каспийского моря*. СПб., 1763. С. 28–32; Бакиханов А. *Гюлистан-и-ирам*. Баку, 1926. С. 18–24; Абдуллаев Гаси. *Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения с Россией*. Баку: Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1965. С. 11–12.

удерживать крымских ханов от набегов, губительных для южнорусских земель. Надо сказать, что султан до конца своих дней невероятно кичился тем, что в свое время на реке Прут сумел разгромить самого «Дели Петра», а сожалел об одном: что не сообразил потребовать в качестве одного из условий мирного договора 1711 г. *чариче Катерину* в свой гарем — на первые должности... Опять гарем...

Обещание свое султан не сдержал. Набеги и пожары продолжались. Впрочем, не суждено было сбыться крупномасштабным планам Ахмеда III и Махмуда I (1730–1754) — отбросить Россию до Казани и Воронежа, а иранских кызылбашей отправить на галеры. Тогда Высокая Порта воцарилась бы на землях тюркских прародителей. К таковым они с легкостью причисляли и территории, населенные «заблудившимися в шиитской ереси» азербайджанцами.

В то же время выяснилось, сколь беспочвенными и неточными были расчеты, произведенные в тиши кабинетов, что выходили окнами на стылые воды Невы.

Планы петровского окружения оказались откровенно фантастическими. Это касалось, в первую очередь, идеи об установлении контроля над всем каспийским регионом — в качестве противовеса господству османов на Черном море и ради ослабления их позиций там. России уже почти сто лет не удавалось превратить Черное море из «османского озера» в «ручное зеркальце русского царя». Столь же нереальными были и «проекты» перенацеливания индийской торговли с азиатских караванных дорог на астраханские (а также, возможно, и бакинские) морские пути и далее — напрямую через Россию, через свежепорубленное «окно в Европу», чтобы стричь купоны с транзита.

По ряду косвенных свидетельств (заметки самого Петра, документы Тайного Совета, докладные военных и гражданских чинов из Астрахани и Прикаспийских провинций) можно судить о формировании в конце правления Петра Великого некоего грандиозного плана военно-торгового возвышения России. Причем древний Баку и юный Петербург должны были стать ключевыми пунктами колоссальной новой торговой артерии: Каспий — Волга — Вышневолоцкая и Нововоложская судоходные системы⁷².

⁷² См. документы: Гербер И. *Известия о находящихся в западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и о их состоянии в 1728 г.* СПб., 1760; *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 55. СПб., 1886. С. 110–114; Бартольд В. В. *Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира*. Баку, 1925. С. 113–116.

Запахи больших доходов явственно доносились до самого Санкт-Петербурга, дымками поднимаясь над бакинскими нефтяными колодцами. Тысячу пудов нефти, «если возможно, то и больше» требовал Петр доставлять из Баку. Ключом «ко всему нашему делу» называл российский император этот вечный город. Он имел в виду прежде всего русскую волжско-каспийскую альтернативу, которую стремился противопоставить налаженному британскому морскому пути — вокруг мыса Доброй Надежды и далее, к неисчислимым богатствам империи Великих Моголов на Индостане. Но в 1725 г. «ключ» выскользнул из холодеющих пальцев великого императора...

Его непосредственные преемники оказались чванливы, хвастливы и слабосильны. Где им было тягаться с упрямой волей возрождавшего силу и славу Ирана шаха Тахмаспа, — кровавого тирана, как Тамерлан, гибкого правителя, как шах Бабур, дальновидного государственного деятеля, как Петр. Да и османские гребные галеры-кадырга по-прежнему уверенно скользили по Черному морю. А на их веслах-то, как встарь, зависали могучие и несчастные рабы-галерники из русских земель, которые грабили, увозя в полон всех, кто только мог передвигаться, крымско-турецкие орды... Кстати, отсюда, от названия османской галеры, осуществленного на земле ада для гребцов — русское слово «каторга».

Тщетно писали в 1727 г. жители Шеки русскому коменданту Дербента: «Долго глядя на вашу дорогу, наши глаза потускнели, не знаем, чем вы заняты, медлить нехорошо, приезжайте скорее...»⁷³.

Оставленный без поддержки ограниченный русский воинский контингент в Прикаспийских провинциях (61 тысяча штыков) к 1731 г. «вымер от недокорма и хворобы» почти поголовно...

Подслеповатая Анна Иоанновна в своей восточной политике не видела ничего дальше необходимости «укорота крымчаков».

Рештский (1732 г.) и Гянджинский (1735 г.) договоры с Ираном поставили точку в затянувшейся интриге, которую вел Санкт-Петербург в Западном Прикаспии.

Взаимные торговые и политические влечения России и азербайджанских земель не были ничем реально подкреплены и оказались парализованными отдаленностью конфиденентов — как географической, так и ситуативной, последствием недальновидности правителей. Общим сторонам требовалось историческое время, чтобы осознать, как нужны они друг другу.

⁷³ Цит. по: Арутюнян П. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х гг. XVIII в. за присоединение к России. *Ученые записки Института востоковедения АН СССР*. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 135.

Повесть о том, как два императора делили Восток и Запад⁷⁴

Часть 1. Переговоры на плоту

Раннее утро. 25 июня 1807 г. по европейскому исчислению. Накануне и в течение всей ночи на левом берегу Немана, в районе небольшого приграничного городка Тильзит, стучали молотки, кипела бурная работа: шла подготовка к самому зрелищному, на века, событию из всех, которые произошли в ту эпоху, вообще отличавшуюся склонностью к эффектным акциям, к помпезной нарочитости поз и словес...

На плоту, который к утру надежно закрепили посредине Немана, были воздвигнуты два павильона белого полотна. Один, с вензелями «А» и «N», предназначался для высочайших персон; второй, без украшений, — для свиты и одного, и другого императора.

Внешний антураж встречи хорошо известен по многочисленным описаниям очевидцев, по рисункам и литографиям тех лет — в 11 часов утра лодка Наполеона, несмотря на достигнутую ранее договоренность, подплывает к плоту первой. Император французов, в мундире старой гвардии, с лентой Почетного легиона, встречает русского императора в мундире Преображенского полка, поднимающегося на подмости. Пылкая фраза Александра I: «Государь, я ненавижу англичан так же, как и вы!» Ответ Наполеона: «В таком случае все будет улажено и мир упрочен». Двухчасовая беседа с глазу на глаз, затем представления свитских...

Известно все: кто и когда кому каким глазом подмигнул... Обычно остается скрытым то, что же именно предшествовало этой встрече, а отчасти — и ее последствия.

⁷⁴ Статья написана совместно с Л. В. Зелениной.

Кстати, забавная деталь: на французских литографиях, запечатлевших встречу императоров, Александр и Наполеон изображены так, что кажется, будто они одного роста. На самом деле Александр Павлович был выше практически на голову.

Переговоры в Тильзите стали необходимостью после фактического крушения третьей и четвертой антинаполеоновских коалиций, сражавшихся с Францией в 1805–1807 гг. Первоначально третью коалицию составили Англия, Россия и Австрия в апреле 1805 г., но после Аустерлицкого сражения (2 декабря 1805 г.) Австрия заключила с Наполеоном мир в Прессбурге (23 декабря 1805 г.). Кстати, тогда же перестала существовать многовековая Священная Римская империя германской нации и родилась собственно Австрия.

Летом 1806 г. к сражающимся союзникам присоединилась Пруссия (так появилась четвертая коалиция), но вскоре потерпела поражения в сражениях при Иене и Ауэрштедте (оба произошли 14 октября 1806 г.). 18 октября королевское семейство покинуло Берлин и направилось в Кенигсберг. 27 октября Наполеон вошел в Берлин. В качестве своего личного трофея он отправил в Париж шпагу Фридриха Великого.

Теперь Наполеону противостояли армия России и уцелевшие, хотя и изрядно поредевшие прусские части. Битва при Прейсиш-Эйлау (8–9 февраля 1807 г.) была чрезвычайно кровопролитной, но не стала решающей. 25 апреля в Бартенштейне русский император и прусский король подписали новую конвенцию о совместных действиях, но иных союзников у них не оказалось. Ситуация осложнялась еще и тем, что в самом конце 1806 г., опять же не без вмешательства наполеоновской дипломатии, войну России объявила Турция, и Петербургу приходилось учитывать тот факт, что военные действия придется вести на два фронта. Единственным утешением были известия из Персии, с которой война шла давно, с 1804 г.: к концу 1806 г. русские войска заняли Дербент, Баку и Кубу. На этом остановились. Персиянам грозили, но не более того: сил не хватало.

Александр I еще в марте 1807 г. выехал из Санкт-Петербурга в войска, в район военных действий с французами, но к лету вернулся в пределы Российской империи. Вместе со своей свитой, в которой присутствовали ключевые фигуры дипломатического корпуса, он расположился в Тильзите, небольшом городке на левом берегу реки Неман. Город этот отличался разве что своей древней историей — он был основан в 1288 г. А так — двух-трехэтажные домики, кривые улочки, плавно перетекающие в дороги, что вели к немногим окрестным усадьбам. И совсем рядом — граница с Пруссией. А на прусской территории шли военные действия.

Вообще Европа воевала уже пятнадцать лет. Одно исключение — четырнадцать месяцев передышки после Амьенского мирного договора 1802 г. Единственными постоянными противниками в большой европейской драке были Великобритания и Франция. Россия то участвовала в военных действиях, то оставалась в стороне от них. В третьей и четвертой коалициях она была, пожалуй, одним из самых активных действующих лиц. Но к лету 1807 г. ее положение оказалось чрезвычайно серьезным.

Последний деятельно участвующий в боях союзник русских — Пруссия — разбита наголову. Отношения с Англией вызывали опасения. Наполеон предложил Пруссии наследственное владение английских королей — княжество Ганновер, что повлекло разрыв Англии с Пруссией и серьезное осложнение в отношениях с Россией. 25 марта истек срок действия русско-английского торгового договора, заключенного еще при Павле I, в 1797 г. Лондон предлагал возобновить его на прежних условиях, для британской торговли чрезвычайно выгодных. Однако за это десятилетие произошли серьезнейшие изменения, и ситуация уже не устраивала Санкт-Петербург. Все переговоры о договоре окончились неудачей.

Такое расхождение с Англией не могло не сказаться и на финансовых переговорах, которые велись уже в рамках коалиции: Россия должна была получать от Лондона заранее согласованные суммы для финансирования военных действий, однако сроки выплат, да и их размер часто менялись. К середине июня 1807 г. этот вопрос так и оставался неурегулированным.

В высших кругах Российской империи по поводу того, как следует действовать в сложившихся обстоятельствах, согласия не было. Ясно было одно: требуются решительные действия, но в каком именно направлении?

Сложились три группировки. Первая — это сторонники продолжения военных действий с опорой на Англию (А. А. Чарторыйский, П. А. Строганов и др.). Вторая, к которой, принадлежала, в частности, вдовствующая императрица Мария Федоровна, считала необходимым условием продолжения военных действий теснейший контакт с Пруссией. Это были министр иностранных дел А. Я. Будберг, главнокомандующий русской армией Л. Л. Беннигсен, деятельные граф Ф. В. Ростопчин, граф П. А. Толстой и др.

Однако была и третья группа — те, кто считал, что для блага России нужен союз с Францией или, по крайней мере, мир с ней. Это были сдержанный и дальновидный великий князь Константин Павлович, осторожный А. Б. Куракин, в конце 1806 г. назначенный послом в Австрию, но по просьбе Александра I задержавшийся в Тильзите, влиятельный

министр коммерции Н. П. Румянцев, М. М. Сперанский, звезда которого только поднималась, и др.

Однако окончательные решения принимал сам император.

Такова была ситуация к 14 июня, когда в битве при Фридланде русские войска под командованием Л. Л. Беннигсена и П. И. Багратиона были разбиты, остатки их отступали за Неман. Французской армии открылась прямая и удобная дорога на Кенигсберг, куда она и вступила вскоре.

Александр еще 12 июня выехал в войска, для инспекции прибывших из России резервов. Когда 15 июня в Тильзит дошли известия о катастрофе при Фридланде, из города началось если не бегство, то плохо организованное отступление. Александр уже не вернулся в Тильзит, а переехал на правый берег Немана, в совсем крохотный городок Амт-Баулен, что почти напротив Тильзита. Там у него состоялась беседа с английским послом лордом Гоуэром, который еще 11 июня прибыл в Тильзит.

Английский посол чрезвычайно опасался сепаратного мира России и Франции. Для Великобритании, которой с 27 ноября 1806 г. Наполеон объявил континентальную блокаду, была исключительно важна возможность торговать с Россией. Александр, в свою очередь, в полной досаде упрекал Лондон в полнейшей бездеятельности. Он говорил, что все разговоры о высадке английского десанта, о дополнительных субсидиях ни к чему не привели. Все это вызывало у русского императора сильнейшее раздражение.

Русская армия отступала к Неману. Французская неторопливо следовала за ней. В ночь с 18 на 19 июня последние русские батальоны и обоз перешли через Неман на правый берег по тильзитскому мосту, который потом сожгли казаки атамана Платова.

19 июня Наполеон въехал в Тильзит. Достоинно, но без помпезности.

В тот же день в Тильзит прибыл князь Д. И. Лобанов-Ростовский, получивший от Александра I полномочия на заключение перемирия. Всемогущего Ш.-М. Талейрана в это время в Тильзите еще не было, и переговоры с французской стороны вел сдержанный маршал Л. Бертье. Фактически единственным условием перемирия, на котором было приказано настаивать Лобанову-Ростовскому, было сохранение территориальной целостности Российской империи.

Поздно вечером 19 июня, уже после того, как Лобанов-Ростовский вернулся на правый берег Немана, к Беннигсену прибыл адъютант Наполеона генерал Ж. Дюрок, сердечное «Я» Наполеона. От имени французского императора он официально предложил русским заключить мир.

Далее события разворачивались стремительно, как и все, в чем принимал участие Наполеон.

20 июня Александр подписал князю Д. И. Лобанову-Ростовскому полномочия на заключение мира — пока сроком на один месяц.

21 июня подписывается перемирие, причем бессрочное. Наполеон тут же дает согласие на заключение перемирия с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III. Кроме того, стороны, т. е. Россия и Франция, соглашались назначить уполномоченных для заключения окончательного мира.

22 июня Наполеон ратифицирует текст перемирия. На обеде, который он дает в честь этого события, он в самых политических выражениях сообщает князю Лобанову-Ростовскому, что желает лично встретиться с русским императором.

Александр I в этот день выехал в Тауроген, еще один городок на правом берегу Немана, взяв с собой лишь несколько человек из ближайшего окружения. Видимо, на обдумывание ситуации Александру Павловичу, человеку быстрого ума, времени много не потребовалось.

23 июня Александр I ратифицировал текст перемирия и дал согласие на личную встречу двух императоров.

24 июня — обе стороны деятельно и как-то суетливо готовятся к переговорам. Принято решение о том, что встреча будет подчеркнута нейтральной — посреди реки, спокойной до меланхоличности. Начинается сооружение мощного плота — театральных подмостков для пышного спектакля.

Надо отметить, что для дипломатии эпохи Наполеона вообще было характерно активнейшее личное участие императоров и королей не только в непосредственном подписании конечных документов той или иной встречи, но и в их подготовке. Конечно, очень большое значение имели и те переговоры, далеко не такие зрелищные, которые вели между собой профессиональные дипломаты. И все-таки и современники, и мы, через пару веков, следим за фигурками первейших особ. Все, как они хотели...

25 и 26 июня встречи двух императоров прошли на плоту, затем, после того, как Тильзит был объявлен нейтральным городом, переговоры были перенесены туда. Александр I занял тот же дом, в котором жил до того, как пришло известие о битве при Фрилянде. Теперь во встречах императоров принимал участие и прусский король, а иногда и его супруга, прелестная умница королева Луиза, которую называли самой прекрасной из коронованных дам Европы. Английский посол, оставив в Тильзите неприметных конфидентов, деликатно удалился в Мемель. Впрочем, оттуда

он вел активную переписку и с российскими дипломатами, и с собственным двором, так что оставался в режиме событий.

Внешне ситуация выглядела почти идиллически. По утрам два императора, иногда вместе с королем, откушав, выезжали на смотры или учения французских войск. Днем вели переговоры. Вечером — обед (всегда у Наполеона), тоже вдвоем, реже втроем. Иногда к ним присоединялся великий князь Константин Павлович (кстати, Наполеон обменялся с ним шпагами). Тогда с французской стороны к обедающим приглашался маршал И. Мюрат, женатый на сестре Наполеона Каролине. Таким образом сохранялся подчеркнуто семейный уровень общения. Иногда два императора поздним вечером, уже после полуночи, пользуясь прекрасной летней погодой и светлыми ночами, часами гуляли под руку по улицам Тильзита, беседуя, как позже вспоминал Наполеон, о политике, о философии... Короче — о вечном.

В наши дни профессиональные дипломаты подробно обсуждают все условия соглашений, которые предстоит заключить, выверяя каждый документ до последней запятой. Затем главы государств эти соглашения подписывают. В начале XIX столетия ситуация сложилась прямо противоположная: условия мирных договоров обсуждали между собой непосредственно императоры и короли, потом профессиональные дипломаты подписывали эти документы, а государи утверждали их. Тильзитские соглашения и их подготовка — один из самых ярких примеров тому.

Наиболее серьезные проблемы взаимоотношений двух империй, да и судеб Европы (и не только Европы!) обсуждались вплоть до 7 июля, когда были подписаны два договора — о мире и дружбе и о наступательном и оборонительном союзе. 9 июля оба императора утвердили эти договоры. Их положения общеизвестны — Россия признавала все завоевания Наполеона и те изменения на карте Европы, которые произошли к июню 1807 г.; Пруссия лишалась фактически половины своей территории, из отобранных у нее земель создавались королевство Вестфалия, где королем стал брат Наполеона Жером, и великое герцогство Варшавское; Россия присоединялась к континентальной блокаде Великобритании; затрагивались и проблемы Османской империи — Петербург согласился на французское посредничество при своих мирных переговорах со Стамбулом.

Фактически в Тильзите определилась линия раздела сфер влияния в Европе. Она пролегла от Гамбурга на севере до Бока-ди-Катарро на юге. Земли к западу от этой линии входили в сферу влияния Наполеона, к востоку — в сферу влияния России. Но если Наполеон оказался пол-

новластным хозяином на отошедших к нему землях, то влияние России было ограничено многочисленными условиями, в том числе и установленными в Тильзите.

Для Александра было очевидно, что мирный договор, подписанный в Тильзите, всего лишь обеспечит передышку перед очередной войной с императором французов.

Надо отметить, что в России условия мира с Наполеоном восприняли с таким возмущением, что Александру открыто напоминали о судьбе его отца, императора Павла I, который всего шесть с небольшим лет назад был убит после разрыва отношений с Англией и заключения союза с Наполеоном. О том, что в русском обществе ходят разговоры о свержении Александра I, уже осенью 1807 г. Наполеону доносил из Петербурга его посол — генерал Р. Савари. Александр никому ничего не объяснял, только в письме к матери, одной из главных противниц договора, уточнил: «Союз с Наполеоном — лишь изменение способов борьбы с ним».

Как именно разворачивалась ситуация в Европе — общеизвестно. Хотелось бы остановиться подробнее на делах восточных, на том, как отозвались тильзитские соглашения на Ближнем и Среднем Востоке, ибо там скрывались свои тайны.

И в переговорах, и в договорах в Тильзите много места было уделено Османской империи и ее роли на Востоке и в Европе, но не было сказано ни слова о Персии. Русская политика воспользовалась обоими этими факторами. Восточная карта была разыграна совершенно блестяще.

С Турцией все складывалось очень непросто. В декабре 1806 г. русская армия заняла Молдавию и Валахию. Русские войска захватили крепости Хотин и Бендеры и подошли к Измаилу, где и остановились. Далее военные действия шли с перерывами и остановками: сил на мощный прорыв у воевавшей с Наполеоном России просто не хватало, а в Стамбуле назревала смута, которая вылилась в государственный переворот в мае 1807 г. Султан Селим III был свергнут с трона, новым государем стал Мустафа IV. Французский посол в Стамбуле генерал О.-Ф. Себастиани продолжал обещать новому султану помощь и поддержку со стороны Наполеона. Поскольку французские войска уже два года занимали Далмацию, выйдя непосредственно к границам Османской империи, обижать посла выражением явного недоверия к его словам в Стамбуле не решались.

В соответствии со статьей Тильзитского договора, где говорилось о французском посредничестве в русско-турецких переговорах о мире, 9 июля, т. е. в день подписания договора, прямо из Тильзита Наполеон

направил в распоряжение русской Дунайской армии полковника графа А. Ш. Гийемино. С русской стороны переговоры были поручены сенатору С. А. Лашкареву. Переговоры в валашском местечке Слободзее шли неторопливо, условия перемирия оказались гораздо более выгодными для Стамбула, нежели для Петербурга. Александр I выжидал. С одной стороны, он не денонсировал перемирие, как, скажем, поступил с условиями договора, подписанного в Париже П. Я. Убри в 1806 г.; с другой стороны, русская армия по-прежнему стояла на берегу Дуная.

С Персией Наполеон установил контакт еще в 1805 г. Один за другим в Тегеран выезжали французские агенты: Жобер, Бонтан, Жуаннен, де Лабланш... Все они возили Фатх Али-шаху письма от Наполеона, в которых говорилось о желательности дружбы между Францией и Персией и о том, насколько сильным станет шах, если перевооружит свои войска по европейскому образцу. Шах принимал посланцев благосклонно, щедро одаривал, выслушивал внимательно. Ему больше ничего не оставалось. Со стороны Персидского залива его владениям грозила Англия, с севера — Российская империя.

Ситуация сдвинулась с мертвой точки после битвы при Прейсиш-Эйлау. Наполеон 17 января 1807 г. письмом, отправленным из Варшавы, сообщал Фатх Али-шаху о том, что он разбил прусскую и русскую армию и восстановил Польшу. Он также советовал шаху вернуть себе Грузию. Подразумевалось — с помощью Наполеона.

С ответным посланием шах отправил к Наполеону мирзу Махмеда Резу, которому были даны полномочия на заключение договора с Францией. Этот договор и был подписан в Финкенштейне 4 мая 1807 г.

Наполеон признал права персидского шаха на Грузию и обещал заставить Россию уйти оттуда. Кроме того, Франция брала на себя обязательство снабдить шаха ружьями и орудиями полевой артиллерии (при этом подчеркивалось — за плату), а также военными специалистами для обучения армии и переоборудования крепостей.

Обязательства шаха оказывались куда более обширными. Во-первых, разорвать отношения с Англией и объявить ей войну. Во-вторых, допустить в свои гавани французскую эскадру. В-третьих... И здесь все становилось на свои места: «воздействовать на афганцев с целью склонить их ...к союзу против Англии и совместной отправке армии в Индию», а также принять на своей территории и гарантировать свободный проход французской армии, которую Наполеон отправит сухопутным путем против английских владений в Индии.

Еще до подписания договора в Тегеран отправился с особой миссией генерал граф К. М. Гардан. Он вез с собой военных специалистов и инструкцию: разработать план похода на Индию совместной армией — от 40 до 50 тысяч французских войск, столько же персов, а также отряды афганцев, сикхов и представителей тех индийских княжеств, которые недовольны присутствием англичан на Индостане.

Миссия добралась до Тегерана в сочельник 1807 года, 24 декабря. Встречали ее с восторгом. Договор был немедленно ратифицирован, причем в соответствии с дополнительной статьей Франция получила в Персидском заливе остров Карек, на который еще в 1801 г. претендовали англичане. Это была намеренная пощечина Лондону. Реорганизация армии пошла полным ходом. Но...

Основной головной болью Тегерана в этот момент была Грузия. А Наполеон через два месяца после подписания договора с Персией заключил Тильзитский мир с Россией, причем в договоре, как уже говорилось, много внимания было уделено Османской империи, а Персии — ни слова. У Александра были развязаны руки. Да и армию теперь можно было резко усилить.

Фельдмаршал И. В. Гудович предъявил Тегерану ультиматум. Генерал Гардан предложил свое посредничество в переговорах, но оно было в резкой форме отвергнуто русской стороной. Против Гудовича выступила толком не реорганизованная армия, которой командовал наследник шаха — шахзаде Аббас-Мирза. Его армия была разбита под Нахичеванью. Русские войска заняли город.

Престиж Франции резко упал. Уверениям Гардана, что Наполеон заставит русских выполнить все его требования, уже никто не верил. Англия присылала в Тегеран своих уполномоченных, которые, в отличие от французской миссии, не были стеснены в средствах. А на Востоке внимательнее слушают того, у кого кошелек тяжелее или пушек больше...

Странная ситуация. Французская дипломатия потратила годы на то, чтобы установить доверительные отношения с Османской империей при Селиме III. И в Тильзите была готова все разорвать. Параллельно идут активнейшие переговоры с Персией, Фатх Али-шаху предлагаются оружие, войска, военные корабли, инструкторы... И — молчание в Тильзите.

Руки Российской империи на Востоке были развязаны.

Часть 2. Эрфурт: театр двух императоров

В начале сентября 1808 г. доселе тихий и сонный немецкий городок Эрфурт бурлил, как никогда за свою многовековую историю. Все аристократические особняки на главных улицах города, дома зажиточных бюргеров в боковых переулках и даже те жилища ремесленников, что были чище и просторнее прочих, срочно ремонтировались, красились и украшались. Маляры и обойщики трудились день и ночь. Самый популярный цвет в интерьере — темно-зеленый; главный орнамент — золотая пчела. Это любимый цвет императора французов и его излюбленный символ. Гораздо реже в отделке зданий встречается белый цвет и вовсе не видно золотых орлов — символов Российской империи и ее властителя Александра...

Отделку вели большей частью по заказам многочисленных государей, которые в последние годы оказались в вассальной зависимости от Франции. Всем им по распоряжению Наполеона были разосланы приглашения (а по сути — приказ) приехать в Эрфурт. Наполеон поставил перед собой задачу ослепить Александра и показать ему всю мощь своей империи. А то в последние месяцы в этом возникли сомнения...

Во-первых, Российская империя систематически уклонялась от соблюдения условий континентальной блокады. Наполеон не мог этого более допускать. Кроме того, события в Португалии и Испании разворачивались совсем не так, как надеялся французский император.

Что новая встреча двух императоров будет необходима, никто не сомневался уже на исходе переговоров в Тильзите: слишком много вопросов, причем высшего уровня, оставались нерешенными. В феврале 1808 г. Наполеон предложил Александру встретиться вновь и просил российского императора выбрать место встречи — любую точку на полпути между Петербургом и Парижем. Уже 13 марта Александр отвечает Наполеону согласием и сразу называет место — старинный университетский городок Эрфурт. Вероятно, он учитывал, что недалеко от Эрфурта располагалось великое герцогство Веймарское, где в то время жила его сестра Мария Павловна, супруга наследника великого герцога. А условие встречи — обсуждение именно проблем Востока.

Однако до намеченной встречи прошло более полугода. К этому времени Наполеон потерял завоеванную было Португалию, когда генерал Андош Жюно, герцог д'Абрантес, капитулировал перед англичанами в Синтре. Осложнилось положение в дружественной по отношению к

Франции Османской империи. В Испании же ситуация разворачивалась совершенно непредсказуемым образом.

В мае 1808 г. Наполеон, пригласив на встречу в Байонну королевскую семью Испании, потребовал, чтобы и король, и наследный принц отреклись от всех прав на трон, и прислал испанцам в качестве государя своего старшего брата Жозефа. Испанский король с королевой были отправлены фактически под домашний арест в Фонтенбло, а принц и другие члены королевской семьи в Валансэ — имение министра иностранных дел Франции Ш. М. Талейрана.

Однако против нового короля восстал народ, 23 июля у города Байлен в Андалузии был вынужден капитулировать французский корпус под командованием генерала П. Дюпона. Партизанская война в Испании, которую затем активно поддержат англичане, затянется на шесть лет — до 1814 года! Наполеон будет вынужден держать там целую армию численностью до 400 тысяч человек.

В Сербии в эти месяцы в основном соблюдалось перемирие, мелкие стычки с турками не в счет. А в Стамбуле в июле 1808 г. был свергнут про-французски настроенный султан Мустафа IV, и на трон взошел Махмуд II, относительно политики которого ничего известно не было. Однако его великий везир Мустафа-паша Байрактар был известен своей ориентацией на Англию.

Эти неудачи заставили Наполеона придать особое значение встрече с русским императором.

Вообще-то даже в сладком сиропе взаимной лести и красивых слов, звучащих и в личном общении в Тильзите, и в последующей переписке, постоянно присутствовала некая горчинка.

Все началось с того, что, когда тильзитское общение императоров уже приближалось к своему завершению, Александр I и Наполеон вручили по пять высших наград своих держав военачальникам и сановникам, присутствовавшим в Тильзите. Орден Андрея Первозванного получили сам Наполеон, его брат Жером (новоиспеченный король Вестфальский), Ш. М. Талейран, маршал И. Мюрат и маршал А. Бертье. Орден Почетного легиона из рук Наполеона, в свою очередь, получили Александр, великий князь Константин Павлович, министр иностранных дел А. Я. Будберг, а также дипломаты, поставившие свои подписи под Тильзитским договором, — А. Б. Куракин и Д. И. Лобанов-Ростовский.

Из лиц, награжденных орденом Почетного легиона, в Тильзите себя ничем не проявил только А. Я. Будберг, и Александр предложил

Наполеону дать орден не ему, а главнокомандующему русской армией Л. Л. Беннигсену. Наполеон категорически отказал. Позже, уже на острове Святой Елены, он заявил, будто бы ему стало противно, «что сын просит награду для убийцы своего отца» — Л. Л. Беннигсен был одним из участников заговора, который привел к убийству Павла I. Вероятно, Александр понял это. И отреагировал весьма своеобразно.

Теперь, после восстановления дипломатических отношений между Российской империей и Французской, последовало и возобновление работы посольств в Париже и Петербурге. Оба императора при этом нанесли друг другу изысканное оскорбление. Наполеон прислал на берега Невы Р. Савари, герцога Ровиго, участника расправы с герцогом Энгиенским в 1804 г.; на берега Сены был отправлен граф П. А. Толстой, еще один участник заговора 1801 г., причем ярый противник союза с Наполеоном. Уже в декабре того же 1807 г. его сменил А. Б. Куракин, с которым Наполеон познакомился в Тильзите. Но и от него Париж не мог добиться никаких уступок, если речь заходила об интересах России.

После Р. Савари послом Франции в Петербург приехал А. Коленкур, герцог Виченцкий. Александр встретил его чрезвычайно приветливо, приглашал на обеды в узком кругу и на военные парады, но когда французский дипломат заводил речь о том, что российская торговля нарушает континентальную блокаду, русский император почему-то его не слышал...

Помимо официальных писем, которые шли из Санкт-Петербурга в Париж и обратно через посольства, императоры обменивались и личными посланиями.

Вопрос о Востоке в очередной раз возник именно в личной переписке императоров зимой 1808 г. Наполеон предложил Александру I ту же приманку, которую в свое время усердно подсовывал еще его покойному отцу Павлу I — идею похода на Индию, а также намеки на возможность полного раздела владений Турции. И для обсуждения именно этого плана Наполеон предлагал Александру встретиться еще раз.

Вопрос Востока все время присутствовал в переговорах российских и французских дипломатов после Тильзита. В Париже обсуждались различные аспекты возможного раздела Османской империи. При этом, ничего не обещая России, Франция требовала для себя в качестве компенсации увеличения территории герцогства Варшавского, то есть плацдарма Наполеона у самых границ России. А турецкие территории российской армии еще предстояло бы завоевывать...

Конечно, для французского императора было важнее решить вопросы с вовлечением России в активные военные действия против Англии и Австрии. Но Индийский поход он почему-то считал для Александра столь же привлекательным, каким он был в свое время для Павла. На эти проекты, где уже проглядывали признаки мегаломании, в конечном итоге и сгубившей Наполеона как правителя, Александр ответил любезно и ядовито: «Такому высочайшему гению, как ваш, предназначено создать столь обширный план. Вашему же гению – и руководить его исполнением». В том же, что касалось дел европейских, и особенно континентальной блокады и военных действий, то Александр сумеет во время встречи настоять на столь туманных формулировках текста конвенции, что у России будут развязаны руки.

Насколько спонтанной и неожиданной для всех, включая ее непосредственных участников, получилась встреча российского и французского императоров в Тильзите, настолько же подготовленной и даже в каком-то смысле отрепетированной она была в Эрфурте. И здесь не зря на ум приходят театральные термины: Наполеон взял с собой в Эрфурт, по выражению французского историка А. Лависса, «самое блестящее, что у него было»: крупнейшего трагика Франции (да и, пожалуй, всей Европы) Франсуа Тальма и весь женский состав театра Комеди Франсэз.

Кстати, нельзя умолчать о личной смелости российского императора. Когда он собрался на новую личную встречу с Наполеоном, его уговаривали никуда не ехать, напоминали о Байонне, о судьбе испанского королевского дома. Многие, в том числе императрица-мать Мария Федоровна, опасались, что Александр будет фактически захвачен в плен. Тот все-таки решился ехать.

Первая встреча двух императоров состоялась 27 сентября на дороге, ведущей в Эрфурт из Веймара. Российский император вышел из кареты, французский — сошел с коня, и они, по словам наблюдавшего эту сцену Талейрана, обнялись «самым дружеским образом».

Эрфуртскую встречу Александра и Наполеона можно поистине назвать триумфом лицемерия.

Первые дни свидания были заполнены бурной светской жизнью: парады, маневры, пышные завтраки и торжественные обеды, театральные представления и блестящие балы... Но самым главным спектаклем через несколько дней, когда ушла эйфория, стали деловые встречи, без которых все-таки нельзя было обойтись.

Личные переговоры императоров проходили за кулисами того спектакля, который разыгрывался на эрфуртской сцене. Но и там не обходилось без

Театра. Чрезвычайная любезность и доброжелательность русского императора куда-то исчезали, когда в переговорах оказывались затронуты кровные интересы Российской империи или ее союзников. Однажды Наполеон изобразил приступ бешенства из тех, что до обмороков пугали его собеседников: он схватил свою шляпу, лежавшую на каминной полке, швырнул ее на пол и начал топтать. Александр отреагировал на это слабой улыбкой и словами: «Вы вспыльчивы, а я упрям. Будем рассуждать, или я уеду».

А рассуждать надо было о многом.

Иногда у наших современников возникает вопрос: а насколько затрагивали мир в целом события, происходившие в Европе в 1808–1809 гг.?

Мы говорим о глобализации так, как будто единство мира – это фактор последних лет, от силы – последних нескольких десятилетий. Это совсем не так. Европейская цивилизация осознала, что весь мир — это единое целое, в эпоху великих географических открытий, то есть в течение XV–XVI вв. Разумеется, это единство мира использовали в своих интересах — колониальные захваты стали привычным делом и продолжались фактически до начала Первой мировой войны. Но и обмен товарами, и, увы, обмен войнами, если так можно сказать, теперь уже имел глобальный характер.

В эпоху Наполеоновских войн, которые затронули всю Европу — ведь ни одно государство не сумело сохранить нейтралитет, даже Швейцария, которую еще генерал Бонапарт бесцеремонно превратил в Цизальпинскую, то есть находящуюся по другую сторону Альп, республику. А потом и вовсе присоединил ее к Франции. Так вот, это потрясение отразилось на всем земном шаре. Военные действия шли в Южной Америке — туда удалилось правительство Португалии, оккупированной Наполеоном. США вновь схлестнулись с Англией, своей бывшей метрополией. Вероятно, только Япония, еще не открывшая свои порты для Европы, оставалась в стороне. А европейские державы воевали между собой и в Южной Африке, и на Цейлоне, и в Индии.

Позже, когда Наполеон объявил континентальную блокаду Англии, оказалось, что от этого очень серьезно пострадали такие страны, как Дания и Швеция, не имевшие своих колоний и получавшие колониальные товары (т. е. чай, кофе, сахар, пряности, шелк, лак) именно через Англию и большей частью из ее колоний. Поэтому переговоры властителей двух континентальных империй отражались на судьбах всего мира.

Александр отстаивал свои интересы флегматично, но упорно. Наполеон с возмущением говорил Коленкуру, своему послу в Петербурге: «Ваш

император Александр упрям, как осел! Он притворяется глухим, когда не хочет чего-либо слышать!»

Атмосферы доверительного общения, какая сама собой сложилась в Тильзите, достичь явно не удавалось. Не помогли ни присутствие искренне восхищавшегося Наполеоном великого князя Константина Павловича, ни визит в Веймар, к Марии Павловне — ее холодное отношение к государю, чьи войска стояли на территории герцогства, не способствовало улучшению настроения. Наполеон, со своей стороны, решил, что она неинтересна и внешне, и в общении. Семейный уровень общения в этот раз государям не давался.

Надо сказать, что у Александра в Эрфурте нашелся совершенно неожиданный союзник. Им оказался человек, которого дипломаты Европы опасались чуть ли не больше, чем самого Наполеона — Шарль Морис Талейран, князь Беневентский.

Он уже не был министром иностранных дел Франции (Наполеон сместил его с этого поста вскоре после Тильзита), но приехал в Эрфурт в свите французского императора и принимал хотя и негласное, но самое активное участие в переговорах.

При первой же встрече наедине с русским императором Талейран предложил ему свои услуги. Он понимал, что неудержимое стремление Наполеона к господству сначала над Европой, а дальше, если получится, и над изрядной частью Азии приведет Францию к грандиозной катастрофе. Он заявил Александру откровенно: «Спасение Европы – в противодействии Наполеону».

Отныне и до свержения Наполеона Талейран будет сообщать в Санкт-Петербург и Вену исключительно важную информацию. Сначала «от души», а уже через полгода — за деньги, причем немалые: 100 тысяч франков в год. Его псевдонимы, под которыми он был известен российской военной разведке: кузен Анри, Анна Ивановна, Та.

Александру удалось добиться немалых уступок в вопросах о совместных действиях против Англии и Австрии. Обещание о войне с Австрией, которую вскоре начнет Наполеон, было столь туманным, что потом и саму войну России с Австрией будут именовать «бескровной и теневой».

Это не единственная «странная» война России, которую обусловили союзные отношения с Наполеоном.

Война с Англией, начатая после Тильзита — вообще фактически шла без сражений. Эскадра адмирала Д.Н. Сенявина, возвращавшаяся из Средиземного моря после совместных действий с англичанами против

турок, была блокирована у берегов Португалии в устье реки Тежу (исп. Тахо). Английский флагман высказал пожелание, чтобы корабли не сдались, а *были переданы* ему, причем так, чтобы «наименьшим образом задеть чувства Вашего превосходительства».

Корабли пришли к английским берегам под Андреевским флагом и с собственными командами.

В том, что касалось Пруссии, Александр I сумел на 20 миллионов снизить наложенную на нее контрибуцию и продлить срок ее выплаты на три года. В остальном его усилия остались тщетны. Кроме того, русской дипломатии не удалось заставить Наполеона отказаться от военных поставок великому герцогству Варшавскому — фактически плацдарму Наполеона у самых границ Российской империи.

Что же касалось территориальных приращений, то Франция признала как входящие в состав Российской империи Финляндию, Молдавию и Валахию. Финляндию Россия завоюет годом позже, а Молдавия и Валахия останутся недостижимы навсегда...

Кстати, война Швеции с Россией будет стоить ей династии: короля из династии Ваза сместят за проигрыш войны, его бездетный дядя выберет себе преемника — наполеоновского маршала Жана-Батиста Бернадота. Тот станет официальным наследником шведского престола в 1810 г., но в 1812-м не будет помогать Наполеону, а в 1813-м примкнет к антифранцузской коалиции. Династия бывшего сподвижника Наполеона продолжает править в Швеции и в начале XXI в.

Русско-французская конвенция была подписана 12 октября. А два дня спустя, 14 октября императорский кортеж вновь отправился по дороге на Веймар.

Они расстались на том же месте, где встретились немногим более двух недель назад. Оставив возле карет свиту, неторопливо шли по дороге, о чем-то негромко разговаривая. О чем именно — никто не знает. Оба императора, люди достаточно откровенные в том, что касалось их встреч, об этой беседе никому не сказали ни слова.

Кстати, красноречивая деталь: как уже упоминалось, встреча императоров в Тильзите оказалась запечатленной на бесчисленном количестве рисунков, акварелей, гравюр. Каких-либо изображений пышных празднеств и тесного, «дружественного общения» в Эрфурте почти нет.

Тильзит и Эрфурт дали России возможность мирной передышки. Это был не мир с Наполеоном, но скорее отсутствие войны с ним.

Французский император тем временем увяз на Пиренейском полуострове. Его недооценка народного возмущения и герильи — «малой», то

есть партизанской войны в конечном итоге дорого ему обойдется: вплоть до 1814 г. Наполеон будет вынужден держать там от 400 до 500 тысяч войска. Опираясь на испанцев, английские войска пройдут с боями от Атлантического океана до Пиренеев. В конце концов, именно английская армия под командованием герцога Артура Веллингтона, закаленная многолетними сражениями на испанской земле, нанесет Наполеону решающий удар в битве при Ватерлоо.

Последствия того, что Александр в Эрфурте последовательно уходил от обсуждения дел на Востоке — возобновление военных действий России против Османской империи в 1809 г., присоединение Бессарабии по условиям Бухарестского мирного договора, заключенного в мае 1812, за несколько недель до нападения Наполеона. Военные действия с Персией продолжались еще полтора года и завершились Гюлистанским мирным договором от 24 октября 1813 г., по которому за Россией признавалось право на Грузию, Имеретию, Мингрелию, Абхазию, Гурию, Дагестан и Ширван.

Франция будет постепенно утрачивать одну за другой свои позиции на Востоке. Сначала в Индии, затем в Иране. Дольше всего французское влияние продержится в Османской империи.

Русское влияние на Востоке сведется к торговым интересам на Среднем и Дальнем Востоке. На Ближнем Востоке соперничать начнут английские товары с российскими штыками и русским же идеализмом.

Литература и источники

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Т. III (1807 г.). М.: Политиздат, 1964.

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Т. IV (1808 г.). М.: Политиздат, 1967.

Зеленина Л. В. Европейская панорама. Мальта, Абукир и Пирамиды. Амьенский мир. Первое сербское восстание: начальный этап. Контурь доктринь статус-кво. Первое сербское восстание: кульминация и трагедия. *Александр I, Наполеон и Балканы*. М.: Наука, 1997. *Балканские исследования*. Вып. 18.

Вандаль А. *Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи*. Т. 1–3. СПб., 1910–1913.

Сироткин В. Г. *Дуэль двух дипломатий*. М.: Наука, 1966.

Троицкий Н. А. *Александр I и Наполеон*. М.: Высшая школа, 1994. *История в лицах*.

Шеремет В. И. *Война и бизнес: власть, деньги и оружие. Европа и Ближний Восток в Новое время*. М.: TBS, 1996.

Научное издание

Шеремет Виталий Иванович

ПОСЛЕДНИЙ ОСМАН

Избранные труды

Том 1

Редактор Д. В. Дубровская

Дизайн обложки, компьютерная верстка Н. В. Бусыгин

Подписано 11.10.2021 Формат. 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,42. Уч.-изд. л. 11,26. Тираж 500 экз. Зак. №.
Федеральное государственное Бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН 107031 Москва, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. Отделом И. В. Федулов
e-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО «Белый ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, дом 28
тел. (495) 651-84-56